

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ALUSTATUD 1893. a.

VIHİK № 44

ВЫПУСК

ОСНОВАНЫ В 1893 г.

ÕIGUSTEADUSKONNA TÖID
ТРУДЫ
ЮРИДИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА

EESTI RIIKLIK KIRJASTUS
TALLINN 1956

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
VIINIK 44 ВЫПУСК

ÕIGUSTEADUSKONNA TÖID

ТРУДЫ
ЮРИДИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА

EESTI RIIKLIK KIRJASTUS
TALLINN 1956

Redaktsiooni-kolleegium:

J. Ananjeva, H. Kadari (vastutav toimetaja), J. Mäll, K. Püss,
A. Uustal, P. Vihalem.

A. Pravdin, E. Uuspõld (sekretärid).

Редакционная коллегия:

Ж. Ананьева, Х. Кадари (ответственный редактор), П. Вихалем,
И. Мялл, К. Пюсс, А. Уусталь.

А. Правдин, Э. Ууспыльд (секретари).

АКТЫ, УСТАНОВЛИВАЮЩИЕ ПРАВОВОЙ РЕЖИМ ПАНАМСКОГО КАНАЛА

Канд. юрид. наук Ю. Егоров

Кафедра истории государства и права

I

Международные отношения в эпоху империализма характеризуются расхождением между формальными декларациями и фактической сущностью. Мнения буржуазных международников сходятся в основном на том, что морские пути, связывающие между собой открытые моря, должны быть всегда открыты для всех судов, а свобода судоходства в них должна быть гарантирована.

Хотя принцип «свободы судоходства» был признан теорией и получил свое юридическое выражение в договорах, регулирующих правовой режим Панамского канала, однако, отсутствие в этих договорах гарантии реального осуществления этого принципа сделало его провозглашение по существу фиктивным.

Деятели США пытались маскировать сущность своей политики в Панаме демагогическими фразами о том, что канал является нейтральной зоной с гарантией свободного прохода через него военных и торговых судов всех наций, на равных правах, как в мирное, так и в военное время; на самом же деле политика США направлена к утверждению их неограниченной гегемонии как на самом канале, так и в прилегающих к нему стратегических зонах. История возникновения и развития Панамского канала и его режима представляет собой яркое выражение агрессивной политики империалистических держав, стремившихся навязать свою волю слабым государствам, ограничить их суверенитет. Буржуазная литература о режиме Панамского канала трактует его в интересах экспансионистской политики крупных морских держав.¹ Историю борьбы за сооружение канала, соединяющего Тихий океан с Атлантическим, можно проследить на протяжении мно-

¹ См. André Siegfried, *Suez, Panama et les routes maritimes mondiales*, Librairie Armand Colin, Paris 1945.

гих столетий. Испания, Англия, Франция пытались захватить в свои руки сооружение меж океанического канала, а главное — контроль над ним. В XIX веке на арене борьбы за канал появились США. В 1823 году США почувствовали себя достаточно сильными для того, чтобы провозгласить «доктрину Монро», в которой они под видом защиты американского континента от европейских государств фактически объявили свое монопольное право на этот континент. При этом США стали вкладывать в доктрину, основываясь на своем собственном толковании, двойной смысл: 1) не-американские державы не должны предпринимать ни политического, ни военного вмешательства в дела Латинской Америки; 2) Соединенные Штаты вольны вмешиваться в дела Латинской Америки в любой степени и форме, в какой это требуют их собственные интересы.² «Доктрина Монро» никогда не была общепризнанным принципом международного права. Доктрина эта, являясь односторонним выражением принципов политики одного государства (США), издавна отвергалась непосредственно заинтересованными государствами (латино-американские страны), видевшими в ней посягательство на их независимость и суверенитет, а также не признавалась многими другими государствами. Эта доктрина является орудием маскировки и оправдания вмешательства, а не принципом невмешательства. «Доктрина Монро» — составная часть пан-американизма.³

В первой половине XIX века, когда США не были еще в кругу «великих держав», американские государственные деятели не претендовали на то, чтобы США построили канал самостоятельно и после его постройки сосредоточили контроль над ним полностью в своих руках. В то время они отстаивали такой принцип, согласно которому будущий канал должен быть сооружен в интересах не одной, а всех стран в одинаковой мере и должен быть отдан под покровительство всех держав. Другими словами: не должна быть допущена какая бы то ни была монополизация в сооружении и эксплуатации нового мирового пути. Интернационализация канала вместо возможной монополизации — вот тот принцип, которого придерживалась тогда дипломатия США в вопросе о меж океаническом пути через Панамский перешеек. В 1850 году США вынуждены были пойти на заключение с Англией соглашения, известного под именем договор Клейтон-Булвера. В этом договоре от 19 IV 1850 года, урегулировавшем англо-американские отношения в Центральной Америке, указывалось, что договаривающиеся стороны обязываются пригласить всякое государство, с которым оба они или одно из них находится в дружественных отношениях,

² Уильям З. Фостер, Очерк политической истории Америки, Москва 1953, стр. 356—357.

³ См. Большая Советская Энциклопедия, второе издание, том 31, 1955, стр. 634—635. См. также М. Боголепов, Доктрина Монро, «Большевик», 1940, № 17; Ч. Ч. Хайд, Международное право, русск. пер., 1950, т. I, § 85 сл. и библиографические указания на стр. 499—500.

заключить с ними такие же договоры, какой они заключили между собою, для того чтобы и другие государства могли присоединиться к использованию теми преимуществами, какие предоставляет им проектированный канал. Договаривающиеся стороны заключают с соответствующими государствами Центральной Америки такие соглашения, которые дадут возможность наиболее действительным образом осуществить предмет настоящей конвенции, т. е. построить и содержать названный канал, как морской путь, соединяющий два океана на благо человечества и на основаниях, одинаковых для всех. (Статья 6).⁴ Однако США и Англия не обратились к другим странам с конкретным предложением присоединиться к договору от 19 IV 1850 г. Обе стороны объявили о своем нежелании добиваться в будущем исключительного господства над каналом. Договор провозгласил нейтрализацию будущего канала и свободный проход судов всех наций, в том числе и военных кораблей воюющих держав. Объявление нейтралитета будущего канала открыло возможность обеспечить этот нейтралитет общим международным соглашением всех заинтересованных держав. Договор должен был положить конец всяким попыткам монополизации будущего межокеанического канала какой-либо одной державой. Договор Клейтон-Булвера был примером международно-правовой практики домонополистического капитализма, когда буржуазия иногда торжественно провозглашала принципы «равенства всех народов», «независимости» и «свободы». Однако эти принципы служили лишь свободой сильного. Отсутствие коллективной гарантии сделало эти принципы на практике неосуществимыми. Оговорка, что к договору Клейтон-Булвера будет приглашено присоединиться государство, которое «находится в дружественных отношениях», оставила эти принципы на усмотрение двух держав. Договор представлял собой временный компромисс между США и Англией.

По мере роста и развития США договор Клейтон-Булвера мешал экспансионистским стремлениям США. Избавление от договора сделалось к концу прошлого столетия одним из лозунгов политики США.⁵ «Толкование» договора 1850 года началось сразу же после его подписания⁶ и в течение последующих 50 лет было предметом горячих споров в обеих странах, причем США изыскивали способы обхода договора 1850 года.

Учитывая возможность столкновения на Панамском перешейке с влиянием неамериканских государств, США, опираясь на «доктрину Монро» оспаривали значение договора Клейтон-Булвера и

⁴ Текст см. *Treaties, Conventions, International Acts, Protocols and Agreements between the United States of America and Other Powers 1776—1909*, Washington, Government Printing Office, 1910, Vol. I, pp. 659—663.

⁵ Б. Э. Нольде, *Панамский канал и международное право*. Санктпетербург 1913, стр. 102.

⁶ См. *British and Foreign State Papers*, Vol. XL, pp. 1028—1031.

стремились приобрести право исключительного господства над будущим каналом.⁷

Контроль канала со стороны европейского государства означал бы по мнению политиков США нарушение прав США.⁸

В связи со вступлением США на путь империалистического развития вопрос о межookeаническом канале приобрел для капиталистов США несравненно большее значение, чем ранее. США вновь ставят перед Англией вопрос о рассмотрении проблемы канала, ибо договор Клейтон-Булвера стремится помешать монополизации канала в руках какой-либо одной державы, что не соответствует интересам господствующих классов США.

5 февраля 1900 г. между Англией и США был подписан договор, который должен был заменить договор Клейтон-Булвера. Однако сенат США, добиваясь полного аннулирования договора 1850 года, не согласился с измененным текстом договора Клейтон-Булвера, ибо измененный текст, хотя и устранил Англию от контроля над будущим каналом, однако сохранил нейтрализацию канала и предоставил другим державам право присоединения к договору. США внесли некоторые существенные исправления в текст договора от 5 февраля 1900 года (исключалась статья, приглашавшая присоединиться к нему другие державы; вставлялось примечание об отмене договора Клейтон-Булвера и др.) и в этой существенно измененной редакции договор от 5 февраля 1900 года был принят сенатом США (20 XII 1900 г.). Однако ввиду возражений Англии этот договор не вступил в силу. Правительство США, используя тогдашние международные затруднения Англии (бурская война), смогло в конечном итоге сломить сопротивление последней, и Англия пошла на значительные уступки, которые нашли свое выражение в т. н. договоре Гея-Паунсфота от 18 ноября 1901 года.

*

Основными актами, устанавливающими правовую режим Панамского канала, следует считать:

1. Договор Гея-Паунсфота

Договор Гея-Паунсфота от 18 XI 1901 года (Treaty to Facilitate the Construction of a Ship Canal) о сооружении канала между Атлантическим и Тихим океанами в том месте, которое будет признано наиболее удобным, явился компромиссом между первоначальным проектом и поправками сената США, причем Англия

⁷ См. обмен нот между Блэйном (Blaine) и лордом Гренвилем *Foreign Relations of the United States*, 1881, p. 554; John Basset Moore, *A. Digest of International Law*, Washington 1906, pp. 17—19.

⁸ См. Ф. Мартенс, *Современное международное право цивилизованных народов*, Спб. 1888, том II, § 59, 11, стр. 253.

приняла большинство поправок и требований США. Этим договором был аннулирован договор Клейтон-Булвера. Согласно договору⁹, в основе статута канала лежит принцип нейтралитета, который, однако, был неопределенно сформулирован. Режим Панамского канала отождествлялся с Суэцким, однако, в отличие от Константинопольского договора от 29 октября 1888 года¹⁰, нейтралитет Панамского канала обеспечивался не коллективной гарантией государств, а только США (см. ст. II).¹¹ Согласно статье III, п. 2, США разрешается держать в зоне канала неопределенное количество военной полиции. Открытым остается и вопрос о том, имеют ли США на основании этого договора право возводить в зоне канала укрепления или нет.¹²

Хотя в договоре и отмечалось, что канал свободен и открыт для торговых и военных судов всех стран, с соблюдением полного равенства и без всякого различия в условиях или оплате прохода, однако, практика США нарушила эти принципы; это вызвало ряд возражений со стороны других держав.¹³ Договор ничего не говорит о правах судов тех стран, которые находятся в состоянии войны с США и Панамой. Перемены территориального суверенитета или изменение в международных отношениях страны или стран, территорию которых пересекает канал, не может отразиться на общем принципе нейтрализации или обязательств высоких договаривающихся сторон по настоящему договору (см. статья IV). Присвоенный Панамскому каналу юридический статус является результатом договорных взаимоотношений между США и Англией на основе условий договора Гей-Паунсфота. Договор 1901 года «узаконил» привилегированное положение США на проектируемом межokeаническом (Панамском) канале.

Вытеснив Англию с Панамского перешейка, США одержали крупную победу. Что же касается народов Латинской Америки, то в панамском вопросе США не желали признавать, что этот вопрос затрагивал жизненные интересы народов латиноамериканских стран. США вынуждены были допустить к урегулированию вопроса о режиме канала только одну Англию как сильнейшую в то время морскую и колониальную державу. Немного позже США заключают, для виду, соглашение с Колумбией, на территории которой намечалось построить канал.¹⁴ После вступления в силу договора Гей-Паунсфота в конгрессе США и вне его шла борьба

⁹ Текст см. *Treaties, Conventions* op. cit., стр. 782—784.

¹⁰ Текст см. Сборник договоров России с другими государствами 1856—1917 под ред. Е. А. Адамова, Москва 1952, стр. 271—276.

¹¹ Канал перешел под «исключительное покровительство» США.

¹² Был снят пункт о запрещении возводить на канале укрепления, что не было предусмотрено в договоре от 1850 года.

¹³ См. подробнее L. Oppenheim, *The Panama Canal Conflict between Great Britain and the United States of America*, Cambridge, University Press, 1913.

¹⁴ Позднее республика Панама заявляет о своем согласии с договором Гей-Паунсфота; см. конвенцию от 18 XI 1903 года.

между двумя группировками по вопросу о месте постройки канала (никарагуанский и панамский вариант).¹⁵ 28 июня 1902 года американский конгресс принял билль Спунера (Spooner), уполномочивая президента США приобрести собственность и права французской компании Панамского канала¹⁶ и обеспечить необходимые права на постройку канала со стороны Колумбии. Несомненно, что акт Спунера следует также считать одним из актов, устанавливающих режим Панамского канала.¹⁷

Добившись уступок Англии в 1901 году, приобретя за бесценок французское предприятие Панамской компании со всем его имуществом и правами в 1902 году, США осталось преодолеть еще одно препятствие в деле обеспечения полного господства над будущим каналом в Панамском перешейке: склонить на свою сторону и получить согласие на вечное управление полосой канала от правительства Колумбии, по территории которой должен был пройти новый канал. Правительство США требовало право сооружения, управления и обороны канала, ссылаясь на доктрину «преобладающих интересов» США. Одновременно с этим США опубликовали в 1902 году ряд заявлений о будущем меж океаническом канале, в которых декларируется нейтралитет будущего канала. Используя угрозу и подкупы, США удается в ноябре 1902 года начать переговоры и реализовать их подписанием договора 1 января 1903 года между Геем (статс-секретарь США) и Эрраном (Колумбийский поверенный в делах в Вашингтоне). 7 марта 1903 года США поспешно ратифицируют договор Гей-Эррана на чрезвычайной сессии Конгресса. Решающее слово оставалось за Колумбийским конгрессом. Подписание договора Гей-Эррана вызвало глубокое возмущение в Колумбии, ибо он означал, что США получают под свой контроль весь Панамский перешеек.¹⁸

Американским империалистам нужна была ратификация договора. Однако, несмотря на все меры дипломатического давления и запугивания, маленькая Колумбия оказалась удивительно стойкой. Колумбийский конгресс (12 августа 1903 г.) отверг эти при-

¹⁵ См. Л. И. Зубок, *Империалистическая политика США в странах Карибского бассейна 1900—1939*, Москва—Ленинград 1948, стр. 217—218.

¹⁶ См. В. М. Венин, *Панама и Панамский канал*, Географиз, Москва 1951, стр. 19—23.

¹⁷ В статье 6 Акта Спунера указывается: «В соглашениях с Республикой Колумбией или Никарагуа и Коста-Рикой президент не имеет права гарантировать им использование морского канала и его бухт в пределах, которые не будут общими для всех кораблей других стран и граждан».

Согласно статье 3 «... военному министру поручается построить безопасные и удобные бухты в пределах канала и сделать все необходимое для обороны, безопасности и защиты указанных сооружений и канала». См. Miner Dwight Carroll, *The Fight for the Panama Route. The Story of the Spooner Act and the Hay-Herran Treaty*, New York 1940.

¹⁸ С. Гонионский, *Как американские империалисты захватили Панамаму*, «Вопросы истории», 1950, № 9, стр. 75—76; Moore, Miner, E. T. Parks, *Colombia and the United States*, Durham 1935.

тязания, не утвердив договора Гей-Эррана. Колумбия не признала договора, подписанного США с Панамской компанией.

Ввиду вышеотмеченных неудач, политики США решили вызвать «революционное движение» в Колумбии и добиться отделения провинции Панама от Колумбии. 3 ноября 1903 года американские империалисты под видом «революции» организовали в департаменте Панама республики Колумбии мятеж и провозгласили Панамскую республику,¹⁹ которая была признана *de facto* со стороны США уже 13 ноября.

США оказали покровительство вновь образованной Панамской республике, заявив, что не позволят иностранным войскам (Колумбийским и др.) высаживаться на перешейке. Протесты Колумбии были Соединенными Штатами Америки отвергнуты. Теперь США было нетрудно пойти на сделку со всецело зависимой от США республикой Панамой и «заключить» договор, ранее отвергнутый Колумбией, на еще более выгодных для США условиях. Институт признания явился ширмой, прикрывающей захват территории.

Панамская «революция» 1903 года — один из примеров интервенционистской политики США в Западном полушарии. Тогда — в эпоху империализма «доктрина Монро» явилась средством проведения и оправдания политики американских монополий в странах Латинской Америки. Захват зоны канала является примером практического применения нового толкования «доктрины Монро» в эпоху империализма. Попытки некоторых американских буржуазных ученых утверждать, что панамская «революция» не имеет прямого отношения к «доктрине Монро», является неудачной попыткой обелить последнюю.²⁰

2. Договор Гей-Бюно-Варилья

от 18 ноября 1903 года

18 ноября 1903 года Бюно-Варилья от имени временного правительства новообразованной республики Панама (через полмесяца после т. н. «панамской революции») подписал договор (Convention for the Construction of a Ship Canal), известный под названием договора Гей-Бюно-Варилья²¹ и вступивший в силу после обмена ратификационными грамотами 26 февраля 1904 года. Этот договор был по сути дела измененным текстом договора Гей-Херрана, в который включены были более выгодные для США статьи. Хотя статья I и говорит о том, что США гарантируют и будут поддерживать независимость Панамской республики, однако после-

¹⁹ См. С. Гонионский, *op. cit.*; Hudson, *Cases of International Law*, 1936, p. 176.

²⁰ См. Ч. Ч. Хайд, *цит. соч.*, § 97-6 и примечания.

²¹ Текст см. *Treaties, Conventions* Vol. II, pp. 1349—1357.

дующие статьи признавали за США право вмешиваться во внутреннюю и внешнюю политику правительства Панама.²²

Договор (ст. 3) предоставляет США постоянное пользование всеми правами, полномочиями и властью, которые они имели бы, если бы им принадлежал территориальный суверенитет на канале и на полосе земли по обоим берегам канала общей шириной в 16 км., включая 4 островка в Панамской бухте для сооружения, содержания и эксплуатации канала и для его санитарного обслуживания и охраны. Указанная территория считается арендованной США у Панама. Кроме того, США получили право приобретать по своему усмотрению любые участки суши или воды в не з о н ы канала, если бы правительство США сочло их «необходимыми и удобными для сооружения, содержания и эксплуатации канала или его охраны». США предоставлялось право укреплять канал, держать в зоне канала свои войска и покупать или нанимать в аренду любые участки под военно-морские базы и угольные станции, а «если когда-либо потребуются прибегнуть к вооруженной силе для безопасности или защиты канала США будут в праве во всякое время и по своему усмотрению прибегать к своей полиции и употреблять свои сухопутные и морские силы». Таким образом, договор устанавливает над зоной канала как бы двойной суверенитет, который по существу является суверенитетом более сильной из договаривающихся сторон, т. е. США.

Установленный в статье 18 «постоянный нейтралитет» канала поставлен под свободное верховенство США, без международно-правовой защиты.²³ Панамский канал на основании договора от 18 ноября 1903 года был нейтрален лишь в ограниченном смысле. Принципы нейтралитета Панамского и Суэцкого каналов не были тождественными ввиду следующих обстоятельств: нейтралитет Суэцкого канала был гарантирован всеми великими державами Европы, нейтралитет же Панамского только двумя державами: Англией и США. Нейтралитет Суэцкого канала, в соответствии с Константинопольской конвенцией 1888 года, не допускает постройки в зоне канала каких-либо укреплений, за США же оставлено «право» укрепления Панамского канала. В случае участия США в войне, военные укрепления и действия США сделали бы невозможным для другой воюющей стороны использовать канал. Таким образом США обеспечили себе постоянное верховенство по отношению к каналу. Политические деятели Панама считали, что обе страны совместно осуществляют суверенитет над зоной канала и что США получили лишь те полномочия, которые необходимы для сооружения, содержания и эксплуатации канала, а также для его санитарного обслуживания и охраны. Однако власти США,

²² США получили право проводить санитарные мероприятия и меры по охране общественного порядка в гг. Панаме и Колоне, в случае, если правительство Панама не в состоянии будет его осуществить (см. статья 7).

²³ См. Ф. Л и с т, Международное право, под ред. проф. В. Э. Грабаря, Юрьев (Дерпт) 1912, стр. 281.

действуя по своему усмотрению, заявляли, что поскольку им принадлежит суверенная власть, они имеют право открывать таможи и организовать почтовую связь даже в том случае, если номинальное право суверенитета остается за Панамой.²⁴ Согласно статье 5 договора, США получили вечную монополию на все пути сообщения в виде каналов и железных дорог, как существующие, так и могущие быть построенными на территории Панамы и связывающие два океана; Панаме запрещалось строить самой аналогичные пути на собственной земле без специального разрешения правительства США.

Получив в 1903 г. суверенные права в зоне канала, США полностью обеспечили себе условия для постройки и эксплуатации канала под своим неограниченным контролем.²⁵

Фактическое подчинение Панамы США глубоко возмутило народ Колумбии, и правительство Колумбии, отказавшись признать Панаму независимым государством, требовало передачи конфликта на арбитраж Гаагского трибунала, что было однако отклонено правительством США. Лишь в 1922 г. Колумбия признала независимость Панамы и соответственно панамскую границу.

Но задолго до этого на Панамском перешейке приступает к работе комиссия канала, утвержденная сенатом США 3 марта 1904 г.²⁶ 24 августа 1912 г. издается акт об открытии, содержании, защите и эксплуатации канала и об оздоровлении и управлении зоной канала.²⁷ 15 августа 1914 г. канал открывается. Еще задолго до первой мировой войны США, якобы для укрепления обороны канала, начали строить ряд военно-морских и воздушных баз и укреплений на канале со стороны Тихого и Атлантического океанов.

Во время первой мировой войны, до вступления в нее США, в силу прокламации, изданной США 13 ноября 1914 года, допускался беспрепятственный проход через канал торговых и военных судов воюющих держав.²⁸ Вторая декларация была издана 23 мая 1917 г., когда США уже участвовали в войне. На основании этой декларации неприятельские торговые и военные суда были лишены права пользоваться каналом.²⁹ 4 января 1924 г. Панама представляет США меморандум с требованием подписа-

²⁴ См. Л. И. Зубок, *op. cit.*, стр. 259.

²⁵ Граница зоны канала была установлена соглашением 16 VI 1904 и позднее договором 2 IX 1914 г.

²⁶ См. House Documents, Washington, 58 Congress, 3 session, Vol. 74, Doc. 226.

²⁷ См. Тимонов, *Мировой водный путь через Панамский перешеек*, Спб. 1913.

²⁸ American Journal of International Law, 1915, pp. 167—175.

²⁹ *ibid.* 1917, 11, Suppl. pp. 165—168.

ния нового договора взамен договора 1903 года. Панама представляет для обсуждения в США проект договора.³⁰

Переговоры привели в конечном итоге к подписанию нового договора между Панамой и США 28 июля 1926 г.³¹ Хотя договор и делал несколько мелких уступок Панаме, он однако содержал новую статью, обязывающую Панаму в случае вступления США в войну следовать их примеру, причем войска Панамы подчинялись командованию США, последние получили также полный контроль, во время войны, над авиацией и радиосвязью над территорией Панамы. Протест широких общественных кругов привел к отклонению этого договора.³² Переговоры возобновились в 1929 году, однако до 1936 года не было достигнуто никаких результатов. Лишь 2 марта 1936 года был подписан договор.

3. Американо-Панамский договор

от 2 марта 1936 года

Договор между США и Панамой вступил в силу после ратификации, т. е. 27 июля 1939 г. Помимо договора «о дружбе и сотрудничестве» были еще приложены четыре ноты.³³

Согласно статье I договора, США формально отказались от предоставленного им договором Гей-Бюно-Варилья права пользоваться водами и землями республики Панамы для сооружения канала; договор отменял гарантию суверенитета и свободы Панамы со стороны США, содержащуюся в договоре Гей-Бюно-Варилья и имевшую в виду действия Колумбии. Было также формально отменено право США на интервенцию в городах Панама и Колон и прилегающих к ним гаванях и территориях «для обеспечения порядка». Далее указывалось, что «США будут продолжать контролировать канал для использования его в целях поощрения межекеанической торговли». В то же время США и Панама признали «свою готовность к сотрудничеству, в целях обеспечения постоянной возможности пользоваться всякого рода преимуществами, которые может предоставить канал как обеим странам, участвовавшим в его сооружении, так и всем другим странам, заинтересованным в мировой торговле». В договоре указывалось, что в случае международного конфликта или агрессии, которая может поставить под угрозу безопасность Панамской республики или нейтралитет и безопасность канала, оба правительства обяза-

³⁰ См. Mc Cain, William D. *The United States and the Republic of Panama*. Durham, North Carolina, Duke University press, 1937, pp. 123—147.

³¹ Текст см. *Congressional Record*, V 68, pp. 1846—1852; *Foreign Relations of the United States*, 1926, v. II, pp. 833—849.

³² См. «Известия» 11 августа 1926 года.

³³ См. *American Journal of International Law*, Vol. 34, July 1940, Number 3, Suppl. pp. 139—157

лись после предварительной консультации, предпринять совместные предупредительные и оборонительные мероприятия, которые они найдут необходимыми для охраны их общих интересов. Эта статья давала США возможность в любое время ввести свои войска на территорию Панамской республики.³⁴

Таким образом, «гарантия» независимости Панамской республики со стороны США была заменена «взаимной консультацией и действиями». США официально отказались от права интервенции, которое они имели на основании договора Гей-Бюно-Варилья, однако, эти формального порядка поправки не изменили существа, они были вызваны необходимостью проводить со стороны США в Панаме более гибкую и замаскированную политику в условиях углубления общего кризиса капитализма. Договор 1936 года не изменил фактической зависимости Панамской республики от США. США не собирались отказываться от нее и в дальнейшем: теперь она стала проводиться лишь в более замаскированной форме.

Дипломатия США в канун второй мировой войны воспользовалась создавшейся международной обстановкой в целях сколачивания в Западном полушарии военного блока государств для осуществления своих империалистических замыслов. В начале второй мировой войны под предлогом «обеспечения безопасности» межамериканских коммуникаций была провозглашена в 1939 году Панамская декларация, которая была одобрена на совещании министров иностранных дел 21 американской республики. Эта Панамская декларация о «Зоне безопасности» американских государств³⁵ произвольно расширяла юрисдикцию американских республик, в том числе и Панамской, и зоны канала, далеко за пределы их территориальных вод. Декларация создала «нейтральную морскую зону»; границы которой были проведены на расстоянии 300 миль вдоль всего Западного полушария к югу от Канады. На всю эту зону незаконно распространялась юрисдикция и контроль американских республик, а фактически США, получивших «право» производить в пределах этой зоны патрулирование, индивидуально или коллективно, т. е. при участии военно-морского флота США. Произвольное установление огромной морской зоны, включая и Панамский канал, не имело оснований в международном праве.

Мнение региональных международно-правовых организаций не может быть обязательно в качестве источника международного общего права. Помимо прокламации от 9 IX 1939 г относительно соблюдения нейтралитета в зоне Панамского канала был опубликован ряд постановлений (5 IX 1939 г.; 25 II 1940; 9 VII 1940),

³⁴ В 1939 году Панама под давлением США заявила, что «при чрезвычайных обстоятельствах» вооружённые силы США могут высаживаться на территории Панамы и без разрешения панамского правительства.

³⁵ Текст см. American Journal of International Law, Vol. 34, № 1, Suppl. pp. 17—19.

с этим связанных.³⁶ С 1939 года зона Панамского канала официально находится в ведении военного министерства США. Общий контроль осуществляет командующий вооруженными силами зоны канала. В годы второй мировой войны усиливается активность США в зоне Панамского канала и перешейка, — которая была окружена военно-морскими и авиационными базами США. Так, в январе 1942 года США, установив «контроль» над побережьем республики Панама, фактически оккупировали её. В 1942 году США получили вне зоны канала 134 участка под военные базы с условием, что США вернут их Панаме не позже, чем через год после окончания войны. В зоне канала увеличено было число аэродромов и находился и находится сейчас большой военный гарнизон США. Когда в 1941 году конгресс США допустил приобретение государством американских и иностранных судов, находящихся в пределах юрисдикции США, президент дал разрешение захватить иностранные суда, не используемые и находящиеся в портах США, а также в портах Панамского канала.³⁷

Являясь полновластным хозяином зоны канала и значительной части территории республики Панама, Соединенные Штаты Америки имели полный контроль в районе Панамского канала.

После войны базы оставались в руках США. В 1947 году на конференции в Рио-де-Жанейро (15 VIII—2 IX) был подписан «межамериканский договор о взаимной помощи».³⁸ Согласно статье 3 установлена обязанность помощи со стороны всех участников договора, если один из них подвергнется нападению в пределах т. н. «зоны безопасности». Статья 4 определяет размер этой «зоны безопасности», которая в несколько раз превосходит «морскую зону», установленную в 1939 году. Вполне понятно, что наличие такой зоны не может обеспечить равных условий и безопасность в пользовании Панамским каналом.

Канал и его сооружения, включая связанные с каналом коммерческие предприятия в зоне канала, управляются Компанией Панамского канала (Panama Canal Company), образованной по акту 1 июля 1951 года. Зоной канала управляет Правление зоны канала (Canal Zone Government), которое было образовано одновременно с Компанией канала. Управляющим зоной канала и президентом Компании Панамского канала, а также вице-президентом, являлись военные, граждане США.³⁹ Присоединение других держав к регулированию режима канала не предусмотрено. Только США, Панама и Великобритания имеют «формальное

³⁶ См. подробнее American Journal of International Law, Vol. 34, 1940, Suppl. p. 32; pp. 28—36. См. также pp. 416—422, 601—677; N. J. Padelford The Panama Canal in Peace and War, New York 1943, pp. 124—180.

³⁷ См. N. J. Padelford, op. cit., pp. 177—180.

³⁸ Текст см. Inter-American Treaty of Reciprocal Assistance 1949, Washington.

³⁹ The Statesman's Year-Book 1953, 1954.

право» на основании приведенных договоров ссылаться и требовать соблюдения правил о Панамском канале.

В период первой и второй мировых войн США издали для канала ряд правил, регулирующих проход кораблей через канал.⁴⁰

4. Конституция Панамской республики

Республика Панама — типичный представитель той группы стран, о которой В. И. Ленин говорил, как о странах «. политически, формально самостоятельных, на деле же опутанных сетями финансовой и дипломатической зависимости».⁴¹

Взаимоотношения США с Панамской республикой неразрывно связаны с тем интересом экономическим и стратегическим, который для США представляет Панамский канал с Панамским перешейком. Свой статус формально суверенного государства под защитой США Панама имеет потому, что в данное время, по мнению некоторых кругов США, такая форма контроля над этой страной для США более приемлема.

В 1946 году была принята ныне действующая конституция Панамской республики, предоставившая американским монополиям крупные привилегии.

Согласно статье 1 Конституции республики Панама от 1 марта 1946 г «Панама учреждается как унитарное и независимое государство с республиканской, демократической и представительной системой правления. Она называется Республика Панама».⁴²

Однако в статье 3 указывается, что ограничения юрисдикции, предусмотренные в договорах, заключенных до принятия настоящей конституции, признаются.

Согласно статье 5, «Территория Республики разделена на самоуправляющиеся муниципалитеты, объединенные в провинции. Закон может учредить подлежащие действию особых правил районы, а также может в интересах общества или управления установить иное деление территории».

В статье 21 указывается, что «. закон может, руководствуясь интересами здравоохранения, нравственности, общественной безопасности и национальной экономики, ставить иностранцев в особые условия. Закон или власти могут также принимать меры, касающиеся исключительно граждан определенных стран, — в случае войны или в соответствии с международными договорами. В случае войны, при наличии серьезного нарушения общественного порядка, настоятельной общественной необходимости, тре-

⁴⁰ См. Хиггинс и Коломбос, *Международное морское право*, Москва 1953, стр. 152—153. N. J. Padelford, *The Panama Canal in Peace and War*, New York, Macmillan, 1942.

⁴¹ В. И. Ленин, *Соч.*, т. 22, стр. 250.

⁴² Текст см. Russel H. Fitzgibbon, *The Constitutions of the Americas*, Chicago 1948, стр. 604—651.

бующих принятия безотлагательных мер, власти могут постановить об экспроприации или реквизиции частной собственности».

В статье 118 указывается, что Национальной ассамблее запрещается:

выражать одобрение или неодобрение в отношении действий Президента Республики;

требовать от государственных должностных лиц или принуждать их к принятию тех или иных мер ;

требовать публичных отчетов о происходящих дипломатических переговорах конфиденциального характера.

В статье 209 указывается: «Следующее принадлежит государству, используется для общественных нужд и, следовательно, не может быть объектом частной собственности:

1. Территориальные воды моря и воды озер и рек; побережье и берега, берега судоходных рек, порты и бухты. Все это постоянное служит для свободного и общего пользования согласно правилам, установленным в законе;

2. Земли и воды, предназначенные для всех видов государственных коммуникаций;

3. Земли и воды, предназначенные государством или подлежащие использованию для ирригации, производства гидроэнергии, осушения и водоснабжения;

4. Воздушное пространство и подводные прибрежные полосы, принадлежащие к национальной территории; и

5. Всякое другое имущество, которое закон предназначает для использования на общественные нужды .»

Согласно статье 231: «Никакое иностранное правительство или официальное или полуофициальное иностранное учреждение или объединение не могут приобрести в собственность никакую часть национальной территории». Это, конечно, также учитывает интересы США, уже приобретших себе соответствующую территорию путем аренды — практически вечной.

В статье 232 отмечается, что никакое иностранное физическое или юридическое лицо, равно как и отечественное юридическое лицо с иностранным капиталом, не могут приобрести, полностью или частично, в собственность государственные или частные земли, расположенные менее чем в десяти километрах от государственных границ, или острова, находящиеся под юрисдикцией Республики. Тем не менее, права, приобретенные до вступления в силу настоящей конституции, признаются законом .»

«Наличие арендованной США Зоны Панамского канала, расчленяющей территорию Панама на две части, нарушает хозяйственные связи внутри страны, обуславливает значительную связь экономики Панама с работой самого канала (что также нашло свое отражение в Панамской Конституции 1946 года. — Ю. Е.) и углубляет зависимость страны от США».⁴³

⁴³ «Большая Советская Энциклопедия», второе издание, том 31, 1955, стр. 632.

Анализ положения, создавшегося на Панамском канале, показывает, что оно противоречит началу суверенного равенства — основному принципу международного права и Уставу ООН (при этом необходимо иметь в виду, что республика Панама является членом ООН, а в Конституции республики Панамы указывается, что «Республика Панама соблюдает нормы международного права»). Господство США на Панамском перешейке, нахождение войск США на территории республики Панама нарушает суверенитет последней.

Хотя Соединенные Штаты Америки торжественно обещали, что канал будет свободен для прохода коммерческих и военных судов всех наций на принципах полного равенства, но этого на самом деле нет.⁴⁴

Несмотря на свою внешнюю видимость формы международно-правового соглашения суверенных и равноправных государств, международные акты Панамского канала противоречат таким ведущим принципам международного права, как принцип взаимного уважения территориальной целостности и суверенитета, принцип равенства всех наций, больших и малых, принцип независимости.

AKTID, MIS MÄÄRAVAD PANAMA KANALI ÕIGUSLIKU REŽIIMI

Juriid. tead. kand. J. Jegorov

Riigi ja õiguse ajaloo kateeder

R e s ü m e e

Antud töös on näidatud, et põhilisteks aktideks, mis määravad Panama kanali õigusliku režiimi, on: Hay-Pauncefote leping 18. XI 1901; Hay-P Bunau Varilla leping 18. XI 1903; Ameerika Ühendriikide — Panama leping 2. III 1936 (jõustunud peale ratifitseerimist 27. VII 1939); Panama Vabariigi 1946. aasta konstitutsioon.

Nende aktide ja Panama maakitsusel kujunenud olukorra analüüs viib järelduseni, et olles väliselt suveräänsete ja üheõiguslike riikide õiguslikud kokkulepped, on Panama kanali rahvusvahelised aktid vastuolus rahvusvahelise õiguse selliste juhtivate põhimõtetega, nagu seda on vastastikune lugupidamine, riikide territoriaalne jagamatus ning suveräänsus, kõigi suurte ja väikeste rahvuste üheõiguslikkus ning sõltumatus.

⁴⁴ См. С. А. Вышнепольский, Мировые морские пути и судоходство, Москва 1953, стр. 262—264.

УГОЛОВНАЯ ЮРИСДИКЦИЯ ПРИБРЕЖНОГО ГОСУДАРСТВА В ОТНОШЕНИИ НАХОДЯЩИХСЯ В ЕГО ПОРТАХ ИНОСТРАННЫХ ТОРГОВЫХ СУДОВ

Доцент, канд. юрид. наук А. Уусталь

Кафедра государственного права и управления

Из года в год расширяются внешнеторговые связи Советского Союза со странами народной демократии, а также с капиталистическими государствами. В 1955 году наш общий внешнеторговый оборот в ценах более чем в четыре раза превысил довоенный внешнеторговый оборот. При выполнении этих задач большая доля падает и на наш торговый флот заграничного плавания, так как значительная часть внешнеторгового оборота происходит по морским путям. Торговые суда под флагом Советского Союза курсируют на всех морях, и их можно встретить в иностранных портах во всех частях света.

В директивах XX съезда КПСС по шестому пятилетнему плану на 1956—1960 гг. предусмотрено увеличение грузооборота в морском транспорте примерно в 2,1 раза, при этом особо предусмотрено повышение удельного веса отечественного тоннажа в экспортно-импортных перевозках.

В связи с этим вопрос о правовом положении торговых судов в иностранных портах, в том числе и вопрос об уголовной юрисдикции прибрежных государств в отношении пребывающих в их портах иностранных торговых судов и находящихся на этих судах лиц, имеет большое практическое значение.

Этому вопросу в буржуазной юридической литературе уделено много внимания. Но до сего времени практика буржуазных государств, а также буржуазная теория не смогли придти к единому разрешению этого вопроса. Разрешение этого вопроса затрудняют противоположные интересы господствующих классов буржуазных государств. Все буржуазные государства стараются подчинить своим законам и своему суду, наилучше защищающим их интересы, не только преступления, совершенные на их территории, но и преступления, совершенные на их торговых судах в иностранных портах. В связи с этим на практике возникает конфликт между законами прибрежного государства и государства, флаг которого

носит судно, в случае совершения преступления на борту торгового судна в иностранных портах, так как законы обоих государств стараются подчинить такие преступления своей юрисдикции.

В борьбе между этими двумя тенденциями и выработалась современная практика буржуазных государств, а также буржуазная теория по названному вопросу.

Затруднения при разрешении этого вопроса возникают прежде всего в связи с преступлениями, совершенными на иностранном торговом судне одним членом экипажа против другого члена экипажа, а также по поводу преступлений, совершенных членами экипажа иностранного торгового судна на борту судна против граждан прибрежного государства или против самого прибрежного государства. Преступления, совершенные членами экипажа иностранного торгового судна на берегу, а также совершенные гражданами прибрежного государства преступления на борту иностранного торгового судна подчиняются в практике буржуазных государств законам и суду прибрежного государства, такую же позицию единодушно занимают и буржуазные авторы.¹

В практике буржуазных государств обыкновенно различают две основных концепции в вопросе об уголовной юрисдикции в отношении иностранных торговых судов в портах, а именно, с одной стороны, концепция Великобритании, и, с другой стороны, концепция Франции, хотя различие между этими концепциями скорее формальное, чем по существу. Законодательство и судебная практика остальных буржуазных государств следуют примеру этих двух основных концепций.

Характерной чертой концепции Великобритании является то, что здесь иностранные торговые суда в портах формально признаются полностью подчиненными уголовной юрисдикции прибрежного государства. Следовательно, все совершенные на борту иностранного торгового судна преступления, независимо от того, кто совершил преступление и против кого оно было направлено, считаются подчиненными уголовной юрисдикции прибрежного государства.

Концепцию Франции характеризует то, что здесь преступления, совершенные на борту иностранного торгового судна в портах, признают лишь тогда подчиненными уголовной юрисдикции прибрежного государства, когда преступления нарушают спокойствие и публичный порядок в порту или когда капитан судна или консул государства, флаг которого носит судно, требует помощи властей прибрежного государства.

¹ См. Хиггинс и Коломбос, *Международное морское право*, Москва 1953, стр. 238; Л. Оппенгейм, *Международное право*, т. 1, полутом 2, Москва 1949, стр. 75; Ч. Хайд, *Международное право, его понимание и применение Соединенными Штатами Америки*, т. 3, Москва 1951, стр. 31; G. Gidel, *Le Droit International public de la mer*, v. II, Paris 1932, стр. 166.

Согласно этим двум основным концепциям в практике буржуазных государств буржуазные авторы по своим взглядам на уголовную юрисдикцию прибрежного государства в отношении пребывающих в его портах иностранных торговых судов подразделяются на две основные группы. Во-первых, авторы, признающие полную уголовную юрисдикцию прибрежных государств. К ним относятся главным образом английские авторы: Уестлек, Холл, Питт-Коббит, Твис, Халлек, Лоренс, Чартрис, Оппенгейм, а также и ряд авторов других буржуазных государств, как Хайд, Ван Прааг, Деспанье, Нильсен, Фошиль и др.²

Английский автор Лоренс утверждает: «Иностранные торговые суда в портах и территориальных водах какого-либо государства подчиняются местному закону и местной юрисдикции. При входе в воды дружеской державы они ставят сами себя этим с самого начала под власть этой державы. Все уголовные дела, имевшие место на борту этих судов, подлежат расследованию этой державой».³

Большинство из дореволюционных русских авторов, как Ф. Мартенс, Стоянов, Казанский и Захаров⁴, признают также неограниченную уголовную юрисдикцию прибрежных государств.

С другой стороны, ряд буржуазных авторов признают уголовную юрисдикцию прибрежных государств в отношении находящихся в их портах иностранных торговых судов лишь тогда, когда преступление, совершенное на борту судна, нарушает спокойствие и публичный порядок в порту или когда капитан судна или консул государства, флаг которого носит судно, просят помощи властей прибрежного государства. Мы видим, что эти авторы в своих взглядах поддерживают концепцию Франции.

К этим буржуазным авторам принадлежат: Латур, Луте, Бон-

² Westlake, *International Law*, 1910, стр. 263; A. Hall, *Treatise on International Law*, 1917, стр. 214; Pitt-Cobitt, *Leading Cases on International Law*, vol. I, стр. 280; Twiss, *The Law of Nation*, vol. I, 1884, стр. 230; Halleck, *International Law*, vol. I, 1908, стр. 159; Lawrence, *The Principles of International Law*, 1923, стр. 208; Charteris, *The Legal Position of Merchantmen in Foreign Ports and National Waters*, „British Year Book of International Law”, 1920/21, стр. 45; Van Praag, *Jurisdiction en Droit International public*, 1915, стр. 263; Despagne, *Cours de Droit International public*, 1910, стр. 376; Nielsen, *The Lack of uniformity in the Law and Practice of States with regard to Merchant Vessels*, „American Journal of International Law”, vol. 13; P. Fauchille, *Traité de Droit International public*, T. I, Deuxième partie, Paris 1925, стр. 1025, 1026; Л. Оппенгейм, *цит. соч.*, стр. 76; Ч. Хайд, *цит. соч.*, т. 3, стр. 29, 30.

³ Lawrence, *op. cit.*, стр. 208.

⁴ Ф. Мартенс, *Современное международное право цивилизованных народов*, т. I, СПб 1904, стр. 387; т. II, СПб 1905, стр. 403, 410; А. Н. Стоянов, *Очерки истории и догматики международного права*, Харьков 1875, стр. 361; П. Казанский, *Учебник международного права*, Одесса 1904, стр. 284; Н. А. Захаров, *Курс общего международного права*, Петроград 1917, стр. 159, 160.

фис, Перельс, Лист, Фенвик, Жидель, Хиггинс, Руссо, Сель, Сиберт⁵ и др.

Из дореволюционных русских авторов к этой группе принадлежит Уляницкий.⁶

Так и в проектах конвенций по правовому режиму территориальных и внутренних морских вод, выработанных различными Научными Институтами и международными конференциями, отчасти признается полная уголовная юрисдикция прибрежных государств, отчасти ограниченная юрисдикция. Конечно, и эти проекты выражают интересы известных капиталистических кругов, под влиянием которых эти проекты были выработаны.

Хотя эти проекты не имеют обязательной силы для государств, они выработаны на основе практики государств и имеют большое влияние на буржуазную доктрину и отчасти также на судебную практику, в связи с чем их необходимо рассмотреть.

В принятой Институтом Международного права на Стокгольмской сессии 1928 г. резолюции «О правовом режиме судов и их экипажей в иностранных портах» признается, согласно с практикой Великобритании, полная уголовная юрисдикция прибрежных государств в отношении иностранных торговых судов в их портах.

В ст. 33 резолюции сказано: «Все иностранные суда одним фактом своего пребывания в порту или в части моря, находящихся под тем же режимом, подчиняются юрисдикции прибрежного государства как в уголовных деяниях, совершенных на борту судна, так и в деяниях, совершенных членами экипажа на берегу.⁷

Экспертная комиссия, подготовившая первую конференцию по кодификации международного права, состоявшуюся в Гааге в 1930 г., в своем первоначальном проекте по правовому режиму территориальных вод признает лишь ограниченную юрисдикцию государств.

В проекте указывалось: «Уголовная юрисдикция прибрежного государства ограничивается наказанием совершенных на борту судна преступлений, обращенных не прямо против члена экипажа или против пассажиров и их собственности. Далее, уголовная

⁵ La tour, *La mer territoriale au point de vue théorique et pratique*, 1889, стр. 296; J. De Louter, *Le Droit International public positif*, v. I, Oxford 1920, стр. 426; H. Bonfils, *Manuel de droit international public*, Paris 1901, стр. 238; F. Perels, *Das öffentliche Seerecht der Gegenwart*, Berlin 1903, стр. 64; C. Fenwick, *International Law*, 1934, стр. 220; Gidel, *op. cit.*, v. II, стр. 166; Scelle, *Cours de Droit International public*, Paris 1948, стр. 414; C. Rousseau, *Droit international public*, Paris 1953, стр. 431; M. Sibert, *Traité de Droit International public*, v. I, Paris 1951, стр. 958; Ф. Лист, *Международное право*, Рига 1923, стр. 113; Хиггинс и Коломбос, *цит. соч.*, стр. 238.

⁶ В. Уляницкий, *Международное право*, Томск 1911, стр. 89.

⁷ „*Annuaire de l'Institut de Droit International*” vol. 34, стр. 748, 749.

юрисдикция ограничивается делами, по которым капитан судна обращается за помощью к властям порта, и случаями, когда публичный порядок в порту будет нарушен». ⁸

Выработанная подготовительной комиссией вышеназванной конференции на основе этого проекта «Дискуссионная база» (№ 27), которая должна была являться основой дискуссии на конференции, признает также ограниченную уголовную юрисдикцию, но в более широком масштабе, чем в первоначальном проекте. Здесь признается уголовная юрисдикция прибрежных государств и в том случае, когда преступление нарушает спокойствие в порту «по мнению местных властей» и когда помощь потребована капитаном судна или консулом государства флага судна или лицом, которого дело непосредственно касается ⁹ «Дискуссионная база» отличается от практики буржуазных государств тем, что она признает уголовную юрисдикцию и тогда, когда лицо, которого дело непосредственно касается, обращается к властям прибрежного государства. Обыкновенно в буржуазных государствах не признается право потерпевшего обращаться к властям прибрежного государства.

На конференции по кодификации международного права 1930 г. по названному вопросу не было достигнуто соглашения, и конференция обратилась с пожеланием к Организации Сообщения и Транспорта, чтобы принятые Женевской конференцией 1923 г. конвенции о правовом режиме морских портов «были дополнены принятием мер предосторожности, регулирующих свободу карательной власти государства в отношении судов, находящихся в его внутренних водах». ¹⁰

Но и это пожелание до сего времени не выполнено.

Выработанные на Конференции по кодификации международного права 1930 г. статьи по правовому режиму территориальных вод все-таки косвенно признают полную уголовную юрисдикцию прибрежных государств.

В этих статьях предусмотрен ряд ограничений для производства ареста на борту иностранного судна при проходе через территориальные воды, но при этом сказано, что приведенные ограничения не касаются «права прибрежного государства производить предусмотренные его законодательством аресты или следственные действия на борту иностранного судна, находящегося в его территориальном море или проходящего через территориальное море по выходе из внутренних вод». ¹¹

На такой же позиции находятся и статьи по правовому ре-

⁸ „Supplement to American Journal of International Law”, 1926, стр. 144.

⁹ Société des Nations, Actes de la Conférence pour la codification du Droit International, vol. III, Genève 1930, стр. 181.

¹⁰ Op. cit., vol. I, стр. 169.

¹¹ Ibidem, стр. 167.

жиму территориальных вод, выработанные Комиссией Международного права Организации Объединенных Наций (ст. 23).¹²

В отличие от этих статей по ст. 301 Кодекса Бустаманте, действующего в странах Латинской Америки, преступления, совершенные на иностранных торговых судах, не подлежат уголовной юрисдикции прибрежного государства, если они не имеют «никакой связи с прибрежной страной и ее обитателями и не нарушают их спокойствия».¹³

Все это еще раз показывает, что в практике буржуазных государств и в буржуазной доктрине отсутствует единство по вопросам уголовной юрисдикции в отношении пребывающих в портах иностранных торговых судов.

Буржуазные авторы стараются показать, что существует якобы общепризнанная норма международного права, ограничивающая юрисдикцию прибрежных государств в их портах в отношении иностранных торговых судов. Английский автор Хиггинс утверждает: «Существует норма, покоящаяся на международной вежливости и практике; эта норма воспрещает осуществление местной юрисдикции по всем вопросам внутренней дисциплины на судне поскольку не затрагивается мир и спокойствие прибрежного государства и поскольку о помощи не ходатайствует капитан судна или консул страны судна».¹⁴

Но можем ли мы согласиться с тем, что существует общепризнанная норма международного права, ограничивающая уголовную юрисдикцию прибрежных государств в их портах относительно иностранных торговых судов? С этим согласиться нельзя. Прибрежное государство обладает неограниченным суверенитетом в своих внутренних водах, в том числе и в портах. Этот принцип является общепризнанным в практике государств и в доктрине.

Из суверенитета над внутренними водами вытекает и право прибрежных государств регулировать своим законодательством правовой режим этих водных пространств, а также право привлекать к ответственности всех лиц, нарушающих эти законы.

Иностранные торговые суда в портах подчиняются полностью законам прибрежного государства. Законы прибрежного государства, в том числе и уголовные законы, действуют на иностранных торговых судах так же, как и на его сухопутной территории. Из этого вытекает, что и преступления, совершенные на иностранных торговых судах в портах, подчиняются законам и уголовной юрисдикции прибрежного государства.

¹² Объединенные Нации, Доклад Комиссии Международного права о работе ее шестой сессии 3 июня—28 июля 1954 года, стр. 12—23; С. Сербов, Шестая и седьмая сессии Комиссии международного права, «Советское государство и право», 1955 г., № 8.

¹³ В. Н. Дурденевский, Избранные источники по международному частному праву XIX и XX веков, Москва 1941, стр. 58.

¹⁴ Хиггинс и Коломбос, цит. соч., стр. 238.

Государства, конечно, могут внутренним законодательством и равноправными международными договорами ограничивать свою уголовную юрисдикцию в отношении иностранных торговых судов в их портах. Такое право вытекает также из суверенитета во внутренних водах. На практике отдельные государства своим внутренним законодательством, а также двусторонними международными договорами — как торговыми договорами, так и консульскими конвенциями — ограничивали в некоторых вопросах свою уголовную юрисдикцию в отношении иностранных торговых судов в портах. Но этими договорами создано лишь партикулярное международное право, действующее только между договаривающимися сторонами, но не относительно третьих государств, не участвующих в договоре.

Однако требовать от государств ограничения своей уголовной юрисдикции или принуждать государства к этому недопустимо. Такие действия представляют собой грубое вмешательство во внутренние дела других государств и угрожают их безопасности и интересам их граждан.

Исходя из этого, и вышеприведенные теоретические позиции, признающие в портах лишь ограниченную уголовную юрисдикцию прибрежных государств в отношении иностранных торговых судов, неприемлемы.

Многие буржуазные авторы сами резко критикуют взгляды этих авторов, а также законодательство государств, ограничивающее уголовную юрисдикцию в портах.

Французский автор Фошиль относительно авиза Государственного Совета от 1806 года, ограничивающего уголовную юрисдикцию Франции в портах, писал, что здесь: «Произвольное решение, а иногда и простой расчет заинтересованного лица изменяют присвоенную юрисдикцию и применение уголовного закона». ¹⁵

Федоци также утверждает относительно авиза: «Невозможно представить себе большую нелепость и решение более противное принципам, положенным в основание уголовной юрисдикции всех цивилизованных стран». ¹⁶

Но и те буржуазные государства, которые формально признают в портах неограниченную уголовную юрисдикцию, в своей практике не подчиняют нарушения служебных обязанностей экипажа иностранных торговых судов своим законам и суду.

Практика буржуазных государств признает подобные правонарушения подчиненными законам и суду государства флага судна, но вопрос о том, составляет ли деяние нарушение служебных обязанностей или уголовное преступление, разрешается властями прибрежного государства.

При этом все буржуазные государства признают право капи-

¹⁵ Fauchille, op. cit., T. I, 2, стр. 1061.

¹⁶ Fedozzi, Les Délits à bord des Navires marchands dans les eaux territoriales étrangère, Revue générale de Droit International public, 1897, № 4, стр. 202.

тана, а также консула государства флага судна обратиться к властям прибрежного государства с требованием о привлечении к ответственности виновных лиц и признают в таких случаях также нарушение служебных обязанностей подчиненным уголовной юрисдикции прибрежного государства.

Некоторые буржуазные государства не признают права потерпевшего лица — члена экипажа иностранного торгового судна обращаться к властям прибрежного государства с требованием о привлечении к ответственности преступника и не признают в таких случаях уголовную юрисдикцию прибрежных государств. Такую позицию следует считать совершенно неправильной и противоречащей основным принципам уголовной юрисдикции самих буржуазных государств.

Рассмотрим далее практику отдельных буржуазных государств.

1. Практика Великобритании

Практика Великобритании, как уже упомянуто, исходит из принципа, по которому иностранные суда в ее портах подчиняются полностью уголовной юрисдикции Великобритании.

Эта практика берет свое начало уже в XIV веке, когда король Ричард II и позднее в XVI веке король Генрих VIII подчинили своими статутами все находящиеся в Великобританских портах иностранные торговые суда уголовной юрисдикции английского короля.¹⁷

В более новом законодательстве названный принцип выражен в «Актах о торговых судах» 1854 и 1857 гг. В Акте 1854 г. о торговых судах сказано, что британская уголовная юрисдикция применяется ко всем «...преступлениям против личности или собственности, совершенным внутри страны или на каком-либо месте берега или на воде вне владений Его Величества капитаном, моряком или юнгой, которые во время преступления или в продолжение трех месяцев до этого были заняты на каком-либо британском судне».¹⁸

Хотя акт говорит лишь об английских судах, его предписания применяются также и к иностранным судам в английских портах в отношении совершенных там преступлений.

Эта концепция Англии выражается также в данных консулам инструкциях, а также в принятом в 1878 году законе о юрисдикции в территориальных водах (The Territorial Waters Jurisdiction Act), на основе которого преступления, совершенные на иностран-

¹⁷ Хиггинс и Коломбос, цит. соч., стр. 241; Fauchille, *op. cit.*, v. 1, 2, стр. 1028, 1029.

¹⁸ Charteris, *op. cit.*, стр. 71; Holland, *Lectures on International Law*, London 1933, стр. 152.

ных торговых судах при проходе английских территориальных вод, также подчиняются английской уголовной юрисдикции.¹⁹

Из английской судебной практики мы можем привести ряд примеров, где осуществляется уголовная юрисдикция в английских портах в отношении иностранных судов.

В деле Льюиса и Блэра второй штурман американского судна «Офелия», Льюис, американский гражданин, нанес увечье на борту судна члену экипажа в Шотландском порту. Льюис был арестован, и английский суд наказал его, несмотря на то, что преступление было совершено на иностранном судне против члена своего же экипажа.²⁰

В делах Регина и Канингама и др. английский суд наказал трех штурманов американского судна, которые в Бристольском канале немного ранее, чем стать на якорь на рейде, побили и тяжело ранили одного моряка.

Английская судебная практика все же непоследовательна.

В 1903 г. капитан стоявшего в Соут-Шильде русского баркаса «Анна» уведомил русского консула в Ньюкастле, что на него напали трое моряков и изувечили его. Капитан требовал привлечения совершивших нападение моряков к ответственности в местном суде. На основании заявления капитана виновников преступления привлекли к ответственности в полицейском суде Соут-Шильда, но суд решил, что, так как преступление совершено на борту русского судна, представляющего собой русскую территорию, преступники подлежат передаче консулу для направления их в Россию и превлечения их там к ответственности.²¹

Что касается совершенных за границей на английских судах преступлений, то Англия, несмотря на то, что она признает неограниченную уголовную юрисдикцию прибрежных государств, склоняется также к подчинению их своему суду. В 1844 г. на английском судне в Рижском порту один моряк убил другого. Местные власти арестовали преступника. Но до рассмотрения дела Россия обратилась к Великобритании с предложением выдать преступника Великобритании, предлагая, что в будущем в таких случаях Великобритания будет выдавать России русских моряков, совершавших преступление на русском судне в английских портах. Великобритания протестовала против юрисдикции России и в то же время отказалась принять предложение России.²²

В деле Квина и Карра на английском судне в порту Роттердама английский моряк украл у другого облигации. Преступник был привлечен к ответственности и наказан английским судом.²³

¹⁹ Manly O. Hudson, Cases and other Materials on International Law, St. Paul 1929, стр. 631.

²⁰ P. C. Jessup, The Law of Territorial waters and maritime Jurisdiction, New York 1927, стр. 170, 171.

²¹ Ibidem, стр. 173.

²² Ibidem, стр. 169, 170.

²³ Ibidem, стр. 172.

Великобритания в своем ответе на «Вопросник» конференции по кодификации международного права, повидимому, отказалась от своей традиции подчинять полностью своей юрисдикции иностранные суда. В ответе было сказано: «что касается уголовных дел, то вмешательство властей и осуществление местной юрисдикции — явление необычное, если только с просьбой о помощи не обратились сами местные представители государства или они же через посредство других лиц, или лица, под контролем которых находится судно, или лицо, непосредственно заинтересованное, или же, если имеются основания предполагать, что существует угроза спокойствию и надлежащему порядку в порту. В каждом случае решение вопроса о вмешательстве или невмешательстве зависит от усмотрения местных властей государства».²⁴

В 1891 г., соответственно «Акту о почтовых судах», и в конвенциях о почтовых судах, заключенных с иностранными государствами, предусмотрены особые предписания относительно ареста лиц на иностранных почтовых судах, подчиненных этим конвенциям.

В акте говорится: «Когда иностранное почтовое судно, которого касается дело, находится в порту Соединенного Королевства, никто не может быть на нем задержан без разрешения судна, а также до начала гражданского или уголовного процесса, дающего право на арест лица, находящегося на борту судна; такое судно обязано выполнять в отношении этого лица предварительные меры предосторожности, заключающиеся в частности в следующем: а) Письменное извещение о намерении арестовать кого-либо, кто в определенное время находится или подозревается в нахождении на борту судна, причем судно по необходимости должно быть осмотрено, и если это судно принадлежит иностранному государству, а в данном порту имеется консульство этого государства, то консульский чиновник извещается об этом. б) Если указанное лицо находится на борту судна, то обязанностью капитана является дать возможность консулу по его требованию арестовать его. в) Если консульский чиновник не в состоянии арестовать названное лицо, он может, однако, если дело касается иностранного судна, обыскать его для нахождения этого лица и в том случае, если оно будет найдено, арестовать его, но лишь по истечении срока, указанного в извещении, посланном консульству, как это подробно указано в конвенции».²⁵

При этом нельзя задержать судно дольше, чем это предусмотрено в конвенции. Если капитан не разрешает обыскать судно, то каждый таможенный чиновник может взять судно под арест, причем капитану угрожает штраф до 500 фунтов стерлингов.

Хотя Великобритания формально признает полное подчинение иностранных частновладельческих судов в портах своей уголов-

²⁴ Хиггинс и Коломбос, цит. соч., стр. 242.

²⁵ *Charteris*, *op. cit.*, стр. 67, 68.

ной юрисдикции, все же, как отмечает Хиггинс, «юрисдикция английских судов», как правило, не осуществляется в тех случаях, когда дело касается внутреннего распорядка судна и отношений между капитаном, командой и пассажирами». ²⁶

2. Практика Франции

Историческим основанием практики Франции служит «Морской указ» (*L'ordonnance de la Marine*) 1671 г., в котором сказано: «Суду адмиралтейства подсудны морской разбой, пиратство, грабеж и побег члена экипажа, вообще все преступления и проступки, совершенные на море, в портах, гаванях и на берегу».

В декрете 1791 г. говорится: «Судьям района подсудны все преступления и проступки, совершенные в портах, на рейдах и на берегу». ²⁷

Таким образом, историческое законодательство Франции признает ее полную уголовную юрисдикцию в отношении преступлений, совершенных в его портах, чем ее практика похожа на английскую практику.

В начале XIX столетия в практике Франции произошло, однако, изменение в том смысле, что совершенные в портах на иностранных судах небольшие проступки, не имевшие последствий за пределами судна, были подчинены юрисдикции государства, флаг которого носило судно. Основанием этой практики явился авиз Государственного Совета от 20 ноября 1806 г. (*Avis du Conseil d'État*)

Издание авиза 1806 г. было обусловлено совершенными во французских портах на судах Соединенных Штатов Америки преступлениями. В порту Антверпена на американском судне «Ньютон» один матрос напал на другого на судовой лодке во время перехода с суши на судно и причинил ему тяжелое телесное увечье. Приблизительно в это же время на американском судне «Салли» в порту Марселя первый офицер судна причинил тяжелое телесное увечье моряку. ²⁸

При решении вопроса о наказании преступников возник острый конфликт между консулом Соединенных Штатов Америки и местными судебными властями, так как консул Соединенных Штатов Америки, исходя из того, что преступление было совершено на судне Соединенных Штатов Америки лицом, принадлежащим к составу экипажа судна, против другого лица, принадлежащего к тому же экипажу требовал, чтобы право преследования и наказания преступника было предоставлено суду государства, флаг которого носило судно, т. е. суду Соединенных Штатов Америки.

²⁶ Хиггинс и Колумбос, цит. соч., стр. 241.

²⁷ Gidel, *op. cit.*, v. II, стр. 207.

²⁸ Gidel, *op. cit.*, v. II, стр. 207. См. также Jessup, *op. cit.*, стр. 145, 146.

Государственный Совет в своем авизе разрешил спор в пользу Соединенных Штатов Америки, утверждая при этом, однако, что «нейтральное судно, допущенное в порт государства, в силу права подчиняется законам полиции того места, куда судно прибыло; равным образом люди его экипажа подлежат судам страны за преступления, совершенные ими там даже на борту судна против входящих в состав экипажа иностранцев, а равно и по заключенным с последними гражданским договорам; но если территориальная юрисдикция до тех пор была вне сомнения, права нейтральной державы тем не менее в отношении преступлений, совершенных на борту нейтрального судна одним членом экипажа против другого члена того же экипажа, должны быть соблюдены как в отношении внутренней дисциплины судна, в которую местная власть не должна вмешиваться, так и во всех случаях, когда ее помощь не была испрошена или когда спокойствие порта не было нарушено». ²⁹

Таким образом авиз, отказавшись от принципа, выраженного в прежних актах о юрисдикции Франции, признает уголовную юрисдикцию прибрежного государства в отношении находящихся в его портах иностранных частновладельческих судов лишь в тех случаях, когда преступление непосредственно касается прибрежного государства, будучи совершенным членом экипажа судна по отношению к кому-либо из граждан прибрежного государства, когда преступление нарушает спокойствие в порту и когда испрашивается помощь властей прибрежного государства.

Авиз говорит о преступлениях между членами экипажа иностранного судна, к числу которых французские авторы причисляют всех лиц, внесенных в судовую роль, независимо от их подданства.

Пассажиры не принадлежат к составу экипажа, поэтому преступления между пассажирами иностранных судов в иностранных портах, так же как и совершенные пассажирами преступления по отношению к членам экипажа, подчиняются, по мнению французских авторов, юрисдикции прибрежного государства. ³⁰

Авиз оставляет многие вопросы открытыми, прежде всего вопрос, что понимается под «спокойствием» в порту и в каком случае «спокойствие» в порту нарушается.

Французские авторы придерживаются здесь точки зрения, по которой спокойствие считается нарушенным в том случае, когда преступление направлено против прибрежного государства или касается граждан прибрежного государства, или если преступление является крайне тяжелым, хотя бы оно было совершено одним членом экипажа против другого члена экипажа.

Кассационный суд Франции в своем решении от 25 ноября 1859 г. в деле Жалли разъяснил понятие «спокойствие в порту» в том смысле, что убийство, совершенное на иностранном судне,

²⁹ Perels, op. cit., стр. 62.

³⁰ Gidel, op. cit., v. II, стр. 212. 213; Fauchille, op. cit., v. I, 2, стр. 1034.

является преступлением, нарушающим спокойствие в порту и потому относится к ведению суда прибрежного государства.³¹

Жалли был вторым штурманом на американском судне «Темпест», убившим в порту Гавра на судне одного моряка и ранившим другого. Согласно вышеприведенной позиции кассационного суда Жалли был привлечен к ответственности судом Франции.

Авиз оставляет нерешенным также вопрос, кто имеет право требовать помощи властей прибрежного государства. На практике такое право признается за капитаном судна и за консулом государства, флаг которого носит судно. Французские власти в 1911 г. в деле судна «Амирал Гамелин» стали на эту точку зрения. Английского подданного Вильяма Савиджа, служившего коچهаром на французском судне «Амирал Гамелин», тяжело ранили на судне в порту Британской Гамбии Батхорсте трое других лиц с того же судна. Потерпевший подал жалобу местным прибрежным властям, которые отдали приказ об аресте преступников, но капитан и консул отказались выдать виновных, ссылаясь на французские законы, по которым такого рода преступления подлежат суду государства, флаг которого носит судно.³² Губернатор разрешил судну продолжать плавание.

Французские авторы, а также практика становится на точку зрения, по которой пострадавший моряк не имеет права просить помощи местных властей. Жидел утверждает: «Моряк, на основании своих обязательств, лишен права подать жалобу властям прибрежного государства».³³

Практика Франции настоящего времени базируется на принципах авиза, которые приняты и в данных консулам инструкциях и в заключенных Францией консульских конвенциях. В позднейших консульских конвенциях, заключенных Францией с Испанией в 1862 г., с Италией в 1862 г., с Португалией в 1868 г., с Сан-Сальвадором в 1878 г. и с Доминиканской республикой в 1882 г., в отличие от позиции авиза, уголовная юрисдикция прибрежного государства признается и тогда, «когда местный житель, не принадлежащий к экипажу судна, замешан в дело».³⁴

Исходя из этих правил конвенции, следует полагать, что преступления, совершенные на иностранном судне, подчиняются уголовной юрисдикции прибрежного государства и тогда, когда они касаются членов экипажа судна, состоящих в гражданстве прибрежного государства.

Приказ военного министра Франции от 29 июля 1899 г. дает французским властям право арестовать французского военного дезертира на находящихся в порту иностранных судах без согласия консула и капитана судна.³⁵

³¹ Gidel, op. cit., v. II, стр. 214 и сл.; Jessup, op. cit., стр. 147, 148.

³² Charteris, op. cit., стр. 82.

³³ Gidel, op. cit., v. II, стр. 219.

³⁴ Ibidem, стр. 225.

³⁵ Charteris, op. cit., стр. 54.

3. Практика Соединенных Штатов Америки

Практика Соединенных Штатов Америки в вопросах уголовной юрисдикции в общем становится на рассмотренную выше позицию Франции.

Особенно ясно это выражено в судебной практике по делу Вильденгуса. Вильденгус, бельгийский моряк с парохода «Нордланд», убил на судне американского гражданина, другого члена экипажа того же судна, и был арестован властями Соединенных Штатов Америки. Бельгийский консул протестовал против юрисдикции Соединенных Штатов Америки на основании заключенного Бельгией с Соединенными Штатами Америки в 1880 г. консульской конвенции. Верховный суд Соединенных Штатов Америки признал все же американские суды компетентными в разборе этого дела, утверждая в своем решении: «Если совершаемые на борту судна преступления по своему характеру таковы, что нарушают мир и общественное спокойствие страны, в пределах которой находится судно, то преступники никогда, ни в порядке вежливости, ни в силу обычая, не имели права на какое-либо изъятие из действия местных властей, если местные суды считают уместным осуществлять свою власть». ³⁶

Менее важные проступки, последствия которых не заходят за пределы судна, так же как и нарушения дисциплины, практика Соединенных Штатов Америки признает относящимися к компетенции государства, флаг которого носит судно.

В деле Паттерсона с баркаса «Эндора» Верховный суд в своем решении утверждал, что имеется «подразумеваемое согласие правительства Соединенных Штатов на признание за государством флага судна юрисдикции по всем вопросам внутреннего распорядка торговых судов, находящихся в наших портах; такое согласие, однако, может быть отозвано». ³⁷

В это же время американские суды признают себя, на основании части 2 статьи 3 конституции, компетентными разрешать совершенные на американских судах за границей преступления. На это было указано в деле «Сантос Флора», причем, однако, Верховный суд отметил, что компетенция американских судов в отношении рассмотрения преступлений, совершенных за границей, ограничена юрисдикцией той страны, где было совершено преступление. ³⁸

В заключенных Соединенными Штатами Америки консульских конвенциях признается право юрисдикции консулов в согласии с местными законами.

³⁶ Хиггинс и Коломбос, цит. соч., стр. 243.

³⁷ Хиггинс и Коломбос, цит. соч., стр. 245; Хайд, цит. соч., т. 3, стр. 28 и сл.

³⁸ Хиггинс и Коломбос, цит. соч., стр. 244; F. K. Nielsen, The lack of uniformity in the law and practices of States with regard to merchant vessels, AJIL, vol. XIII, 1919, стр. 1—21. Также в деле United States Rodgers, где преступление было совершено на территории Канады. См. там же.

В заключенном с Германией в 1926 г. договоре было сказано: «Если проступок, совершенный на борту частновладельческого судна, составляет преступление, за которое согласно законам государства виновное лицо подвергается наказанию как уголовный преступник, консульский чиновник не осуществляет юрисдикции, кроме случаев, когда это допускается местным законом».³⁹

4. Практика остальных буржуазных государств

Остальные буржуазные государства отчасти придерживаются позиции Великобритании в осуществлении уголовной юрисдикции в отношении иностранных частновладельческих судов в порту, признавая полную уголовную юрисдикцию прибрежных государств, в том числе Австралия, Канада, Индия, Ново-Зеландия, Чили и Эквадор.

Буржуазные государства большей частью признают, однако, принцип Франции, подчиняя преступления, совершенные на иностранных судах в портах, лишь тогда уголовной юрисдикции прибрежного государства, когда преступление касается прибрежного государства, его граждан или лиц, не принадлежащих к составу экипажа, когда оно угрожает спокойствию в порту или когда помощи требует капитан судна или консул государства, флаг которого носит судно.

Точки зрения Франции придерживаются: Голландия, Бельгия, Италия, Греция, Норвегия, Португалия, Перу, Испания, Бразилия и Германия до второй мировой войны.⁴⁰

Германия в переписке с Англией по делу «Бюргермейстера» в 1909 г. утверждала, что она не требует освобождения своих частновладельческих судов от юрисдикции, однако ее можно осуществлять лишь в тех границах, которые указаны в решении Государственного Совета Франции от 20 ноября 1806 г., принципы которого приняты большинством Европейских государств, а также Соединенными Штатами Америки.⁴¹ Практика Германии исходит из двух принципов. В заключенных Германией консульских конвенциях обыкновенно придерживаются позиции ограниченной юрисдикции прибрежного государства. При отсутствии договоров, Германия в своей практике, как полагают буржуазные авторы, признает полную юрисдикцию прибрежного государства. Германия не дала точного ответа по названному вопросу подготовительной комиссии конференции по кодификации международного права, утверждая, что упомянутый вопрос необходимо урегулировать особой конвенцией о правовом режиме территориальных вод.⁴²

³⁹ „Supplement” to AJIL, vol. 20, 1926, стр. 16.

⁴⁰ Хиггинс и Коломбос, цит. соч., стр. 245, 246; Gidel, op. cit., v. II, стр. 227 и сл.; Jessup, op. cit., стр. 154; Fedozzi, op. cit., стр. 203.

⁴¹ Charteris, op. cit., стр. 77, 78.

⁴² Gidel, op. cit., vol. II, стр. 232, 233.

5. Уголовная юрисдикция Советского Союза в отношении пребывающих в его портах иностранных частновладельческих судов

Находящиеся в советских портах иностранные торговые суда, как общее правило, полностью подчиняются уголовной юрисдикции Советского Союза.⁴³

Эту точку зрения выражают прежде всего те статьи уголовного кодекса РСФСР, которые регулируют действие кодекса в пространстве, в том числе ст. 4 кодекса, в которой сказано, что «иностранцы отвечают за преступления, совершенные на территории Советского Союза, на основании законов места совершения преступления».

Так как внутренние морские воды, в том числе и порты, составляют часть территории Советского Союза, то и все преступления, совершенные во внутренних морских водах на иностранных торговых судах, считаются совершенными на Советской территории и подчиненными уголовной юрисдикции Советского Союза.

В согласии с предписаниями уголовного кодекса РСФСР (ст. 5) на особом положении находятся лишь обладающие правом экстерриториальности иностранные граждане, вопрос об уголовной ответственности которых каждый раз подлежит разрешению дипломатическим путем.

Такую же точку зрения выражают правила «Общей инструкции о взаимоотношениях органов власти СССР с иностранными военными и торговыми судами в мирное время» 1925 г., где в ст. 8 говорится: «Надлежащие власти СССР имеют право производить на иностранном торговом судне следственные и судебные действия, не вмешиваясь во внутреннюю жизнь торгового судна». Под внутренней жизнью надо понимать служебные отношения между командным составом судна и экипажем, а также между членами экипажа, которые не составляют уголовного преступления, а подлежат дисциплинарной ответственности.

Неподведомственность нарушений служебных обязанностей со стороны экипажа иностранных торговых судов уголовной юрисдикции Советского Союза вытекает косвенно и из ст. 75² УК РСФСР, где говорится об ответственности за нарушение правил о предупреждении столкновения судов на море и иных правил, регулирующих морское судоходство, «если нарушение не является для совершителя должностным (служебным) преступлением».

Если нарушение служебных обязанностей на иностранном судне составляет вместе с тем и уголовное преступление и если такой факт становится известным советским властям, то эти вла-

⁴³ А. Д. Кейлин, Советское морское право, Москва 1954, стр. 105; А. И. Николаев, Проблема территориальных вод в международном праве, Москва 1954, стр. 227; М. Д. Шаргородский, Уголовный закон, 1948, стр. 234—244; Международное право, под редакцией В. Н. Дурденевского и С. Б. Крылова, Москва 1947, стр. 251; Международное право, под редакцией Е. А. Коровина, Москва 1951, стр. 299.

сти имеют право в таких случаях расследовать преступление и привлекать виновных к ответственности. Решение вопроса, является ли совершенное на иностранном судне нарушение служебных обязанностей уголовным преступлением или нарушением дисциплины, относится к компетенции подлежащих властей Советского Союза. Только такая позиция отвечает в полной мере охране суверенитета и интересов Советского Союза во внутренних морских водах.

Производство арестов на иностранных судах регулируется постановлением СНК РСФСР от 24 мая 1927 г. «О производстве арестов на иностранных торговых судах», в котором сказано, что на иностранных судах могут быть арестованы: а) лица, разыскиваемые местной властью в связи с ранее совершенными ими преступлениями; б) лица, совершившие преступления на берегу во время стоянки судна в порту, и в) лица, совершившие преступление на самом судне, если последствия преступления сказываются на берегу или нарушают спокойствие в порту. Постановление касается ареста лиц, совершивших на судне преступление, лишь в том случае, если последствия преступления заходят за пределы судна или нарушают спокойствие в порту.

Таким образом, правила приведенного постановления, согласно с международно-правовой практикой других государств, не предвидят производства ареста на иностранном торговом судне в том случае, когда последствия преступления не заходят за пределы судна или не нарушают спокойствия в порту.

Во всяком случае, следует стать на точку зрения, что решение вопроса, распространяются ли последствия преступления за пределы судна, относится к компетенции подлежащих советских властей.

Последствия преступления выходят за пределы судна, если преступление направлено против Советского государства или против советского гражданина. В судебной практике бывали случаи, в которых советские суды привлекали к ответственности лиц, принадлежащих к составу экипажа иностранного судна, совершивших на судне преступление против советского гражданина.

2 сентября 1950 г. народный суд I участка Онежского района, Архангельской области, рассматривал дело первого штурмана норвежского судна «Бестик» Ларсена, который ударил работавшего при нагрузке советского гражданина Бессова. Суд присудил Ларсена к 1 году лишения свободы.⁴⁴

Преступлениями, последствия которых выходят за пределы судна, следует признать и тяжелые преступления, как убийство, тяжелые телесные увечья и др., несмотря на то, что они совершены одним членом экипажа иностранного торгового судна против другого члена экипажа.

Преступлением, последствия которого выходят за пределы

⁴⁴ «Известия» от 14 сентября 1950 г.

судна, следует считать также такое выполнение служебных обязанностей на иностранном торговом судне, которое хотя и разрешается законами страны флага судна, но противоречит основам советского законодательства и умаляет достоинство человека. Советское уголовное законодательство защищает и иностранных моряков от грубого произвола и самоуправства администрации судна, хотя такие деяния в буржуазных государствах иной раз рассматриваются как «выполнение служебных обязанностей».

Такой случай имел место во Владивостоке на английском пароходе «Карнарвоншир» в июле 1925 г.⁴⁵ Старший помощник капитана Сютор, заподозрив китайца, работавшего по разгрузке парохода, в краже вещей, приказал его арестовать и приковать ручными кандалами в согнутом положении к борту судна. Это бесчеловечное обращение вызвало протесты со стороны советских граждан. По распоряжению милиции грузчик был освобожден из кандалов, а против самоуправства помощника капитана было возбуждено уголовное преследование по статье 103 УК РСФСР и приговором народного суда он был признан виновным и наказан.

Постановление от 24 мая 1927 года предусматривает еще право капитана обращаться к советским властям для привлечения к ответственности преступников в случае совершенного на судне преступления. Но такое обращение капитана к советским властям за помощью не обязательно для наших подлежащих властей, и они разрешают вопрос, исходя из предписаний советских законов.

Следует, однако, признать, что в случае совершения преступления на иностранном судне пострадавшие имеют право обращаться к советским властям за помощью, хотя бы пострадавший являлся членом экипажа судна и преступление было совершено лицом, принадлежащим к составу экипажа судна.

Что касается преступлений, совершенных пассажирами иностранного частновладельческого судна в портах Советского Союза, то наши законы не предусматривают каких-либо ограничений в привлечении их к ответственности; они полностью подчиняются уголовной юрисдикции Советского Союза, несмотря на их гражданство.

В ранней договорной практике, именно в консульских конвенциях, Советский Союз, исходя из стремления к развитию добрососедских отношений со всеми государствами, стал на точку зрения, что советские власти при производстве уголовной юрисдикции не вмешиваются во внутреннюю жизнь иностранных торговых судов, если дело не касается Советского Союза, его граждан или посторонних лиц, не входящих в состав экипажа судна. Так в консульской конвенции, заключенной с Польшей 18 июля 1924 года было сказано, что «Местные власти вступают только в случае, когда возникшие на судах беспорядки сопряжены с нарушением спокойствия и порядка на берегу или в порту, или же когда в них

⁴⁵ Английская бесцеремонность, «Правда» от 12 декабря 1926 г.

будут замешаны туземец или лицо, не принадлежащее к экипажу судна».⁴⁶

Возникает еще имеющий практическое значение вопрос, а именно, в каких размерах советские власти могут производить аресты членов экипажа иностранного судна? Необходимо ли здесь считаться с тем, чтобы судно могло беспрепятственно продолжать плавание? В советских законах в этом отношении не предусмотрены какие-либо ограничения. Всякое такого рода ограничение угрожает охране суверенных прав Советского Союза, а также безопасности Советского государства и его граждан.

Соответственно ст. 9 «Общей инструкции» 1925 г. о предпринимаемых в отношении иностранных торговых судов судебных, следственных или общеадминистративных действиях, за исключением действий, связанных с предоставлением свободного общения с берегом (таможенных, санитарных и т. п.), «сообщается заблаговременно консулу государства, флаг которого носит судно, если консул имеется в порту. Однако такого рода действия осуществляются, несмотря на участие или неучастие консула».

⁴⁶ СЗ СССР 1926, № 38; см. также консульская конвенция с Чехословакией от 10 мая 1931 г., СЗ СССР, 1936, отд. II, № 35, ст. 319; и обмен нотами со Швецией от 2 февраля 1927 г. СЗ СССР, 1927, отд. II, № 19, ст. 112.

KALDARIIGI KRIMINAALJURISDIKTSIOON TEMA SADAMAS ASUVATE VÄLISRIIKIDE KAUBALAEVADE SUHTES

Dotsent, juriid. tead. kand. A. Uustal

Riigiõiguse ja halduse kateeder

Resümee

Seoses Nõukogude Liidu väliskaubanduslike suhete laienemisega omab suurt praktilist tähtsust küsimus kaldariigi kriminaaljurisdiksioonist tema sadamas asuvate välisriikide kaubalaevade ja neil viibivate isikute suhtes.

Riikide praktika tunnistab üksmeelselt kaldariigi kodanike ja tema territooriumil elavate välismaalaste poolt sadamas asuvate välisriikide kaubalaevade pardal toimepandud kuriteod alluvaks kaldariigi jurisdiksioonile, samuti ka kuriteod, mis on toime pandud välisriigi kaubalaeva pardal kaldariigi, tema kodaniku või mõne teise laeva meeskonna koosseisu mittekuuluva isiku vastu.

Raskusi praktikas aga tekitab küsimus välisriigi kaubalaeva pardal meeskonna ühe liikme poolt sama laeva meeskonna liikme vastu toimepandud kuriteo allumisest kaldariigi jurisdiksioonile.

Selle küsimuse lahendamiseks on kodanlike riikide seadusandluses ja kohtupraktikas välja kujunenud kaks erinevat kontseptsiooni, kuigi erinevus nende vahel on rohkem formaalne kui sisuline.

Inglise kontseptsioon tunnistab kõik sadamas asuvate välisriikide kaubalaevade pardal toimepandud kuriteod alluvaks kaldariigi kriminaaljurisdiksioonile.

Prantsuse kontseptsioon tunnistab välisriigi kaubalaeva pardal toimepandud kuriteo ainult siis alluvaks kaldariigi kriminaaljurisdiksioonile, kui kuritegu rikub rahu ja avalikku korda sadamas või kui laeva kapten või laeva lipuriigi konsul nõuab kaldariigi võimudelt kuriteo jälitamist.

Teistest kodanlikest riikidest osa tunnistab inglise, osa prantsuse kontseptsiooni.

Kooskõlas riikide praktikaga ka osa kodanlikke autoreid tunnistab kaldariikide täielikku jurisdiksiooni sadamas asuvate välisriikide kaubalaevade suhtes (Lawrence, Oppenheim, Hyde jt.). osa aga piiratud jurisdiksiooni (Gidel, Rousseau, Higgins jt.)

Kodanlikud autorid, kes tunnistavad kaldariigi piiratud krimi-

naaljurisdiktsiooni, püüavad näidata, et on olemas üldtunnustatud rahvusvahelise õiguse norm, mis piirab kaldariigi kriminaaljurisdiktsiooni tema sadamas asuvate välisriikide kaubalaevade suhtes. Sellist üldtunnustatud normi ei ole. Kaldariigid omavad oma sisemeres, sealhulgas ka sadamates, piiramatut suveräänsust ja sellest tulenevalt ka piiramatut kriminaaljurisdiktsiooni.

Nõukogude Liidu seadusandlus, täielikus kooskõlas suveräänsusega sisemeres, tunnistab üldiselt piiramatut kriminaaljurisdiktsiooni meie sadamas asuvate välisriikide kaubalaevade suhtes.

Lähtudes rahvusvahelise laevasõidu huvidest, eesmärgiga aidata kaasa majandusliku koostöö laiendamisele kodanlike riikidega, VNFSV RKN määrus 24. maist 1927. a. „Areteerimise teostamise korrast välisriikide kaubalaevade pardal” näeb ette, et nõukogude võimud teostavad areteerimist välisriigi kaubalaeva pardal ainult siis, kui kuritegu osaliselt või täielikult on toime pandud kaldal, kui kuriteo tagajärjed ulatuvad väljapoole laeva või kui kuritegu rikub rahu ja korda sadamas.

Selline seisukoht leidis väljenduse ka Nõukogude Liidu poolt sõlmitud konsulaarkonventsioonides.

Tuleb asuda seisukohale, et kuriteo tagajärjed ulatuvad väljapoole laeva, kui kuritegu on sihitud Nõukogude riigi, tema kodaniku või laeva meeskonna koosseisu mittekuuluva isiku vastu. Laeva pardal toimepandud kuriteo tagajärjed ulatuvad samuti väljapoole laeva, kui on tegemist raske kuriteoga, nagu tapmisega, raske kehavigastusega jne.

Küsimuse, kas kuriteo tagajärjed ulatuvad väljapoole laeva, otsustavad nõukogude vastavad organid.

Tuleb tunnistada nõukogude võimude õigust kuriteo jälitamiseks ka sel juhul, kui käitumine välisriigi kaubalaeva pardal, olgugi et see on lubatud laeva lipuriigi seadustega, moodustab endast kuriteo Nõukogude seaduste järgi.

Samuti tuleb tunnistada kahjukannataja, välisriigi kaubalaeva meeskonnaliikme õigust meie võimude poole pöördumiseks avaldusega kuriteo jälitamiseks.

24. mai 1927. a. määrus näeb ette ka välislaeva kapteni õiguse meie võimude poole pöördumiseks avaldusega kurjategija vastutusele võtmiseks, kuid selline avaldus ei ole otseselt kohustuslik meie võimudele, kes lahendavad asja kooskõlas Nõukogude seadustega.

«БАЛТИЙСКАЯ АНТАНТА» — ОРУДИЕ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ В ПРИБАЛТИКЕ (1934—1940 гг.)

Канд. юрид. наук Ю. Егоров

Кафедра истории государства и права

Под названием «Балтийская Антанта» в историю вошел блок буржуазных государств Эстонии, Латвии и Литвы, созданный на базе военного антисоветского союза между Эстонией и Латвией и оформленный договором от 12 сентября 1934 года.

1. Образование Балтийской Антанты

Еще в период интервенции против молодой Советской республики американо-английские и другие империалисты плели в Прибалтике антисоветские заговоры. Несмотря на провалы интервенгов, вырабатывались новые планы империалистов, которые предусматривали и в дальнейшем использование прибалтийских стран в качестве плацдарма интервенции против Советского государства. Гувер, выражая интересы американских империалистов, мечтавших о мировой гегемонии Соединенных Штатов Америки, пытался сколотить антисоветский блок, который должен был состоять из Финляндии, Эстонии, Латвии, Литвы, Польши, Румынии и Германии.

Прибалтийские страны интересовали империалистов не только как плацдарм для нападения на первое социалистическое государство с целью уничтожения последнего, но и как объект колониальной политики. При этом эстонская, латышская и литовская буржуазия хотела видеть себя в роли посредника и даже участника в деле организации агрессии против Советского государства. Основной целью международной реакции после Октябрьской революции была изоляция и ослабление Советской страны с тем, чтобы подготовить ее уничтожение вооруженной силой.

В противовес буржуазии народы Прибалтики стремились к подлинной свободе и миру. Их вековая мечта впервые была воплощена в жизнь Великой Октябрьской социалистической революцией. Эстляндская, Латвийская и Литовская Советские респуб-

лики положили начало национальной государственности этих народов. С первых же дней своего существования прибалтийские советские республики были вынуждены бороться против двух врагов: иностранных империалистов и местной буржуазии, целью которых было свергнуть в Эстонии, Латвии и Литве советскую власть. Известно, что рабочим и крестьянам Эстонии, Латвии и Литвы не удалось в то время устоять против превосходящих сил контрреволюции, американо-английских и других иностранных интервентов и их пособников в лице буржуазии Прибалтики. Прибалтийские народы на многие годы оказались под властью и гнетом своей и чужеземной буржуазии.

Вопреки воле эстонских, латышских и литовских рабочих и крестьян, были созданы буржуазные Эстония, Латвия и Литва, нужные империалистическим государствам как плацдарм для нападения на Советское государство. При этом американо-английские империалисты не были заинтересованы в создании независимых прибалтийских буржуазных государств: они были вынуждены пойти на признание их независимости в 1921 году, т. е. после признания их независимости со стороны Советской России.

В отличие от империалистических государств, страна Советов с первых дней Великой Октябрьской социалистической революции написала на своем знамени — мир и уважение к независимости народов. Успехи Красной Армии в борьбе против интервентов и настойчивая борьба трудящихся Прибалтики за мир привели 2-го февраля 1920 года к заключению Советско-Эстонского мирного договора. За мирным договором с Эстонией последовали мирные договоры с Литвой — 12 июля 1920, Латвией — 11 августа 1920 и Финляндией — 14 октября 1920 г.

Несмотря на провал планов интервентов, русских белогвардейцев и буржуазии Прибалтики против Советов, по указке американо-английских и других империалистов проводились всевозможные совещания и переговоры, целью которых было укрепление связей между отдельными звеньями антисоветского плацдарма. Империалисты США, Англии и Франции считали, что страны-лимитрофы сами по себе в отдельности не могли иметь серьезного военного значения, но объединившись в единый военный блок и при активной помощи империалистических держав, они могли создать реальную угрозу безопасности Советского государства. Так французские империалисты выдвинули идею создания Балтийского блока государств — Эстонии, Латвии, Литвы, Финляндии и Польши. В августе 1920 года на Рижско-Булдурийской конференции представителей стран-лимитрофов (Финляндии, Эстонии, Латвии, Литвы, Польши) была создана попытка превратить конференцию в перманентное учреждение.¹

Несмотря на то, что Рижско-Булдурийская конференция никаких результатов не дала, в Таллине состоялось очередное (не-

¹ О Балтийских конференциях см. «История дипломатии», под ред. В. П. Потёмкина, т. III, Москва—Ленинград 1945, стр. 105—106.

официальное) совещание балтийских государств (24 февраля 1921 года), где выяснилось положение, которое создалось после Польско-Литовского конфликта. Здесь и были обсуждены возможности дальнейших встреч представителей балтийских государств. Вопрос был решен положительно, и Финляндии было предложено созвать конференцию с участием Эстонии, Латвии и Польши.

Параллельно с этим появилась идея Эстонско-Латвийско-Литовского союза. На этом особенно настаивал министр иностранных дел Литвы, который хотел использовать союз в интересах Литвы (в связи с Польско-Литовским конфликтом). Однако Эстония и Латвия считали нецелесообразным поддерживать Литву, и поэтому к 1 ноября 1923 г. удалось создать только союз между Эстонией и Латвией (в Таллине 7 июля 1921 г. был подписан военный союз, но в силу он вначале не вступил)

Этот антисоветский военный союз между Эстонией и Латвией заложил впоследствии основу так называемой «Балтийской Антанты». В промежутке же, до подписания военного союза между Эстонией и Латвией от 1 ноября 1923 года, была проведена очередная попытка сколотить тесный антисоветский военный союз между странами-лимитрофами. В Гельсингфорсе состоялась очередная Балтийская конференция, с участием Эстонии, Латвии, Финляндии и Польши (Литва, ввиду конфликта с Польшей и присутствия последней, участия не принимала) 13 марта 1922 года, по приглашению польского министерства иностранных дел, в Варшаве собрались представители Польши, Латвии, Эстонии и Финляндии (Литву не пригласили) 17 марта 1922 года Варшавская конференция заключила политическое соглашение, известное под названием Варшавского договора. Варшавский договор является осуществлением плана французской дипломатии создать блок прибалтийских государств при главенствующей роли тогдашнего союзника Франции — Польши. Этот блок четырех держав был направлен в первую очередь против СССР. Однако ввиду противоречий между участниками договора статья VII предусматривала, что военная помощь в отношении членов союза оказывается не автоматически, а только после предварительной консультации между участниками договора. Несмотря даже на это, Варшавский договор не вступил в силу ввиду того, что Финляндия его не ратифицировала. 8—9 октября 1922 года в Польше была созвана очередная Балтийская конференция с участием министров иностранных дел Финляндии, Эстонии, Латвии и Польши. 17 января 1925 года участники Варшавской конференции заключили в Гельсингфорсе конвенцию об арбитраже между Эстонией, Латвией, Польшей и Финляндией. «Неофициально предполагалось обсудить также возможность военной конвенции Польши и балтийских государств, имея в виду главным образом борьбу против СССР».²

² «История дипломатии», т. III, стр. 355.

2 марта 1925 года в Риге на совещании балтийских и польских военных экспертов было внесено предложение польского генштаба о заключении военного договора между Польшей и балтийскими государствами.³ В декабре 1926 года совещание генеральных штабов этих стран было повторено.

Однако, несмотря на неоднократные попытки империалистов, создать прочный Польско-балтийский антисоветский блок в то время так и не удалось.

Это объяснялось следующими причинами:

1. Непримиимые в условиях капитализма, противоречия в лагере стран — участников вышеупомянутых конференций:

а) противоречия как между странами-лимитрофами, возможными участниками этого блока, так и между его вдохновителями и организаторами — США, Англией и Францией;⁴

б) Виленский конфликт между Польшей и Литвой;

в) союз Эстонии и Латвии с более сильной Польшей означал бы для этих государств полную зависимость от последней;

г) стремление определенных кругов Швеции и Финляндии втянуть Финляндию в так называемое Северное сотрудничество (1922—1938 гг.);

д) экономические противоречия (конкуренция на внешних рынках и т. д.), обострившиеся в связи с новым экономическим кризисом.

2. Разоблачение коммунистическими партиями Эстонии, Латвии, Литвы, Финляндии и Польши предательской антинациональной политики реакционных правителей и выступление народных масс этих стран за мир, дружбу и сотрудничество с Советским Союзом, за прекращение антисоветских авантур.

3. Использование советской дипломатией вышеотмеченных империалистических противоречий в интересах обеспечения мира и безопасности народов.

³ «История дипломатии», т. III, стр. 356.

⁴ США хотели укрепить позиции Германии в Прибалтике, в соответствии с интересами своих правящих кругов, которые стремились закабалить германский народ, а также содействовали созданию такой реакционной Германии, которую можно было бы использовать в организации нападения на Советский Союз.

Франция стремилась создать блок прибалтийских государств и Польши, а также Румынии, который можно было бы использовать не только в антисоветской политике, но и против Германии, если это потребуют интересы правящих кругов Франции, в свою очередь стремившихся к гегемонии в Западной Европе.

Англия, в свою очередь, стремилась укрепить свои империалистические позиции в странах, прилегающих к Балтийскому морю, превратить, в частности, страны Прибалтики в свой аграрный придаток и антисоветский плацдарм. Поражение Франции в Рурском конфликте и Локарно (1923—1925 гг.) способствовало сближению Англии с Польшей за счет интересов Франции. После переворота 1926 года Пилсудский, выражая интересы правящей клики Польши, считался в первую очередь с интересами американско-английских, а не французских империалистов.

В частности:

а) участие СССР на Балтийской конференции 29 марта 1922 года в Риге, где советской дипломатии удалось несколько поколебать создание блока прибалтийских государств и притупить антисоветское острое Варшавской конференции;

б) пакт о ненападении и нейтралитете между СССР и Литвой (28 сентября 1926 г.); этот договор сыграл огромную роль в деле укрепления советско-литовской дружбы, в которой литовский народ видел гарантию своей независимости; однако уже в конце того же года английская разведка организовала в Литве фашистский переворот;⁵

в) Московский протокол от 9 февраля 1929 г. о досрочном введении в действие Парижского договора об отказе от войны в качестве орудия национальной политики («пакт Келлога-Бриана»);⁶

г) пакты о ненападении между

СССР и Финляндией от 21 января 1932 г.,

СССР и Латвией от 5 февраля 1932 г.,

СССР и Эстонией от 4 мая 1932 г.,

СССР и Польшей от 25 июля 1932 г.,

эти договоры были подчинены задаче борьбы за мир, против агрессии;⁷ они выступили в качестве орудия в борьбе за разрушение фронта империалистических государств против СССР; каждая из договаривающихся сторон обязалась не принимать участия в политических соглашениях в смысле агрессии против другой стороны; эти договоры явились прочной основой добрососедских отношений между СССР, Польшей и прибалтийскими республиками;

д) подписание по инициативе СССР в июле 1933 года конвенции об определении нападающей стороны между СССР Эстонией, Латвией, Литвой, Польшей и другими государствами; позже к этой конвенции присоединилась и Финляндия.

Советский Союз на деле показал свое миролюбие, свое искреннее желание установить добрососедские отношения с прибалтийскими и другими государствами. Все вышеотмеченные антисоветские планы империалистов были обречены на провал. Советский

⁵ Помимо Литвы, правительство СССР обратилось к Польше, Латвии, Эстонии и Финляндии с предложением заключить с каждым из них договор о ненападении и нейтралитете. Правительства прибалтийских стран пытались уклониться от этих предложений, как это требовало от них правительство английских консерваторов, которое пыталось создать в те годы антисоветский блок с участием вышеуказанных государств.

⁶ Авторы пакта Келлога-Бриана хотели его использовать в качестве пацифистского маневра для прикрытия подготовки войны, но СССР использовал его в интересах мира.

⁷ В некоторых пактах о ненападении, заключенных СССР, содержались оговорки о недействительности подписанного договора в случае совершения агрессии одной из сторон против любого третьего государства, например в договоре о ненападении с Польшей от 25 VII 1932 г. (ст. 2, абз. 2).

Союз добился нормализации политических и экономических отношений со многими капиталистическими странами, в том числе с прибалтийскими, и, успешно борясь против попыток создания единого антисоветского фронта, расстраивал агрессивные планы, направленные против СССР

Однако, несмотря на неоднократные провалы планов империалистов, правящие круги США, Англии и Франции принимали и впредь меры, направленные на внешнеполитическую изоляцию СССР, на поощрение антисоветской политики.

Создание гитлеровского режима германскими монополистическими кругами с полного одобрения правящих кругов США, Англии и Франции в корне изменило внешнеполитическую ситуацию на востоке Европы. Правящие круги США, Англии и Франции оказывали прямую поддержку агрессивным мероприятиям гитлеровцев. Германский империализм получил еще более мощную поддержку со стороны Соединенных Штатов Америки в деле восстановления германского военного потенциала.

В связи с изменением соотношения сил на международной арене, на почве попытки военного окружения СССР со стороны международного капитала, усиливается деятельность германских империалистов и зависимых от империалистов правителей стран-лимитрофов. О происках германских фашистов в Эстонии, Латвии и Литве все чаще и все с большей тревогой писала мировая прогрессивная печать. Отклонение гитлеровской Германией весной 1934 года предложения Советского Союза о совместной гарантии прибалтийских государств лишней раз разоблачило истинные намерения германского фашизма в Прибалтике. Проект СССР о включении прибалтийских государств в систему восточно-европейского пакта о взаимопомощи вновь доказал народам Прибалтики стремления Советского Союза к укреплению их независимости в противовес стремлениям фашистских агрессоров поработить прибалтийские государства.⁸ Трудящиеся массы этих стран понимали, что заключение восточно-европейского пакта о взаимопомощи позволило бы прибалтийским государствам в случае гитлеровской агрессии опереться на мощный блок государств во главе с Советским Союзом.

Советское правительство доказало, что система коллективной безопасности всецело отвечает интересам свободолюбивых стран, которым угрожает агрессия. Однако, американско-английские и другие империалисты тщательно обходили вопрос о подлинном обеспечении безопасности в Европе коллективными усилиями всех стран.

Покровительствуемая силами международной реакции, поощряемая дипломатией «невмешательства» гитлеровская Германия приступила к подготовке агрессии против соседних стран. Совер-

⁸ Относительно «Восточного пакта» см. Большая Советская Энциклопедия, второе издание, т. 9, стр. 218.

шенно ясно, что при открытой ориентации фашистских агрессоров на развязывание новой войны, препятствием их планам могло быть лишь тесное сплочение всех государств, заинтересованных в сохранении мира, действенная организация коллективной безопасности. Только уверенность агрессора в том, что всякая попытка агрессии натолкнется на сплоченный и мощный отпор со стороны других государств, может обеспечить действительное сохранение мира. Всякое ослабление этого фронта, ослабление организации коллективной безопасности облегчает агрессору развязывание новой войны. Вполне понятно, что в усложнившейся международной обстановке сотрудничество прибалтийских государств в деле укрепления их безопасности могло бы дать положительные результаты только в том случае, если они сумели бы оградить подлинную самостоятельность своей внешней политики, если бы они не оказались орудием в руках какой-либо из империалистических держав. Однако балтийские государства пошли по пути отказа от политики коллективного отпора потенциальному агрессору.

В 1934 г. образуется так называемая «Балтийская Антанта». В основе этой Антанты был договор, заключенный 1 ноября 1923 г. в Таллине между Эстонской и Латвийской буржуазными республиками, и дополнительно договор об организации союза, подписанный 17 февраля 1934 года в Риге также между Эстонской и Латвийской республиками.⁹ Согласно договору от 17 февраля 1934 года, подписавшиеся стороны решили еще больше «развивать сотрудничество» между обеими сторонами на основе договора о союзе, подписанном в Таллине 1 ноября 1923 года.

25 апреля 1934 года литовское правительство предъявило правительствам Эстонии и Латвии меморандум, в котором оно сообщило, что Литва хочет присоединиться к Эстонско-Латвийскому союзу. Правительства Эстонии и Латвии приняли основы Каунасского меморандума и, после нескольких конференций (в Каунасе 6 июля 1934 г. и в Риге 29 августа 1934 г.) в Женеве 12 сентября 1934 года был подписан Эстонско-Латышско-Литовский договор о союзе и сотрудничестве («*Traité d'Entente et de Collaboration*»). Этим договором была образована «Балтийская Антанта».¹⁰ На основании пакта участники обязались координировать свои действия во внешнеполитических вопросах; при этом исключались специфические вопросы отдельного государства (под «специфическими вопросами» подразумевались в первую очередь проблемы Вильнюса и Клайпеды), в отношении которых было бы трудно осуществить совместную линию поведения (см. статья 3) В деле же координации политики предвидены были периодические конференции министров иностранных дел, которые должны были происходить по крайней мере два раза в год поочередно в госу-

⁹ Тексты см. Eesti lepingud välisriikidega, XII, Tallinn 1935, стр. 143—147

¹⁰ Тексты см. Eesti lepingud välisriikidega, XII, стр. 277—283.

дарствах — участниках пакта (статья 2) Договор разрешал прикнудить и другим государствам к пакту, это, однако, должно было решаться при единогласии других участников пакта; договор был заключен на 10 лет (статьи 7 и 9).

Балтийский пакт не содержал статьи о взаимной гарантии границ, а предусматривал лишь обязательство трех стран договориться по внешнеполитическим вопросам, имеющим взаимное значение, и оказывать друг другу политическую и дипломатическую поддержку в международных вопросах. Вполне понятно, что такой пакт не мог предохранить их от агрессии со стороны гитлеровской Германии, он способствовал расколу в рядах поборников системы коллективной безопасности, что было в интересах агрессора.

Следует отметить, что перестройка экономики Германии на военные рельсы требовала обеспечения ее промышленности сырьем и продуктами, что частично достигалось втягиванием народного хозяйства стран «Балтийской Антанты» в орбиту военной экономики Германии. Балтийская буржуазия перестраивала свою экономику и политику соответственно интересам фашистской Германии и американско-английских империалистов, заинтересованных в использовании гитлеровцами Балтийского плацдарма против СССР.

2. Панская Польша и «Балтийская Антанта»

Польская буржуазия и помещики, ослепленные классовой ненавистью к Советскому Союзу и мечтой о захвате новых территорий, проводили агрессивную антисоветскую политику на востоке Европы в качестве предполья сил международной реакции.

Гитлеровская Германия с ее террористическими методами подавления революционного движения трудящихся и антисоветской внешней политикой была особенно близка правящим кругам Польши.

Пренебрегая национальными интересами страны, правящая клика буржуазно-помещичьей Польши вступает на путь сближения с гитлеровской Германией, рассматривая это как важнейшее звено в подготовке войны против Советского Союза.

В 1934 году Англия и Франция помогли гитлеровской Германии использовать враждебную позицию панской Польши в отношении СССР в результате чего был заключен Германо-Польский пакт о ненападении, явившийся одним из серьезных этапов в подготовке немецкой агрессии.

Основной смысл этого пакта состоял в том, чтобы парализовать выполнение Польшей своих обязанностей по защите коллективной безопасности, как члена Лиги Наций. Характерно, что этот пакт не оговаривал отпадения обязательств по договору в случае, если одна из сторон сама выступит в качестве агрессора, т. е. соглашение предусматривало нейтралитет Польши в случае

агрессии Германии. Пакт помог гитлеровской Германии расстроить ряды сторонников коллективной безопасности, установить очередность нападения на намеченные ею жертвы и был «первой серьезной брешью в здании коллективной безопасности».¹¹

Польша, в соответствии с планами гитлеровской Германии, развернула кипучую деятельность по подрыву Лиги Наций, по внешнеполитической изоляции Советского Союза. Она совместно с гитлеровской Германией отклонила советские предложения о гарантии территориальной неприкосновенности и политической независимости прибалтийских стран и сорвала осуществление предложения СССР о создании восточно-европейского пакта о взаимопомощи. После установления «прочной дружбы» с Германией панская Польша проявляет особый интерес к странам «Балтийской Антанты». Польский министр иностранных дел Бек пытается сколотить «блок нейтральных государств». Этот «блок нейтральных государств», или так называемая «Третья Европа», должен был включать все государства от Балтийского до Черного и даже Адриатического морей и преследовать цель — изолировать Советский Союз от тех стран, которые могли бы участвовать в системе коллективной безопасности, и поставить изолированные нейтральные страны лицом к лицу с фашистской Германией.¹²

Первую неудачу в деле создания «Третьей Европы» Бек потерпел в скандинавских странах, которые не хотели связываться с махинациями Бека. Что касается прибалтийских государств, то пока между Польшей и Литвой не было дипломатических отношений и даже признанных литовским правительством границ, Эстония и Латвия не могли, конечно, примкнуть к соглашению, из которого была исключена Литва — член «Балтийской Антанты». Весной 1938 года (17 марта), незамедлительно вслед за захватом Германией Австрии, Польша намеревалась захватить Литву. Однако «Марш на Ковно» был сорван, благодаря предупреждению, сделанному Советским Союзом Польше. Последней

¹¹ Историческая справка Советского Информбюро, Госполитиздат, 1948, стр. 14.

¹² Еще в довоенные годы это неоднократно подтверждалось буржуазной печатью. В частности в «L'Oeuvre» от 9 III 1938 г. сообщалось: «Его (т. е. блока «нейтральных» государств — Ю. Е.) задачей являлось образование моста между Европой и Азией, чтобы оттеснить этим СССР в Азию. Но главная задача, которую Берлин и Рим хотят дать 3-ей оси, заключается в препятствии известным французским союзникам возврата к союзу». Гитлеровская Германия, будучи уверена в том, что правящие круги Англии, Франции, США и других стран не будут препятствовать Германии в захвате Чехословакии, считала, что Советский Союз выполнит свои обязательства в отношении Чехословакии. Поэтому Гитлеру было необходимо иметь помощь панской Польши, которая должна была препятствовать проходу советских войск через ее территорию для оказания военной помощи Чехословакии.

См. также «Документы и материалы кануна второй мировой войны», Госполитиздат, 1948, т. I, стр. 175—177; 211; 213—214 и др.

удалось лишь заставить Литву установить с Варшавой дипломатические отношения и внешне «положить конец» справедливым требованиям Литвы в отношении Вильнюса. Хотя препятствие к вступлению стран «Балтийской Антанты» в «Третью Европу» как бы и отпало, однако, осуществить эту идею не удалось. Наличие такого плана ясно указывало на стремление агрессоров изолировать прибалтийские страны, лишить их возможности пользоваться благами коллективной безопасности с тем, чтобы завладеть ими, превратив их в свою колонию и плацдарм для антисоветского похода.

Политика господствующей клики Польши под флагом создания «блока нейтральных государств» не отвечала государственным интересам Польши. Национальные интересы Польши требовали сотрудничества с СССР, отказа от сумасбродной политики образования «великодержавной» Польши от Балтийского до Черного моря, отказа от участия в политике насилия, присоединения к политике коллективной безопасности.

Однако польская буржуазия и помещики не были способны осуществить такую политику. Антисоветская политика Польши вела ее к изоляции, к лишению Польши возможности приобрести реального, а не фиктивного союзника в случае агрессии против Польши. Фашистская Германия, благодаря политике Польши, смогла беспрепятственно осуществить ряд агрессивных актов в Европе, существенно подорвать коллективную безопасность и подготовить условия для нападения на Польшу. После англо-германского морского соглашения 1935 года и Мюнхенского соглашения гитлеровская Германия считала себя уже настолько сильной, что могла, в частности, обойтись без помощи панской Польши. Поэтому гитлеровская Германия отбрасывает договор 1934 года с Польшей как ненужный клочок бумаги. В 1939 году, несмотря на непосредственную военную угрозу со стороны гитлеровской Германии, Польша, в соответствии с интересами сил международной реакции, отклонила предложенную Советским Союзом помощь и тем самым подставила себя под удар германских империалистов.

3. Провозглашение политики «нейтралитета»

Довоенная, так называемая мюнхенская политика укрепила позиции фашистских агрессоров и создала необходимые условия для подготовки последними империалистической войны.

Активность германской политики в Прибалтике все возрастала. Что касается самих прибалтийских государств, то их правящие круги продолжали политику попустительства и заискивания перед фашистскими агрессорами, в первую очередь перед фашистской Германией. Примеры Эфиопии, Испании, Австрии и, наконец, ультиматум и угрозы Польши в отношении Литвы, очевидно, мало чему научили тогдашних руководителей прибалтий-

ских государств даже в условиях, когда американско-английские империалисты наметили уступить эту сферу влияния гитлеровской Германии. Учитывая рост экономического и политического влияния Германии в Прибалтике, правящая клика этих стран превращается в прислужников германского империализма. После захвата Австрии фашистской Германией латвийский министр иностранных дел Мунтерс спешит приветствовать «великую Германию», как он ее называет в своей речи от 4 апреля 1938 года, посвященной международному положению.

Мунтерс приветствовал также польский ультиматум Литве, пытаясь в то же время склонить Литву к далеко идущим уступкам Польше. Выполняя задания фашистских агрессоров, Мунтерс выступал трубадуром отказа от политики коллективной безопасности. Накануне 101 сессии Совета Лиги наций Мунтерс предпринял путешествие по столицам прибалтийских и скандинавских стран, пытаясь одновременно склонить эти страны к признанию аннексии Италией Абиссинии. Деятельность прибалтийских реакционеров неустанно усиливалась. В Эстонии это проявилось в фашистском движении вапсов и немного позднее в пятсовском профашистском «режиме умиротворения», который шаг за шагом ограничивал гражданские права и свободу, вплоть до полной фашизации страны. Когда военная и экономическая мощь фашистской Германии усилилась и эстонская (resp. латвийская и литовская) экономика все больше и больше начала становиться зависимой от фашистской Германии, еще резче выявилась прогерманская внешнеполитическая ориентация балтийских государств. В Эстонии правительство Пятса пыталось доказать немецко-фашистским империалистам, что оно им услуживает не хуже, чем это могли бы сделать вапсы. Германский империализм, переключив свою экономику на подготовку новой войны, при широкой помощи США, снова выступил на арену, требуя нового передела мира, ибо «при капитализме невозможны иные средства восстановления, время-от-времени, нарушенного равновесия, как кризисы в промышленности, войны в политике».¹³ В связи с обострением международных отношений эстонская (resp. латышская и литовская) буржуазия вынуждена была ориентироваться не на Англию, тем более в условиях, когда последняя не сдерживала, а наоборот, направляла германскую агрессию на Восток. В этих условиях эстонской (прибалтийской) буржуазии следовало бы опереться на свой народ, на Советский Союз с целью отбить германскую агрессию. Однако буржуазия Эстонии, Латвии и Литвы, ослепленная своей ненавистью к СССР и поэтому не имея опоры в народе, искала выход из раздиравших страну противоречий на пути сделки с германским фашизмом. Все свои расчеты она строила, исходя из задач организации войны против СССР совместно с одной из групп империалистических держав —

¹³ В. И. Ленин, Соч., т. 21, стр. 310.

в данном случае с гитлеровской Германией, — чтобы этим укрепить свое положение в стране, таким же образом, как это было в годы интервенции против Советского государства. Для осуществления данной политики была необходимость в идеологической маскировке. Лучшим средством для этого был национализм, т. е. эстонский (gesp. латвийский, литовский) буржуазный национализм. Правители стран «Балтийской Антанты» воздерживались от открытой пропаганды фашистской терминологии, не осмеливались открыто выражать свои симпатии и поддержку германскому фашизму. Поэтому для сохранения и маскировки прогерманской политики буржуазия применяет термин «нейтралитет».

Прибалтийские государства поочередно провозглашают политику «нейтралитета» в интересах германской экспансии. Решение о провозглашении согласованных текстов законов о «нейтралитете» было принято на конференции министров иностранных дел «Балтийской Антанты» 18 ноября 1938 года в Риге. Законы о нейтралитете были опубликованы: в Эстонии 6 декабря 1938 года, Латвии — 21 декабря 1938 года, Литве — 25 января 1939 года.

Накануне второй мировой войны с особой выразительностью проявилась роль буржуазии Эстонии, Латвии и Литвы как орудия в руках империалистической Германии. Судьба прибалтийских стран решалась в Лондоне, Берлине, Вашингтоне.

В условиях нарастания опасности новой войны СССР был единственной державой, развернувшей знамя борьбы за мир и безопасность народов против агрессии. В ноте правительства СССР от 18 марта 1939 года по поводу оккупации фашистской Германией Чехословакии указывалось, что действия германского правительства усилили опасность всеобщему миру и нанесли новый удар чувству безопасности народов.¹⁴

Было очевидно, что очередными жертвами гитлеровской агрессии, особенно после захвата Мемеля, являются Польша и Прибалтика. В этих условиях нужна была особенно упорная борьба за организацию коллективного отпора агрессору, ибо агрессор (Германия) стремился поочередно завладеть изолированными странами Европы.

Советское правительство вручило 28 III 1939 г соответствующие ноты, где подчеркивалась заинтересованность Советского Союза в полной и действительной независимости прибалтийских республик. В этих нотах декларировалась недопустимость какого бы то ни было иностранного вмешательства во внутренние дела этих государств.¹⁵ Народы прибалтийских государств, над которыми нависла опасность превратиться в плацдарм для экспансии германского империализма, мост, по которому он вторгнется в Советский Союз, знали, что единственной гарантией их независи-

¹⁴ См. «Известия» от 20 III 1939.

¹⁵ См. «Правда» от 29 III 1939.

мости являются добрососедские отношения с великим Советским Союзом и совместное участие с последним в системе коллективной безопасности. Что же касается правящих клик Эстонии, Латвии и Литвы, то хотя они на сентябрьской сессии Лиги Наций в 1938 году и оставили за собой теоретически «право решать», будут ли они принимать участие в мероприятиях на основании статьи 16 устава Лиги Наций или нет, но фактически отказались от санкции в отношении Германии. Это объясняется тем, что «теоретическая возможность» решать вопрос об участии в санкциях была на основании пакта о ненападении с Германией исключена (в отношении Германии), ибо, согласно статье первой, стороны «ни в коем случае не вступят в войну друг против друга». «В случае возобновления действий со стороны третьего государства в отношении одного из участников договора, другая подписавшаяся сторона ни в коем виде не поддержит такой акции». ¹⁶

Таким образом, 7 июня 1939 года фашистские правительства Эстонии и Латвии подписали с Германией пакты о ненападении, которые на деле были направлены против принятия Эстонией и Латвией гарантии в случае нападения Германии на прибалтийские государства. Советский Союз же настаивал на предоставлении соответствующих гарантий со стороны Англии, Франции и СССР во время англо-франко-советских переговоров летом 1939 г. в Москве. Таким образом пакты о ненападении (с Эстонией, Латвией) служили своеобразной юридически оформленной дымовой завесой, под покровом которой Германии оказалось удобнее и безопаснее всего готовиться к попытке внезапного, насильственного переворота в Прибалтике. Не приходится, конечно, доказывать, что эти пакты ни в какой мере не гарантировали неприкосновенности и положения нейтралитета договаривающихся с фашистской Германией государств.

Одним из предлогов отказа от участия в пакте взаимопомощи было то, что Эстония, Латвия и Финляндия якобы хотят сохранить строгий нейтралитет и поэтому не желают принимать гарантии против нападения гитлеровской Германии. Правящая клика Эстонии и Латвии не желала предпринять каких-либо мер для защиты своего нейтралитета, она рассматривала пакты о ненападении с Германией как важное событие в деле подготовки войны против Советского Союза. «Нейтралитет» прибалтийских государств нужен был Гитлеру для осуществления «косвенной агрессии» против СССР а также английским и другим империалистам в качестве удобного предлога для саботажа переговоров с СССР и для «канализации» германской агрессии через «Балтийские ворота» на СССР

¹⁶ См. договор о ненападении между Германией и Эстонией от 7 июня 1939 г. в «Riigi Teataja» 30 VI 1939, № 12, стр. 303—306.

Пакт о ненападении с Германией исключал также помощь Эстонии своей союзнице Латвии в случае, если бы последняя подверглась агрессии со стороны Германии; исключена была и помощь Латвии в том случае, если бы Эстония подверглась агрессии со стороны Германии.

Для дальнейшего саботирования переговоров англо-французские провокаторы войны избрали вопрос о так называемой косвенной агрессии. В англо-французских предложениях, врученных СССР 17 июля 1939 года, правительства Англии и Франции отказались признать актом агрессии организованный гитлеровской Германией государственный переворот в прибалтийских государствах, хотя было совершенно очевидно, что такой переворот окончательно превратил бы эти государства в германский плацдарм.

Таким образом, правительства Англии и Франции продолжали отказываться от политики коллективного отпора агрессору в случае, если немецко-фашистская агрессия будет осуществлена через Прибалтику.

Этим и объясняется поведение правительств балтийских государств во время переговоров между Англией, Францией и Советским Союзом в 1939 году: они отказались от гарантий, якобы несовместимых с их положением нейтралитета. При этом бывший министр иностранных дел Эстонии Сельтер в интервью, данном им газете «Балтик Таймс», заявил: «Если какая-либо великая держава без нашего приглашения пожелает появиться в роли защитника, либо как представитель какой-либо коллективной системы, либо как защитник своих собственных интересов на территории прибалтийских государств, то такая помощь рассматривалась бы как агрессия, против которой прибалтийские государства будут бороться всеми своими средствами. Мы питаем полное доверие к британскому правительству и твердо убеждены, что оно рассматривает свои стремления обеспечить мир не только как высокий идеал, но также делает все для достижения этого идеала и особенно в интересах нейтральных прибалтийских государств».¹⁷ Такое обращение к британскому правительству достаточно лицемерно, так как Сельтер не мог не понимать, что это правительство ни в коем случае не хотело гарантировать граничащих с СССР малых государств, прикрывающих северо-западные границы СССР, если они окажутся не в силах отстоять свой нейтралитет от нападения агрессоров. Это объясняется стремлением английского империализма «канализировать» германскую агрессию через прибалтийские государства, управлявшиеся прогерманскими фашистскими правительствами. Этим объясняется и поведение Стрэнга, Сиидса и других, которые «делали вид, что не понимают, что, собственно, означает понятие «косвенная агрессия»».¹⁸

Английские империалисты считали, что уступка своих позиций в Эстонии, Латвии и Литве германским империалистам и последующая оккупация этих стран Германией была бы более приемлема английским «мюнхенцам», чем нападение Германии на СССР через Польшу и Румынию. Англия смогла бы этим лучше

¹⁷ „The Baltic Times” от 25 V 1939.

¹⁸ «История дипломатии», т. III, стр. 682.

сохранить свои империалистические позиции в Европе, в частности в Польше и Румынии, и использовать их в качестве орудия своей политики и в первую очередь в антисоветской политике. Кроме того, «канализация» германской агрессии через быстро покоримые балтийские государства явилась бы для СССР более опасной, чем нападение через Польшу и Румынию: она создала бы угрозу Балтийскому флоту и Ленинграду, а также более благоприятные условия для продвижения войск гитлеровской Германии вглубь СССР, и этим дала бы фашистской Германии, а также «мюнхенцам» значительно лучший результат, чем операции на других участках западной или юго-западной границы СССР

Коль скоро английское правительство в отношении своих гарантий Польше-Румынии, с одной стороны, и балтийским государствам, с другой стороны, делало разницу, то «... это должно было Москве казаться настоящим призывом Гитлеру начать в балтийских государствах поступать по своему усмотрению». ¹⁹ И это понимали не только в Москве. Парламентская оппозиция резко критиковала политику Чемберлена, указав, что «кто бы ни взглянул на карту Балтийского моря, тот не может сомневаться в том, что интересы России в независимости и нейтралитете балтийских государств не были меньшими, чем наши в Нидерландах. События в Чехословакии, Испании и Данциге иллюстрировали абсолютную необходимость в нахождении практического определения стадии «косвенной агрессии». ²⁰ Шведская газета «Свенска Дагбладет» отмечала, что «если Голландия, будучи нейтральной страной, вместились в рамки Британско-Польского договора, то также и балтийские страны могут вписаться в рамки англо-русского пакта, без нарушения их нейтралитета». ²¹

Англо-французские империалисты при поддержке США продолжали свою мюнхенскую политику, «... которая исходит из того, чтобы направить фашистскую захватническую политику на восток. Это должно, таким образом, быть изысканным блюдом Чемберлена и К^о получить пакт, который гарантировал бы маленькие страны на Западе, но оставил бы открытый путь нацистским полчищам в направлении востока через Балтику. Фашизм выиграл сильную поддержку в балтийских странах и шансы Гитлера превратить эти страны «мирным» путем в «протекторат» не так малы, как это иногда полагают». ²² Таким образом, Англия и Франция делали все от них зависящее, чтобы методами тайных сговоров и сделок, методами всевозможных провокаций натравить

¹⁹ „Neue Züricher Zeitung” от 4 VI 1939.

²⁰ „Times” от 1 VIII 1939.

²¹ „Svenska Dagbladet” от 4 VI 1939.

²² «Ny Dag» от 12 VII 1939. Превращение этих стран в колонию под вывеской «протекторат» являлось, конечно, не главной задачей гитлеровской Германии. В то время Гитлеру необходим был, в первую очередь, плацдарм в Прибалтике против СССР.

гитлеровскую Германию на Советский Союз,²³ да не только Германию, но и балтийские государства.

Еще в 1919 году В. И. Ленин говорил, что со стороны Антанты будут еще попытки натравлять на нас то одно, то другое маленькое государство, которое живет с нами по соседству. Антанта может заставить их еще раз поднять руки против нас.²⁴

Если фашистские правители прибалтийских государств были готовы расшаркиваться перед фашистскими агрессорами, то народы этих стран были против такой политики. Трудящиеся массы этих стран всецело высказывались за сотрудничество с Советским Союзом и за его политику мира. Народы Прибалтики хорошо знали, что германский фашизм не собирался отказаться от политики «Дранг нах остен», от колонизации и использования прибалтийского плацдарма для войны против СССР и поэтому трудящиеся массы Эстонии, Латвии и Литвы считали, что они могут предотвратить превращение своих стран в германскую колонию только в рамках всеобщего сотрудничества и в борьбе за мир, за коллективную безопасность. Не политикой уступок и расшаркивания перед фашистским агрессором можно было добиться сохранения мира и своей независимости, а политикой, направленной к изоляции фашистских агрессоров. Невозможность организации всеобщего сотрудничества в деле сохранения мира путем коллективной безопасности (по вине англо-американских, французских и других империалистов) поставила на повестку дня со всей остротой вопрос об организации коллективного отпора агрессору в региональном масштабе. Была лишь одна возможность — антиагрессивный военный союз с СССР опирающийся на силу народных масс. Эта определенность и неизбежность выбора пугала властителей Латвии, Литвы и Эстонии. Буржуазная клика, которую двигали исключительно своекорыстные классовые интересы, боялась видеть свой народ активным, организованным и вооруженным в отпоре фашистскому агрессору. Как всюду, так и здесь внешние проблемы тесно переплетались с внутренней политикой. Возможность организованного сопротивления нашествию германского фашизма и тут всецело зависела от того, сумеют ли, наконец, сказать свое слово связанные по рукам и ногам народы Прибалтики. «Эстония и Латвия смогут себя успешно защитить только в том случае, если они получают помощь от русской армии и флота», — так оценила обстановку шведская газета «Арбетарен».²⁵

Вполне понятно, что политика стран «Балтийской Антанты», которая своим острием была направлена против СССР, ни на минуту не упускалась из виду советским правительством, особенно ввиду укрепления разного рода связей между гитлеровцами и

²³ Историческая справка Советского Информбюро, стр. 53.

²⁴ В. И. Ленин, Соч., т. 30, стр. 195.

²⁵ «Arbetaren» от 22 VI 1939.

правителями Эстонии, Латвии и Литвы (например, приезд начальника германского штаба генерала фон Гальдера в Таллин 26 июня 1939 года преследовал определенные политические и военные задачи в целях подготовки агрессии). Срыв правительствами Англии и Франции переговоров в СССР резко ухудшил международное положение прибалтийских государств. Отказ Польши заключить с Советским Союзом соглашение был наруку мюнхенским провокаторам войны. Они использовали антисоветский курс политики польского, эстонского, латышского и литовского правительств для затягивания и срыва переговоров с СССР.

В этих маневрах англо-французских и прибалтийских поджигателей войны приняла участие дипломатия США.

В сложившейся международной обстановке правительство СССР должно было принять свои меры предосторожности, чтобы обеспечить мир. Необходимо было проявить особое внимание по отношению к странам-лимитрофам, которые могли превратиться в плацдарм военных действий против СССР.

Инцидент с интернированной в Таллинской гавани польской подводной лодкой «Орел» («Ogzel»), торпедирование советских пароходов в районе Нарвской бухты полностью выявили неспособность Эстонии в защите своего «нейтралитета».

Вторая мировая война создала угрозу ее распространения на восток, в том числе и на Прибалтику. Народам этих стран угрожала серьезная опасность.

4. Ориентация народных масс Прибалтики на Советский Союз

В связи с опасностью распространения второй мировой войны на Эстонию, Латвию и Литву, народы Прибалтики, осознавая сложившуюся обстановку, всколыхнулись и оказали в конечном итоге давление на свои правительства. Нажим массового движения заставил буржуазию Эстонии, Латвии и Литвы заключить договоры о взаимопомощи с СССР, необходимые Советскому Союзу и народам Прибалтики для обеспечения их безопасности в районе Балтийского моря, для создания защитного барьера против гитлеровской Германии, так как хотя Германия и заключила договор с Советским Союзом о ненападении, но «Советский Союз ни на минуту не сомневался, что рано или поздно Гитлер нападет на СССР,»²⁶ не сомневались в этом и трудящиеся Прибалтики. В результате переговоров, начатых по инициативе Советского правительства в Москве в целях сохранения мира и обеспечения безопасности в Прибалтике, были заключены договоры о взаимной помощи: 28 сентября 1939 года — между СССР и Эстонией,²⁷

²⁶ Историческая справка Советского Информбюро, стр. 56.

²⁷ См. «Известия» от 29 IX 1939.

5 октября 1939 года между СССР и Латвией,²⁸ 10 октября 1939 года — между СССР и Литвой.²⁹

Договоры о взаимопомощи органически вытекали из основных принципов советской внешней политики, сформулированных на XVIII съезде ВКП(б).

По этим договорам Советский Союз и прибалтийские страны обязались оказывать друг другу помощь, в том числе и военную, в случае возникновения прямого нападения или угрозы со стороны любой великой европейской державы. Договоры предоставили СССР право иметь на территории прибалтийских государств базы военно-морского флота и содержать в определенных районах известное количество советских наземных и воздушных вооруженных сил. Эстония, Латвия и Литва после заключения пактов о взаимопомощи с Советским Союзом обязаны были выйти из военного союза, из так называемой «Балтийской Антанты».³⁰ Если советское правительство до подписания пактов о взаимопомощи могло терпеть существование «Балтийской Антанты», хотя цели ее явно противоречили заключенным ранее Советским Союзом с Литвой, Латвией и Эстонией пактам о ненападении, то теперь существование военного союза было бы нетерпимо, так как это представляло бы серьезную угрозу безопасности границ СССР. Поскольку договоры с СССР о взаимопомощи были заключены со стороны господствующих классов балтийских государств, главным образом, под давлением трудящихся масс, постольку и реальный эффект этих договоров, в смысле затруднения агрессии, определялся мобилизацией широких масс трудящихся вокруг этих договоров. Таким образом, реальное значение этих договоров определялось тем, в какой мере компартии мобилизуют широкие массы трудящихся вокруг этих договоров и тем самым затрудняют для реакционной буржуазии этих стран их нарушение. Задача авангарда трудящихся этих стран заключалась именно в том, чтобы максимально использовать свое влияние в интересах сотрудничества с мирной политикой СССР.

Прибалтийские государства подписали вышеуказанные соглашения с учетом реального положения в районе Балтики; это положение предъявило новые требования в отношении нейтрализации. Этим был дан образцовый пример в отношении организации коллективного мира в региональном масштабе, — мира, который не соответствовал интересам ведущих империалистических держав Лиги Наций, в том числе реакционных правительств Англии и Франции. Эти пакты относились к числу таких политических соглашений, которые обязывают их участников оказывать друг другу взаимную помощь и поддержку, в том числе и военную, в случае, если одна из сторон окажется объектом неспровоцирован-

²⁸ См. «Известия» от 6 X 1939.

²⁹ См. «Известия» от 11 X 1939.

³⁰ См. статью 4 Советско-Эстонского договора от 28 IX 1939.

ного нападения какой-либо третьей (великой) или третьих (великих) держав. Обязательство о взаимопомощи обоюдное. Но фактически СССР будет помогать Эстонии (resp. Латвии, Литве) каждый раз, когда на Эстонию кто-нибудь нападет, Эстония же помогает Советскому Союзу только тогда, когда нападение на него совершается через Эстонию или в непосредственной близости от Эстонии. Другими словами, военное сотрудничество между Эстонией и Советским Союзом предвидится тогда, когда безопасности обоих государств угрожают одновременно. Эти пакты о взаимопомощи между названными государствами свидетельствуют о постоянной готовности СССР улучшать политические и деловые отношения со всеми странами, проявляющими такие же стремления. Могучее Советское государство внимательно и бережно относится к независимости малых стран. СССР не вмешивался в их внутренние дела. Но он не мог допустить, чтобы слабые в военном и экономическом отношении соседние государства стали слепым орудием и марионетками в руках матерых поджигателей войны и этим поставили бы под угрозу оборону советских границ, превратив свои государства в плацдарм для нападения на СССР. Что касается идеи заключения пактов о взаимной помощи как формы укрепления коллективной безопасности, то основной их особенностью является исключительно оборонительный характер против эвентуальной агрессии со стороны гитлеровской Германии. Советские пакты о взаимной помощи мыслились как эффективная форма гарантии мира. Договоры СССР, в отличие от договоров империалистической системы, имеющих по существу целью создание группировок против других государств, не направлены против кого-либо, кроме возможных нарушителей мира, и являлись миролюбивыми договорами в полном смысле слова. Создание фундамента обороны явилось серьезным вкладом не только в дело организации безопасности СССР, но и в общее дело миролюбивых народов.³¹ Железный пояс обороны, созданный Советским Союзом вдоль берегов Балтийского моря, явился гарантией безопасности балтийских стран и северо-западных рубежей СССР

Таким образом, благодаря СССР гитлеровцам не удалось, согласно их плану, завладеть Прибалтикой еще в 1939 году (что такой план существовал, было подтверждено на Нюрнбергском судебном процессе над главными немецкими военными преступниками).

По требованию народных масс Эстонии, Латвии и Литвы прибалтийские государства пошли по пути сотрудничества в вопросе безопасности и реализации общих интересов с Советским Союзом в деле сохранения мира в районе Балтийского моря.

* *

*

³¹ См. Историческая справка Советского Информбюро, стр. 57.

В условиях расширения второй мировой войны в 1940 году важнейшей проблемой в развитии политического положения Прибалтики стоял вопрос о том, как правительства прибалтийских государств собираются выполнять обязательства, взятые на себя на основании заключенных с СССР пактов. В Эстонии пакт с СССР дал толчок к реорганизации правительства, которое оказалось в новой обстановке слишком дискредитированным и притом недостаточно гибким для проведения новых маневров, необходимых для поддержания диктатуры Пятса. Однако и при составе нового правительства не изменилась внешняя политика правящей клики, которая попрежнему ориентировалась на гитлеровскую Германию. Фашистские правители прибалтийских государств весной 1940 г., внешне прикрываясь «политикой нейтралитета», только и выжидали возможности открытого выступления против СССР. Вместо лояльного выполнения пактов о взаимопомощи, страны «Балтийской Антанты» стали помышлять о военном союзе против СССР. Договоры о взаимопомощи между СССР, с одной стороны, и Эстонией, Латвией и Литвой, с другой, не дали достаточных результатов ввиду антисоветской политики правительства Прибалтики. Вместо лояльного поведения и укрепления дружбы с СССР, что обеспечило бы им собственную безопасность, правители стран Прибалтики продолжали политику создания и укрепления антисоветских плацдармов. За спиной СССР развила свою враждебную Советскому государству деятельность так называемая «Балтийская Антанта», превратившаяся в военный союз. Военный союз, существовавший между Латвией и Эстонией и направленный против СССР был расширен путем вхождения в него Литвы.³²

Кроме того, латвийское правительство усиленно пыталось привлечь к этому военному союзу также и Финляндию. Втайне от СССР проводились совещания представителей Эстонии, Латвии и Литвы. По указке американо-английских и германских империалистов велись переговоры по военным вопросам. Генеральные штабы Эстонии, Латвии и Литвы уточняли планы антисоветской войны. В декабре 1939 года состоялись две секретные конференции трех прибалтийских стран. В марте 1940 года, после подписания Советско-Финляндского мирного договора еще больше усилилась связь генеральных штабов Латвии, Литвы и Эстонии, осуществлявшаяся втайне от СССР. В антисоветских интригах сказывались враждебные СССР происки гитлеровской Германии.

Согласно тексту договоров о взаимопомощи с СССР, Эстония, Латвия и Литва обязывались не участвовать ни в каких враждебных СССР коалициях. Это свое обязательство правители Прибалтики грубо нарушили.

В феврале 1940 года во время советско-финской войны в Тал-

³² См. Доклад В. М. Молотова на заседании VII Сессии Верховного Совета СССР I VIII 1940 г., «Большевик», 1940, № 14, стр. 10—16.

лине стал издаваться на английском, французском и немецком языках журнал «Ревью Балтик» — орган военных провокаторов.

29 февраля 1940 года, накануне созыва XI конференции «Балтийской Антанты»,³³ эстонская газета «Пязвалехт» в статье «Балтийское сотрудничество» писала: «Сотрудничество балтийских стран необходимо проводить в более широком масштабе, чем оно определено в коммюнике предыдущей (т. е. X — Ю. Е.) конференции министров иностранных дел. Следует пересмотреть вообще содержание сотрудничества, которое было установлено в 1934 году. Договор о сотрудничестве балтийских стран необходимо дополнить статьей военной взаимопомощи, вернее зафиксировать уже существующее положение .»

Одновременно антинародные клики правящих кругов Прибалтики начали подготавливать и общественное мнение к войне против СССР. Правители Эстонии, Латвии и Литвы вместо дружественной политики по отношению к Советскому Союзу старались сорвать договоры, заключенные с Советским Союзом. Эта политика вызвала глубокое недовольство широких масс этих республик и привела к потере правящими кругами всякого доверия своих народов.

Принимая во внимание все факты³⁴ антисоветской политики (нарушения пактов и других договоров с СССР) правительств прибалтийских стран, «особенно в условиях современной международной обстановки, становилось совершенно невозможным» мириться с таким положением. «Вот почему последовали требования Советского правительства об изменении состава правительств Литвы, Латвии и Эстонии и о вводе на территорию этих государств дополнительных частей Красной Армии».³⁵

Энтузиазм, с которым были встречены части Красной Армии трудящимися прибалтийских стран, продемонстрировал нерушимость дружбы народов Эстонии, Латвии и Литвы с народами Советского Союза. Новые правительства с первых же дней своего образования стали служить народу, содействуя осуществлению демократических прав и свобод. Во внешней политике народные правительства Эстонии, Латвии и Литвы ликвидировали «Балтий-

³³ Это была последняя конференция стран «Балтийской Антанты»; она состоялась в Риге 14—16 марта 1940 г. Первая конференция «Балтийской Антанты» состоялась в Таллине 30 ноября—1 декабря 1934 г., вторая — в Каунасе 6—8 мая 1935 г., третья — в Риге 9—11 декабря 1935 г., четвертая — в Таллине 7—8 мая 1936 г., пятая — в Риге 9—11 декабря 1936 г., шестая — в Каунасе 1—3 июля 1937 г., седьмая — в Таллине 9—11 декабря 1937 г., восьмая — в Риге 10—12 июня 1938 г., девятая — в Каунасе 2—4 февраля 1939 г., десятая — в Таллине 7—8 декабря 1939 года.

³⁴ См. «Известия» от 16 VI, 17 VI, 30 VI 1940; История Эстонской ССР, изд. АН ЭССР, Таллин 1952, стр. 429—430; А. А. Дризул, Установление советской власти и первые шаги социалистического строительства в Латвии (1940—1941 гг.), «Исторические записки», № 45, изд. АН СССР 1954, стр. 49—50.

³⁵ См. В. М. Молотов, Внешняя политика Советского Союза, Госполитиздат, 1940, стр. 8.

скую Антанту» и взяли курс на укрепление мирных отношений со всеми государствами, в первую очередь с Советским Союзом. В движение пришли самые широкие массы трудового народа.

Представительные учреждения, избранные 14 и 15 июля 1940 года в Латвии, Литве и Эстонии на основании наиболее демократической системы всеобщего голосования, установили в трех государствах Прибалтики советскую власть и внесли решение о вхождении этих государств в состав Союза Советских Социалистических Республик. 3, 5 и 6 августа 1940 года VII сессия Верховного Совета СССР приняла законы о вхождении Литвы, Латвии и Эстонии в состав СССР.³⁶

Итак, народы Прибалтики покончили с азартной игрой правящей буржуазной клики, которая своей профашистской политикой под маской «нейтралитета» ставила под угрозу независимость своего народа. Балтийские народы связали свою судьбу с жизнью братских народов Советского Союза. Это было единственно правильное политическое решение для народов Прибалтики, окончательно освободившихся от гнета ненавистной буржуазной клики.

Таким образом, в состав Советского Союза были возвращены советские прибалтийские республики. В истории народов Эстонии, Латвии и Литвы открылась светлая страница. Последовательное проведение в жизнь ленинской национальной политики привело к тем замечательным успехам, которые характеризуют положение советских республик в Прибалтике в братской семье советских народов.

За годы советской власти народы Прибалтики под руководством Коммунистической партии прошли большой и славный путь по пути построения коммунистического общества.

³⁶ См. «Правда» от 9 VIII 1940.

„BALTI LIIT” IMPERIALISTLIKU POLIITIKA TÖÖRIISTANA BALTIMAADES (1934—1940)

Juriid. tead. kand. J. Jegorov

Riigi ja õiguse ajaloo kateeder

R e s ü m e e

Balti mere äärsed maad huvitasid imperialiste mitte ainult kallaletungiplatsdarmina esimesele sotsialistlikule riigile viimase hävitamise eesmärgil, vaid ka koloniaalpoliitika objektina. Seejuures tahtis eesti, läti ja leedu kodanlus näha ennast aktiivse osavõtjana Nõukogude riigi vastu suunatud poliitikast.

Vastukaaluks kodanlusele taotlesid Balti riikide rahvad tõelist vabadust ja rahu. Nende sajandeid kestnud unistus täitus esmakordselt Suure Sotsialistliku Oktoobrirevolutsiooni võidu tõttu, mis pani aluse Balti rahvaste riiklusele. Oma eksisteerimise esimestest päevadest peale olid Balti nõukogude vabariigid sunnitud võitlema kahe jõu — välisimperialistide ja omamaise kodanluse — vastu. Eesti, läti ja leedu tööliste ning talurahva tahte vastaselt loodi kodanlikud vabariigid kui platsdarmid uue sõja ettevalmistamiseks Nõukogude riigi vastu.

Pärast imperialistide plaanide nurjumist interventide purustamise tulemusena (aastail 1919—1922) tehti uusi katseid luua Baltimaades platsdarm Nõukogude riigi vastu suunatud järjekordse sõjalise retke organiseerimiseks (aastail 1922—1932), kuid tänu NSV Liidu edukale võitlusele rahu ja rahvusvahelise koostöö eest aeti imperialistide sepitsused nurja.

1934. aastal loodi nn. „Balti Liit”, mis haaras Eestit, Lätit ja Leedut. „Balti Liit” nägi ette osavõtivate riikide tegevuse koordineerimist välispoliitilistes küsimustes. Antud pakt ei seadnud oma eesmärgiks kaitsta osavõtjaid hitlerliku Saksamaa agressiooni eest, vaid „Balti Liidu” tegevus toimus agressori huvides ja teenis kollektiivse julgeoleku süsteemi ürituse õõnestamist. „Balti Liidu” riikide majandus ja poliitika korraldati ümber vastavalt fašistliku Saksamaa ja Ameerika-Inglise ning teiste imperialistide huvidele. Viimased olid huvitatud sellest, et hitlerlased kasutaksid Balti riike platsdarmina sõja organiseerimisel NSV Liidu vastu.

Niinimetatud Müncheni poliitika tugevdas fašistlike agressorite positsioone ja lõi neile vajalikud tingimused imperialistliku sõja vallapäästmiseks. „Balti Liidu” tegevus oli suunatud hitlerliku agressioonipoliitika maskeerimisele Eestis, Lätis ja Leedus. Selleks kasutati terminit „neutraliteet” mis aga tegelikult tähendas agressioonile ja sõja vallapäästmisele kaasaaitamist.

Uue maailmasõja ohu kasvamise tingimustes oli Nõukogude Liit ainsaks suurriigiks, kes võitles rahu ja rahvaste julgeoleku eest agressiooni vastu.

„Balti Liitu” kuuluvate riikide töötavad rahvahulgad astusid välja koostöö eest NSV Liiduga tema rahu ja kollektiivse julgeoleku poliitika toetamiseks ja mõistsid, et nad võivad ära hoida sõja kandumise oma maadele rahu kindlustamisele suunatud üldises koostöös, millele kutsus rahvaid NSV Liit.

„Balti Liidu” välispoliitika aga oli oma teravikuga suunatud rahuuurituse huvide vastu, NSV Liidu vastu.

Kujunenud rahvusvahelises olukorras, Teise maailmasõja vallapuhkemise olukorras jäi Balti rahvastele üks tee — kõige laialdasemate rahvahulkade poolt toetatav agressioonivastane sõjaline liit NSV Liiduga.

NSV Liidu initsiatiivil ja Balti riikide rahvaste survele oma kodanlikele valitsustele sõlmiti vastastikuse abistamise lepingud NSV Liidu ja Eesti vahel (28. 09. 39), NSV Liidu ja Läti vahel (05. 10. 39) ja NSV Liidu ja Leedu vahel (10. 10. 39). Need lepingud olid vajalikud NSV Liidule ja Balti rahvastele nende julgeoleku kindlustamiseks Balti mere rajoonis ning hitlerliku Saksa-maa agressiooni vastase kaitsebarjääri loomiseks. Kaitsebarjääri vundamendi loomine oli tõsiseks panuseks mitte ainult NSV Liidu ja Balti riikide julgeoleku organiseerimises, vaid ka hitlerliku agressiooni vastu võitlevate rahuarmastavate rahvaste ühises ürituses.

Kuid „Balti Liidu” riikide valitsejad rikkusid NSV Liiduga 1939. aastal sõlmitud lepingut ja sepihtesid imperialistide õhutusel sõjalist liitu, mis oma teravikuga oli suunatud NSV Liidu vastu. See asjaolu sundis NSV Liidu valitsust astuma otsustavaid samme, et kindlustada Balti riikidega sõlmitud lepingute täitmist.

Eesti, Läti ja Leedu töötav rahvas astus otsustavalt välja oma iseseisvuse ja julgeoleku eest ning taaskehtestas oma maades nõukogude korra, tehes sellega jäädavalt lõpu „Balti Liidu” riikide fašistlike võimutsejate hasartmängule, mis tõsiselt ohustas Balti rahvaste saatust.

EESTI NSV ARENEMISE PEAFAASID

Juriid. tead. kand. R. Auling

Riigi ja õiguse ajaloo kateeder

Oma tuntud töös „Gotha programmi kriitika” kirjutab K. Marx, et kapitalistliku ja kommunistliku ühiskonna vahel asub kapitalistliku ühiskonna kommunistlikuks ühiskonnaks muutmise revolutsiooniline periood ning et sellele perioodile vastab ka poliitiline üleminekuperiood, ja selle perioodi riik ei saa olla miski muu kui proletariaadi revolutsiooniline diktatuur.¹ Järelikult nii kaua kui püsib see üleminekuperioodi uut tüüpi riik — sotsialistlik riik — püsib ka proletariaadi diktatuur. Seega proletariaadi revolutsiooniline diktatuur peab ette valmistama üleminekut kommunistlikule ühiskonnale, peab ette valmistama riigi väljasuremist.

Kuid proletariaadi diktatuuril on oma perioodid, oma erilised vormid, mitmekesised töömeetodid. See tähendab, et proletariaadi diktatuuri riigil on vastavalt selle riigi sise- ja välispoliitilisele olukorrale oma arenguperioodid. Vastavalt sotsialistliku riigi sise- ja välispoliitilisele olukorrale tõusevad riigi ette arenemise teatud perioodidel ka konkreetse ülesanded. Nii näiteks torkas silma välismaise sõjalise interventsiooni ja kodusõja perioodil eriti diktatuuri vägivaldne külg, kuid sellest ei järeldu sugugi, et sel ajajärgul ei toimunud mingit ülesehitustööd, sest ilma ülesehitustööta oleks võimatu olnud võita intervente ja Venemaa valgekaartliku kodanluse ning mõisnike kontrerevolutsiooni ühendatud jõudusid (sama kehtib ka Nõukogude Liidu rahvaste Suure Isamaasõja kohta). Sotsialismi ülesehitamise perioodidel seevastu torkab silma diktatuuri rahulik, organiseeriv ja kultuuriline töö jne.

Sotsialistliku riigi teatud arenemise perioodid moodustavad sotsialistliku riigi teatud arenemise faasi, mida iseloomustab see, et antud sotsialistliku riigi arengufaasil on põhiülesanne ühtne, vaatamata mitmetele perioodidele (näit. kodusõja periood, nepi periood, industrialiseerimise periood jne.). Ja vastavalt põhiülesandele teostab sotsialistlik riik kindlaid põhifunktsioone.

Kui me vaatleme maailma esimese sotsialistliku riigi arenemise

¹ Vt. K. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения в двух томах, М. 1949, т. II, стр. 23.

peafaase, siis peame märkima, et Nõukogude sotsialistliku riigi esimene arenemise faas algas Oktoobrirevolutsioonist ja lõppes ekspluataatorlike klasside likvideerimisega. Selle faasi põhiülesanne seisnes ekspluataatorlike klasside vastupanu mahasurumises ja nende klasside likvideerimise tingimuste ettevalmistamises, maa kaitse organiseerimises, tööstuse ja põllumajanduse taastamises ning arendamises (seejuures eriti rasketööstuse eelistatud arendamises). Kui see põhiülesanne oli täidetud, kerkis nõukogude riigi ette teistsugune põhiülesanne, mis iseloomustas uut, nõukogude sotsialistliku riigi arenemise teist peafaasi. See seisnes kogu maal eelduste loomises üleminekuks kommunistlikule ühiskonnale.

Seejuures on vaja märkida, et vaadeldes teise faasi algust, tuleb näha, et see algab linna ja maa kapitalistlike elementide likvideerimisest. See näitab, et seni, kuni kapitalistlike elementide likvideerimist ei viidud läbi külas, oli nõukogude riik veel oma arenemise esimeses peafaasis. Kuni selleni, kui partei juhtimisel alustati kulakluse likvideerimise poliitika teostamist, toimus pealetung kapitalistlikele elementidele, mille eesmärgiks oli nende likvideerimine, peamiselt tööstuse liinis. Põllumajandus jäi seniks tööstusest maha. Seoses sellega oli sellel pealetungil ühekülgne, mittetäielik, mitte kõikehaarav iseloom. Kuid kui põllumajanduse mahajäämus hakkas kaduma, kui talupoegade võitlus kulakluse klassi likvideerimiseks ilmnas täie selgusega, läks kommunistlik partei üle kulakluse klassi likvideerimise poliitikale, s. t. pealetung kapitalistlikele elementidele võttis üldise iseloomu, ühekülgne pealetung muutus pealetungiks kogu rindel. Partei XVI kongressiks toimus pealetung kapitalistlikele elementidele juba kõigis liinides.

Mis puutub maa industrialiseerimisse, mis toimus enne põllumajanduse kollektiviseerimist, siis industrialiseerimise üheks põhiülesandeks oli tingimuste loomine kapitalistlike elementide likvideerimiseks külas. Maa industrialiseerimist, kui eksisteerib veel individuaalne talumajapidamine, ei saa vaadelda kui „kogu maa sotsialistliku majanduse organiseerimist” Alles põllumajanduse üldine kollektiviseerimine kõrvaldab sotsialistliku ülesehitustöö ühekülgse iseloomu ja annab võimaluse organiseerida sotsialistlikku majandust kogu maal.

Järelikult kulakluse kui klassi likvideerimine põllumajanduse üldise kollektiviseerimise baasil tähistab Nõukogude sotsialistliku riigi arenemise esimese peafaasi lõppemist ning teise peafaasi algust. Teiste sõnadega: põhilised muutused majanduses ja klassi-struktuuris tingisid arenemises ülemineku esimesest faasist teise, sest sotsialistlik riik kui poliitilise pealisehituse tähtsaim osa peab paratamatult peegeldama neid põhilisi muutusi, mis toimuvad meie ühiskonna majanduses ja klassi-struktuuris.

Ülaltoodud mõtted oleksid lühidalt need üldteoreetilised seisukohad, mis puutuvad Nõukogude sotsialistliku riigi arenemise peafaasidesse. Et meil on konkreetset teemaks Eesti NSV arenemise peafaasid, siis peame vaatlema, kas Eesti Nõukogude Sotsialistliku

Vabariigi arenemises, mis asus sotsialismi teele ligi veerand sajandit hiljem kui suurem osa teisi vabariike, kes kuuluvad NSV Liidu koosseisu, toimusid (ja kunas) põhilised muutused majanduses ja klassistruktuuris, mis tingisid Eesti NSV ülemineku esimesest arengufaasist teise.

Nagu eespool nägime, määravad maa majanduse olukord ja sellest tulenev klassistruktuur (samuti aga ka rahvusvaheline olukord — vajadus organiseerida maa kaitset) sotsialistliku riigi põhiülesande ja põhifunktsioonide sisu.

Missugused olid siis need ülesanded, mis kerkisid Eesti NSV ette pärast nõukogude võimu taaskehtestamist Eestis 1940. aasta suvel? Põhiliseks ülesandeks oli eesti töötaval rahval sotsialismi ülesehitamine, ekspluataatorlike klasside vastupanu mahasurumine ja nende klasside likvideerimiseks tingimuste ettevalmistamine. Selleks tuli kõigepealt: 1) murda revolutsiooni poolt kukutatud kapitalistide vastupanu, likvideerida kõik nende katsed kapitali võimu uuesti jalule seada; 2) organiseerida sotsialistlikku ülesehitustööd majanduse ja kultuuri alal kogu töörahva proletariaadi ümber koondamisega, mis valmistab ette klasside likvideerimise, nende hävitamise; 3) organiseerida sotsialistliku isamaa kaitset, sotsialistliku omandi kaitset jne.

Nende ülesannete teostamiseks oli Eesti tööliklassil tarvis lammutada vana riigiaparaat ja luua uus riigiaparaat, mis aktiivselt aitaks uuel baasil kujuneda ja tugevneda, aitaks uuel korral Eestis lõplikult lüüa ja likvideerida vana baasi ja vanad klassid. See pärast annab uus Eesti Nõukogude valitsus 1940. a. augusti alguses välja rea seadusi, millega likvideeritakse rida vanu asutusi, vabastatakse ametist ja kutsutakse ära kõik kodanliku riigi esindajad välismaal jne.²

Pärast Eesti Nõukogude Sotsialistliku Vabariigi Konstitutsiooni (Põhiseaduse) vastuvõtmist ja selle Konstitutsiooni alusel kuulutas Riigivolikogu ennast 25. augustil 1940. a. Eesti Nõukogude Sotsialistliku Vabariigi ajutiseks Ülemnõukoguks.³ Moodustatakse Eesti NSV Rahvakomissaride Nõukogu.⁴

Eesti NSV vastuvõetud Konstitutsiooni alusel purustati kiiresti vana riigiaparaat ja loodi uus. 1940. a. oktoobrist detsembrini teostati üleminek VNFSV-s kehtivale kohtu ja prokuratuuri süsteemile.⁵ 1940. a. detsembris kehtestati Eesti NSV-s VNFSV kriminaal- ja tsiviilseadusandlus.⁶

Niisiis koos vana riigiaparaadi purustamisega Eestis loodi uus riigiaparaat, loodi uus riik — töölikklassi diktatuuri riik. Olles oma tüübilt sotsialistlik riik, hakkas Eesti NSV teostama sotsialistlikule

² Vt. „Riigi Teataja” 1940, nr. 79, art. 749; 750; nr. 93, art. 916 jt.

³ Vt. „Riigi Teataja” 1940, nr. 111, art. 1118.

⁴ Vt. „ENSV Teataja” 1940, nr. 1, art. 3.

⁵ Vt. „ENSV Teataja” 1940, nr. 31, art. 351; nr. 45, art. 523; nr. 61, art. 744; nr. 64, art. 839.

⁶ Vt. „ENSV Teataja” 1940, nr. 65, art. 868; nr. 73, art. 1006 ja 1007.

riigile omaseid funktsioone, tema ette kerkisid sotsialistliku riigi ülesanded.

Eesti NSV asus sotsialistlikule arenemistee taastamisele siis, kui kahekümne aasta vältel oli kehtinud kodanluse diktatuur. Kuna sama aja vältel teised nõukogude vabariigid olid sotsialismi juba üles ehitanud ja jõudnud juba oma arenemise teise peafaasi, siis Eesti NSV ees, kes 1940. aastast (6. augustist) kuulus Nõukogude Liidu rahvaste vennalikku peresse, seisis suur ülesanne — jõuda oma arenemises järele vanemaile liiduvabariikidele. Selle ülesande täitmisel Eesti töötav rahvas ei olnud üksi. Tänu kommunistliku partei rahvuspoliitikale ulatasid vanemad vennasvabariigid Eesti NSV-le abistava käe. Seetõttu on Eesti NSV arenemise iseärasuseks see, et olles täieõiguslik liiduvabariik, ta teostas sotsialistliku riigi funktsioone, kasutades juba vennasrahvaste, eeskätt suure vene rahva abi ja kogemusi. Selle abiga seletubki, et riigiorganite majanduslik-organisatoorse ja kultuurilis-kasvatusliku töö funktsioon sai tunduvalt laiema arenguhoo juba esimesel faasil.

Niisiis tänu sellele, et Eesti NSV kuulus Nõukogude Liidu koosseisu, sai ta võimaluse läbida oma arenemise esimese peafaasi kiiremini kui vanemad vennasvabariigid. Eesti NSV kiirendatud arenemise võimalused sõltusid kahest peatingimusest.

1) Eesti NSV kasutas sotsialistliku ülesehitustöö rikkalikke kogemusi NSV Liidus. Eesti NSV-l polnud tarvis rajada teed sotsialismile mööda tundmatuid radu. Temale näitas tee kätte sotsialistliku ülesehitustöö ajalugu NSV Liidus.

2) Eesti NSV kasutas (ja kasutab praegugi) vanemate nõukogude vabariikide omakasupüüdnud vennalikku majanduslikku, poliitilist ja kultuurilist abi, kõigi liiduvabariikide rahvaste toetust, eelkõige aga suure vene rahva abi.

Eesti NSV ülesanne ta arenemise esimeses peafaasis oli kukutatud klasside vastupanu mahasurumine, maa kaitse organiseerimine koos teiste liiduvabariikidega, tööstuse ja põllumajanduse rekonstrueerimine, kapitalistlike elementide likvideerimise tingimuste ettevalmistamine ning nende likvideerimine.

Kommunistliku partei juhtimisel valmistas töölisklass liidus töötava talurahvaga ette majanduslikke ja poliitilisi tingimusi kvalitatiivseteks muutusteks majanduses ja klassisstruktuuris Eestis.

Esimeseks suuremaks sotsiaalseks ümberkorralduseks, mis viidi läbi noores nõukogude vabariigis, oli pankade, suurte tööstusettevõtete ja transpordi natsionaliseerimine, maa kuulutamine kogu rahva omandiks ja suurte maavalduste (üle 30 hektari) likvideerimine. Need sotsiaalsed muutused kajastusid Eesti NSV 1940. aastal vastuvõetud konstitutsioonis. Tööstuse natsionaliseerimise käigule oli iseloomustav, et ükski käitis ei sulgenud tunnikski oma uksi, ühelgi päeval ei alandatud toodangu väljalaset. Seda kindlustas suuresti palav toetus nõukogude võimule laiade rahvamasside poolt, kes ei lasknud kapitalistidel osutada aktiivset vastupanu. Suurtööstuse, transpordi ja pankade natsionaliseerimine murdis järsult

kodanluse klassi majandusliku võimsuse ja tegi lõpu peamistele kapitalistide rühmitustele.

Nõukogude võim võttis ette samme, et kiirendada rahvamajanduse sotsialistlike elementide arenemist ning tõrjuda välja kapitalistlikke elemente. Viidi läbi rahvamajanduse sotsialistlik rekonstrueerimine, likvideeriti tööpuudus jne.

Sotsialistliku ülesehitustöö arenemise suunda näitab kõige ilmekamalt Eesti NSV 1941. a. riigieelarve.

Eesti NSV 1941. aasta riigieelarve nägi ette:		Kodanliku Eesti 1939.—1940. aastate riigieelarves oli: ⁷
haridusele	32,6%	11,9%
tervishoiule	13,4%	6,9%
sotsiaalkindlustusele	5,8%	3,0%
kehakultuurile	0,3%	—
rahvamajanduse finantseerimisele	35,2%	18,6%
riigiaparaadi ülalpidamiseks	11,7%	59,6%
ülejääk	1,0%	—

Kui kodanlikus Eestis kulutati suuri summasid riigiaparaadi ülalpidamiseks (et hoida ekspluateeritavaid masse vaos), siis sotsialistlikus Eestis pannakse pearõhk rahvamajanduse arendamisele ning rahva materiaalse ja kultuurilise taseme tõstmisele.

Eesti rahvas oma võitluses vabariigi sotsialistliku ümberkorraldamise eest sai hindamatut abi vennalikelt nõukogude rahvastelt ning saavutas silmapaistvaid edusamme.

Sotsialistliku ülesehitustöö Eesti NSV-s katkestas sõda ning fašistlikud anastajad okupeerisid ajutiselt Eesti territooriumi. Fašistid hävitasid need sotsiaalsed ümberkorraldused, mis nõukogude võim oli ellu viinud.

1944. a. vabastas Nõukogude armee Eesti NSV territooriumi. Nõukogude võimu poolt taastati sõjaeelsed sotsiaalsed suhted. Eesti töölisklass hakkas kommunistliku partei juhtimisel teostama sügavamaid sotsiaalseid ümberkorraldusi, mis viisid edaspidisele kapitalistlike suhete ületamisele ja sotsialistlike suhete arendamisele.

Erinevalt sellest, mis oli Nõukogude Venemaal nipi esimestel aastatel, ei olnud Eesti NSV-s (nagu ka teistes Balti vabariikides) majanduslikku vajadust kasutada erakapitali tööstuse taastamisel (välismaine sõjaline interventsioon ja kodusõda). Nõukogude riik oli võrreldes nipi aastatega määratult tugevnenud ja sõda fašistliku Saksamaa purustamiseks viidi kiirelt lõpuni. Vennasrahvaste, vennasvabariikide abi soodustas sotsialistliku tööstuse kiiret taastamist Eesti NSV-s. See tõi kaasa erakapitali kiire väljatõrjumise tööstusest ja kaubandusest. Juba 1. jaanuariks 1946. a. moodustas erakapitali osa Eesti NSV tööstustoodangus ainult 7%, 1947 a. alguseks aga

⁷ «Советская Эстония» 12. märtsist 1941.

umbes 0,5%. 1947. a. kevadel keelati Eesti NSV-s erakaubandus ja palgalise tööjõu kasutamine käsitööstuslikes ettevõtetes.⁸

Seega oli erakapitali väljatõrjumine tööstusest ja kaubandusest viidud lõpule. Eksploataatorite klass nimetatud majandusharudes oli likvideeritud ning valitsevaks majandusvormiks sai siin sotsialistlik vorm riiklike ja kooperative ettevõtete näol.

Kuid põllumajandus baseerus veel talumajandite väikekaubatootmisel. Marksism-leninism õpetab, et ei saa lõpmata, s. o. liiga pika aja kestel lasta nõukogude võimul ja sotsialistlikul ehitustööl tugineda kahele erinevale alusele: kõige suurema ja ühendatuma sotsialistliku tööstuse alusele ja kõige killustatuma ning mahajäänuma talumajandite väikekaubatootmise alusele. On tarvis järkjärguliselt, kuid süstemaatiliselt ja visalt viia põllumajandus üle uuele tehnilisele baasile — suurtootmise baasile, tõmmata teda järele sotsialistlikule tööstusele.

Tähendab selleks, et saavutada sotsialismi lõplik võit Eesti NSV-s, oli tarvis asuda väikeste talumajapidamiste ühendamise teele suurteks sotsialistlikeks majanditeks, kolhoosideks kaasaegse tehnika baasil, asendada vanad kapitalistlikud tootmissuhted külas uute kollektivistlike tootmissuhetega.

Et töötav talurahvas asuks kollektiviseerimise teele, oli tarvis ette valmistada tingimused talupoegade massilisele kolhoosi astumisele. Neid tingimusi valmistas ette kogu Nõukogude Eesti arenemiskäik, kogu tööstuse arenemiskäik. Neid valmistas ette otsustava võitluse poliitika kulaklusega ja viljavarumiskampaaniate käik, mis panid kulaklikud majapidamised kehvikute ja keskmike massi kontrolli alla, neid valmistas ette ka põllumajandusliku kooperatsiooni areng, mis õpetas üksiktalupoega kollektiivselt asju ajama. Neid valmistasid ette 59 esimese kolhoosi kogemused, mis olid Nõukogude Eestis loodud juba aastail 1947—1948. Nende kogemuste varal õppis töötav talurahvas tundma ja proovis järele kollektiivsete majapidamisvormide eeliseid üksikmajapidamisega võrreldes. Ja veel valmistas neid ette Eesti NSV-s asuvate ja uue tehnikaga varustatud sovhooside võrk, kus talupoeg sai võimaluse veenduda uue tehnika jõus ja eelistes.

V. I. Lenin näitas, et „ainult sel juhul, kui suudetakse talupoegadele tegelikult näidata ühise, kollektiivse, ühistegeliku, artelli-viisilise maaharimise paremusi, ainult siis, kui suudetakse talupoega abistada ühistegeliku, artelliviisilise majapidamise abil, ainult siis tööliklass, kelle käes on riigivõim, tõestab talupojale tegelikult, et tal on õigus, ja võidab tegelikult talurahva paljumiljonilised hulgad kindlalt ja tõsiselt enda poole.”⁹

Eesti NSV esimeste kolhooside kollektiivse töö eelised võrreldes üksiktalumajanditega ja vennasvabariikide kolhooside rikkalikkude kogemused veensid kümneid tuhandeid kehvik- ja keskmiktalud

⁸ Г Г л е з е р м а н, Ликвидация эксплуататорских классов и преодоление классовых различий в СССР, Москва 1949, lk. 366.

⁹ V. I. L e n i n, Teosed, 30. kd., Tallinn 1954, lk. 171—172.

poegi, et on hädavajalik astuda kolhoosi. See andis ühtlasi ka purustava hoobi kulaklik-natsionalistlikule kolhoosivastasele agitatsioonile.

Et täiesti ettevalmistatult vastu võtta ja juhtida kehvikute ja keskmike massilist kolhoosiliikumist, püstitas EK(b) Partei V kongress (1948. a. detsembris) kõikide vabariigi partei-, nõukogude, ametiühingu-, komsomoli-, põllumajanduslike ja kooperatiivsete organisatsioonide ette peaaülesande — edasise töö Eesti NSV põllumajanduse sotsialistlikul ümberkorraldamisel.

Kehvik- ja keskmiktalupoegade pööre kollektiviseerimise poole algas 1949. aasta kevadel. 1949. aasta märtsikuu kümne viimase päeva jooksul loodi vabariigis 359 uut kolhoosi. 1949. aasta 1. aprilliks tõusis kolhooside arv 1000-ni.¹⁰ Juba 5. aprilliks oli vabariigis 1534 kolhoosi, milledesse oli ühinenud üle 36 tuhande talumajandi¹¹, 10. aprilliks kolhooside arv kasvas juba 2079-le.¹² 1. maiks 1949 oli Eesti NSV-s juba ligi 3000 kolhoosi, mis ühendasid 65% talumajandite üldarvust.¹³ Kevadkülvil alguseks oli 71% kõigist talumajanditest ühinenud kolhoosidesse, öeldakse EK(b) Partei Keskkomitee III pleenumi otsuses 2. juunist 1949. a.¹⁴ 1. juuliks 1950. aastal oli kollektiviseerunud üle 82% vabariigi talumajanditest.¹⁵

Eesti kehvikute ja keskmike massiline kolhoosiliikumine, mis algas 1949. aasta kevadel, tähendas suurt murrangut kogu Nõukogude Eesti elus. See oli sotsialistliku baasi lõpuleviimiseks Eestis.

See põhiline muutus maa majanduses ja ühiskonna klassistruktuuris ning sotsialismi materiaalse baasi hiiglasuur laienemine (kolhoosi- ja sovhoositootmise näol) andsid EK(b) Parteile ja Eesti NSV valitsusele võimaluse minna kulakluse piiramise poliitikalt üle uuele poliitikale — kulakluse kui klassi likvideerimise poliitikale üldise kollektiviseerimise alusel. Ja üldise kollektiviseerimise alusel kulaklus kui klass likvideeritigi.

See oli sügav revolutsiooniline pööre Eesti NSV elus, hüpe vanast kvaliteedist uude kvaliteeti, samasugune pööre, nagu omal ajal oli toimunud teistes liiduvabariikides.

Kollektiviseerimine lahendas ka Eestis sotsialistliku ülesehitustöö kolm põhiküsimust:

a) Ta likvideeris meie maal arvukaima ekspluateerijate klassi, kulakute klassi, kapitalismi restaureerimise kantsi.

b) Ta viis meie maa arvukaima töörahvaklassi, talupoegade klassi, kapitalismi tekitava üksikmajapidamise teelt ühiskondliku, kolhoosliku, sotsialistliku majapidamise teele.

¹⁰ Vt. „Советская Эстония” 3. aprillist 1949.

¹¹ Vt. „Советская Эстония” 7. aprillist 1949.

¹² Vt. „Советская Эстония” 16. aprillist 1949.

¹³ Vt. „Советская Эстония” 1. maist 1949.

¹⁴ Vt. „Советская Эстония” 4. juunist 1949.

¹⁵ Vt. „Советская Эстония” 21. juulist 1950.

c) Ta andis nõukogude võimule sotsialistliku baasi rahvamajanduse kõige laialdasemal ja eluliselt tarvilikul, kuid ka kõige mahajäänud alal — põllumajanduses.

Kolhoosikorra võit Eesti NSV-s tähendas, et põllumajanduse edu määravad nüüdsest peale mitte üksiktalupoegade majandid, vaid kolhoosid ja sovhoosid. Sellepärast püstitas EK(b) Partei Keskkomitee III pleenum 1949. aastal vabariigi parteiorganisatsioonide, nõukogude ja majandusorganite ette uue ülesande: tingimustes, kus vabariigi talumajandite enamik on ühinenud kolhoosidesse, on kolhoosiehituse alal peaülesandeks kolhooside organisatsioonilis-majanduslik ja poliitiline tugevdamine ja nende bolševistlikuks muutmine. Selle peaülesande täitmisele peabki nüüd olema suunatud vabariigi parteiorganisatsioonide, nõukogude ja majandusorganite peatähelepanu.

Kulaklusele anti purustav hoop, kuid purustatud kulakluse jäänused, kodanlik-natsionalistlikud elemendid ja nende käsilased püüdsid tungida, mõnedes valdades aga tungisid kolhoosidesse ja püüdsid seal võita kolhoosnike usaldust selleks, et laostada kolhoose seestpoolt.¹⁶

Niisiis Eesti NSV arenemises, nagu me eespool nägime, toimusid kvalitatiivsed muutused majanduses ja klassistruktuuris. Sellised Eesti NSV esimese faasi siseülesanded, nagu tööstuse ja põllumajanduse rekonstrueerimine ja tingimuste ettevalmistamine kapitalistlike elementide likvideerimiseks leiavad lahenduse 1949. aasta kevadeks, ajaks, kus partei ja riik lähevad üle kulakluse kui klassi likvideerimise poliitikale üldise kollektiviseerimise alusel. Selle poliitika alusel lahendati täielikult kukutatud klasside mahasurumise ülesanne sisemaal, mille lõppmomentiks on viimase, kõige arvukama ekspluataatorliku klassi — kulakluse likvideerimine.

Kulakluse kui viimase ekspluataatorliku klassi likvideerimine üldise kollektiviseerimise baasil tähistab Eesti NSV ette põhiülesande kerkimist, mis on iseloomulik sotsialistliku riigi arengu teisele peafaasile. Vastavalt sellele muutusid ka Eesti NSV põhifunktsioonid.

Kõik põhilised muutused eesti rahva elus leidsid oma seadusandliku kinnituse Eesti NSV Ülemnõukogu III istungjärgu poolt vastuvõetud seadustes (jaanuar 1953. a.). Nagu nähtub Eesti Nõukogude Sotsialistliku Vabariigi seadusest „Eesti Nõukogude Sotsialistliku Vabariigi Konstitutsiooni (Põhiseaduse) teksti muutmise ja täiendamise kohta”, muutus Eesti 12. aasta jooksul võitnud sotsialismi vabariigiks. Pärast muudatuste ja täienduste sisseviimist Eesti NSV Konstitutsiooni teksti sai Eesti NSV Konstitutsioon võitnud sotsialismi Konstitutsiooniks.¹⁷

Eestoodu põhjal võime teha järgmised riigiteoreetilised üldistused.

¹⁶ Vt. „Rahva Hääl” 4. juunist 1949.

¹⁷ Vt. „Eesti NSV Teataja” 1953, nr. 2, art. 11.

Esiteks, Eesti NSV oma arenemises on läbinud esimese peafaasi ning on nüüd arengu teises faasis.

Teiseks, Eesti NSV areng kinnitab marksistlik-leninlikku õpetust sellest, et kõik riigid, kes ehitavad sotsialismi, peavad oma arenemises läbima samad peafaasid, mida läbis oma arenemises Nõukogude sotsialistlik riik. See on sotsialistliku riigi arenemise põhimine seaduspärasus üleminekul kapitalismilt kommunismile.

Kolmandaks, võitnud sotsialismi olemasolu tõttu Nõukogude Liidus, tänu tema võimsale ja igakülgsele abile, mida ta osutab uutele sotsialistlikku tüüpi riikidele, toimub viimaste üleminek oma arenemise esimesest peafaasist teise kiirendatud tempos.

ГЛАВНЫЕ ФАЗЫ РАЗВИТИЯ ЭСТОНСКОЙ ССР

Канд. юрид. наук Р. Аулинг

Кафедра истории государства и права

Резюме

В начале работы автор рассматривает понятие о фазах развития социалистического государства, исходя из трудов классиков марксизма-ленинизма. Как известно, диктатура пролетариата имеет свои периоды, свои специфические формы. Отсюда вытекает, что и государство диктатуры пролетариата согласно внутренне- и внешнеполитическому положению своему имеет свои периоды развития. В зависимости от конкретного политического положения перед государством встают и конкретные задачи в известные периоды развития. Периоды развития социалистического государства составляют известную фазу развития, характеризующуюся тем, что на данной фазе развития существует единая основная задача, несмотря на наличие нескольких периодов.

Далее в работе, исходя из общетеоретических положений, касающихся главных фаз развития Советского социалистического государства, рассматривается, произошли ли и когда именно коренные изменения в экономике и классовой структуре Эстонской ССР, которые обуславливали переход Эстонской ССР из первой фазы развития во вторую. Ведь Эстонская ССР вступила на путь социализма почти на четверть века позже, чем большинство союзных республик Советского Союза.

Для осуществления задач социалистического государства рабочий класс Эстонии после восстановления Советской власти (в 1940 г.) сломал старый государственный аппарат и создал новый государственный аппарат, который активно помогал новому базису оформляться и укрепляться.

В силу того, что Эстонская ССР вошла в Советский Союз, она получила возможность пройти первую главную фазу своего развития быстрее, чем ранее образовавшиеся Советские республики. Возможности ускоренного развития Эстонской ССР определяются двумя главными условиями:

а) Эстонская ССР использует богатейший опыт социалистического строительства в СССР

б) Эстонская ССР пользуется бескорыстной братской эконо-

мической, политической и культурной помощью всего Советского Союза.

Основная задача Эстонской ССР на первой фазе развития состояла в подавлении сопротивления свергнутых классов, в организации обороны страны вместе с другими союзными республиками, в реконструкции промышленности и сельского хозяйства, в подготовке условий ликвидации капиталистических элементов. Эта основная задача стояла перед Эстонской ССР до тех пор, пока не произошли качественные изменения в экономике и классовой структуре республики.

Первым крупным социальным преобразованием в молодой Советской республике была национализация банков, крупных промышленных предприятий и транспорта, провозглашение земли всенародным достоянием. Вновь образовавшиеся социальные отношения не остались без изменения, так как советская власть осуществила ряд мероприятий, чтобы ускорить развитие социалистических элементов народного хозяйства и вытеснить капиталистические элементы. Была реконструирована промышленность, ликвидирована безработица. Уже к 1 января 1946 г. доля частного капитала в промышленной продукции составляла 7%, а к началу 1947 г. только 0,5%.

Но сельское хозяйство базировалось еще на мелкотоварном производстве крестьянских хозяйств. Следовательно, для того чтобы добиться окончательной победы социализма в Эстонской ССР, надо было приступить к объединению мелких крестьянских хозяйств в крупные социалистические хозяйства. Под руководством КП Эстонии были подготовлены условия для массового колхозного движения бедняков и середняков. Поворот бедняков и середняков в сторону коллективизации начался весной 1949 г. К 1 июля 1950 г. было коллективизировано более 82% крестьянских хозяйств республики.

Массовое колхозное движение означало великий перелом в жизни всей Эстонии. Оно было завершением построения социалистического базиса в республике. Оно дало КП Эстонии и правительству Эстонской ССР возможность перейти от политики ограничения кулачества к новой политике — политике ликвидации кулачества как класса. На основе сплошной коллективизации кулачество как класс в Эстонии было ликвидировано.

Ликвидация кулачества как последнего эксплуататорского класса обозначает выдвижение перед Эстонской ССР новой основной задачи, характерной для второй главной фазы развития социалистического государства.

На основе приведенного материала в работе делаются следующие общетеоретические выводы:

1. Эстонская ССР в своем развитии прошла первую главную фазу и находится сейчас во второй фазе.
2. Развитие Эстонской ССР подтверждает марксистско-ленинское учение о том, что все государства, строящие социализм, дол-

жны пройти в своем развитии те же главные фазы, которые прошло в своем развитии Советское социалистическое государство. Это является основной закономерностью развития социалистического государства при переходе от капитализма к коммунизму.

3. При наличии победившего социализма в СССР, благодаря его могущественной всесторонней помощи новым социалистическим государствам, переход последних из первой главной фазы своего развития во вторую происходит ускоренными темпами.

KOLHOOSNIKUTE MATERIAALNE VASTUTUS KOLHOOSLIKULE OMANDILE TÖÖDISTSIPLIINI RIKKUMISEGA TEKITATUD KAHJUDE EEST

Juriid. tead. kand. V. Kelder

Tsiviilõiguse ja -protsessi kateeder

NLKP XX kongress esitas meie põllumajandusele ülesande — tõsta teravilja kogusaak 1960-ndaks aastaks vähemalt 11 miljardi puudani aastas, suurendada 1954. aastaga võrreldes tähtsamate loomakasvatussaaduste tootmist kaks ja enam korda.

Nende ülesannete täitmiseks tuleb kolhoosides ennekõike ellu viia NLKP Keskkomitee 1955. a. juulipleenumi poolt antud juhtnõõrid tootmisprotsessi organiseerimise parandamise, tehnika parema ärakasutamise ja kolhoosisisese juhtimise kvalifitseeritumaks muutmise kohta. Kolhooside saavutused olenevad suurel määral sellest, kuidas on kolhoosides organiseeritud kogu tootmisprotsess, sealhulgas ka tööprotsessi läbiviimine, milline on tehnika kasutamine kolhoosides, kuivõrd oskuslikult toimub kolhooside riiklik juhtimine ja millised eeldused on loodud kolhoosnikute materiaalse huvitatuse printsiibi ellurakendamiseks.

Tootmise ja tööprotsessi õige organiseerimine on oluliseks eelduseks kolhoosnikute materiaalse huvitatuse tõstmisel oma töö tagajärgede vastu. Kõik see omakorda avaldab aga otsustavat mõju kolhoosliku omandi edaspidisele kindlustamisele, sest „sedamööda, kuidas kolhooside majapidamine tugevneb ja edasi areneb, suureneb nende rikkus, suurenevad kolhoosnikute rahalised tulud. Tarvitseb ainult märkida, et kolhooside jagamatud fondid 1940. aastast 1952. aastani kahekordistusid. Kolhoosnikute rahalised tulud on praegu mitu korda suuremad revolutsioonieelse aja töötava talurahva tulude tasemest. Külas on toimunud sügavaim kultuurirevolutsioon.”¹

Kolhoosliku tootmise edasise arenemise, kolhoosnikute tööviljakuse tõstmise ja selle tulemusena kolhoosliku omandi edasise kindlustamise seisukohalt omab organisatsiooniliste abinõude kõrval

¹ N. S. Hruštšov, NSV Liidu põllumajanduse edasiarendamise abinõudest. Ettekanne NLKP Keskkomitee pleenumil 3. septembril 1953. a., Tallinn 1953, lk. 5.

olulist tähtsust kolhoosnike endi suhtumine oma tööülesannetesse, nende poolt põhikirjaliste õiguste ja kohustuste täitmine, sisekorra eeskirjadega reguleeritud töörežiimist kinnipidamine ja selle tulemusel kujunenud töödistsipliin.

Sotsialistliku ühiskonna distsipliin on kõigepealt töötajate endi vaba ja teadlik distsipliin. Sotsialism „püsib ja mida rohkem edasi, seda enam püsib nii mõisnike kui kapitalistide ikke heitnud töötajate eneste vaba ja teadliku distsipliini najal”² Seepärast peab distsipliini kindlustamise vahenditeks kolhoosis olema eelkõige laiade kolhoosnike masside teadlikkuse tõstmine, nende kasvatamine töösse kommunistliku suhtumise vaimus.

Selle saavutamiseks peab etendama tähtsat osa materiaalse huvitatuse printsiibi laiaulatuslik rakendamine. V I. Lenin märkis, et üleminekut kommunismile ei teostata „mitte otseselt vaimustuse alusel, vaid suure revolutsiooni poolt tekitatud vaimustuse abil, isikliku kasu abil, majandusliku kalkultatsiooni alusel”³. Seepärast peab töödistsipliini kindlustamine kolhoosides ennekõike toimuma organisatsiooniliste vahendite ja eelduste loomisega materiaalse huvitatuse printsiibi laiaulatuslikuks rakendamiseks. Ei saa olla kindlat töödistsipliini kolhoosis, kus tööprotsess on halvasti organiseeritud, kus kolhoosnikud pole kindlustatud vastavate tootmisvahenditega, kus ei peeta täpset arvestust kolhoosnike poolt tehtud tööde mahu, kvaliteedi ja tulemuste üle, kus ei viida kolhoosniku töötasu sõltuvusse tema töö tulemustest.

Kindla töödistsipliini loomise üheks olulisemaks eelduseks on kolhoosnike materiaalse huvitatuse tõstmine oma töö tulemuste vastu. Mõjuvamaks igasugusest sunnivahendist osutub kolhoosnikule tasu maksmine täielikus sõltuvuses tema töö tulemustest.

Milliseid tulemusi annab kolhoosnike materiaalse huvitatuse tõstmine töödistsipliini kindlustamisel, näitab kas või järgmine fakt. Rapla rajooni „Pioneer” kolhoos teostas 1954. a. esmakordselt kolhoosnikute avanseerimist, andes 1,5 rbl. raha ja 1 kg teravilja normipäeva kohta. Selle tulemusena tuli kolhoosis 1954. a. iga töövõimelise kolhoosniku kohta 449 normipäeva 375 vastu 1953. a.⁴

1955. a. näit. Pärnu-Jaagupi rajooni „Edasi”, „Võidu”, „1. mai” jt. kolhoosides kehtestati süsteem, mille kohaselt lüpsjad-karjatalitajad igas kuus saavad ettenähtud kuuplaani ületamisel iga üle plaani lüpsstud liitri piima eest 0,5 kg teravilja või kuni 1/3 selle piima realiseerimisel saadud rahast.

Sama rajooni Lenini-nimelises kolhoosis kehtestati aga veelgi progressiivsem süsteem, mille kohaselt lüpsja-karjatalitaja saab iga päev esimese 5 liitri üle plaani lüpsstud piima eest 0,2 kg teravilja, üle selle aga iga liitri eest juba 0,5 kg teravilja.⁵

² V I. Lenin, Teosed, 29. kd., Tallinn 1954, lk. 387.

³ V. I. Lenin, Teosed, 33. kd., Tallinn 1955, lk. 36.

⁴ Vt. „Sotsialistlik põllumajandus”, 1955, nr. 6, lk. 5.

⁵ Vt. „Rahva Hää!” 8. septembrist 1955.

Sellise süsteemi kohaselt, kus kolhoosniku töötasu on täielikult viidud sõltuvusse tema töö tulemustest, on kolhoosnik kõigepealt huvitatud paremate tulemuste saavutamisest. Materiaalse huvitatuse printsiip stimuleerib siin juba ise kolhoosnikut korralikult osa võtma kolhoosi ühistööst, sest iga töölt puudunud päev, tööle hilinenud tund, töölt omavoliline lahkumine või lohakus oma tööülesannete täitmisel mõjub halvavalt tema töö tulemustele ning sõltuvalt sellest väheneb töö eest saadav tasu.

Hoolimata asjaolust, et töö tasustamise organiseerimine peab olema materiaalse huvitatuse printsiibi ellurakendamise vahendiks, esines kehtiva seadusandlusega reguleeritud töö tasustamise korras veel olulisi puudusi, mis ei võimaldanud kolhoosnikute materiaalse huvitatuse tõstmist oma töö tulemuste vastu. Nii näiteks arvestati kehtivate tüüpnormide ja -hinnete kohaselt heinaniitjale niidumasinaga päevanormi (4—4,5 ha) täitmise eest 2 normipäeva.

Üldse ei arvestata antud juhtumil niitja töö kvaliteeti ega ka tulemusi, s. o. niidetud maa-alalt saadava heina kogust. Selline tasustamise süsteem aga otseselt soodustab tööülesande lohakat täitmist, töödistsipliini rikkumist.

Töö tasustamise süsteemis eksisteerivate puuduste kõrvaldamiseks ja meetodite leidmiseks, mis lubaksid paremini ellu rakendada kolhoosnikute materiaalse huvitatuse printsiipi, on eesrindlikud kolhoosnikud ise hakanud välja töötama painduvamaid ja progressiivsemaid töö tasustamise viise. Nii näit. Leningradi oblasti Kingisepa rajooni Dimitrovi-nimelises kolhoosis on kehtestatud töö tasustamise selline süsteem, mille järgi kolhoosniku tasu igasuguse töö täitmise eest sõltub mitte ainult tehtud töö mahust, vaid peamiselt just tehtud töö tulemusena saadud produktsiooni hulgast.⁶ Kolhoosnikute materiaalse huvitatuse tõstmine progressiivseima tasustussüsteemi rakendamise teel, lisatasu maksmise teel ja laialdase avansseerimise rakendamise teel on loonud aga kõik eeldused selles kolhoosis kindla töödistsipliini loomiseks. Tööst osavõtu küsimus pole selles kolhoosis enam probleemiks. Kolhoosnikute tööaktiivsus kasvu iseloomustavad kujukalt järgmised andmed. 1952. a. enne muudatuste tegemist töötasu maksmise süsteemis tegi keskmiselt üks tööväimeline kolhoosnik 340 normipäeva, kuna normipäevade miinimumi ei täitnud 28 kolhoosnikut. 1954. a. oli keskmiselt välja töötatud 469 normipäeva, kuna miinimumi mittetäitjaid ei esinenud üldse. Kui 1952. a. võttis põllutööst osa ainult 50—55% brigaadi liikmetest, siis 1954. a. ulatus see juba 95—98%-ni.⁷

10. märtsil 1956. a. avaldatud NLKP Keskkomitee ja NSV Liidu Ministrite Nõukogu määrusega „Põllumajandusliku artelli põhikirjast ning kolhoosnikute initsiatiivi edasise suurendamisest kolhoositootmise organiseerimisel ja artelli asjade juhtimisel” ja „Kolhoosnikute igakuisest avansseerimisest ja lisatöötasu maksmisest

⁶ Vt. „Rahva Hääli” 10. juulist 1955.

⁷ Vt. „Rahva Hääli” 6. augustist 1955.

kolhoosides”⁸ antakse kolhoosidele endile õigus kehtestada, arvestades kohalikke tingimusi, töönormid ja -hinded, aga samuti ka välja töötada progressiivsem lisatöötasu maksmise süsteem. Selline kord annab kolhoosidele laialdased võimalused kolhoosnikute materiaalse huvitatuse tõstmiseks oma töö tagajärgede vastu.

Kuid kõrvuti sellega tuleb kolhoosnikute suhtes, kes veel pole mõistnud töödistsipliini tähtsust kolhoosis, kes seda süstemaatilisel oma isiklikes huvides või lohakuse tõttu rikuvad, tuues sellega kahju kolhoosile, rakendada ka riiklikke sunnivahendeid.

Distsipliini tugevdamise sunnivahenditeks kolhoosides on kõigepealt rakendatavad distsiplinaarkaristused.

Kuivõrd distsiplinaarkaristuste rakendamine ei kõrvalda kolhoosnikute materiaalselt vastutust kahjude eest, mis on tekitatud kolhooslikule omandile seoses töödistsipliini rikkumistega, omab olulist praktilist ja teoreetilist tähtsust küsimus sellest, milliseil juhtumil kuuluvad rakendamisele ainult distsiplinaarkaristused ja milliseil kuuluvad heastamisele ka tekitatud kahjud.

Põllumajandusliku artelli tüüppõhikiri näeb ette järgmised distsiplinaarkaristused: kohustus ümber teha halvasti tehtud töö, ilma et selle eest arvestataks lisa-normipäevi, hoiatus, laitus ja noomitus üldkoosolekul, mustale tahvlile kandmine, trahv kuni 5 normipäeva suuruses, madalamatasulisele tööle paigutamine, ajutiselt töölt kõrvaldamine ja kolhoosist väljaheitmine.

Kuigi põllumajandusliku artelli tüüppõhikirja §17 annab vaid näitliku distsiplinaarkaristuste loetelu, on meie kohtupraktika tunnistanud selle põhikirjas ettenähtud rakendamisuhtude jaoks ammendavaks.⁹

Kohtupraktika poolt antud lahendust tuleb tunnistada õigeks, sest vastasel juhtumil lubaksime kolhoosidel minna omavoli ja juhuslikkuse teed. Nii näit. 11. jaanuaril 1955. aastal võttis Tartu rajooni Zdanovi-nimelise kolhoosi juhatus vastu otsuse, millega kohustati kolhoosnik J-d viivitamatult asuma kolhoosis tööle ja iga töölt puudunud päeva eest otsustati maha arvata üks normipäev. Oma otsusega 9. aprillist 1954. a. otsustas sama kolhoosi juhatus karjamehelt maha arvata 10% märtsikuus väljatöötatud normipäevadest; 16. jaanuaril 1954. a. võttis juhatus vastu otsuse mitte anda hobust nendele kolhoosnikutele, kes ei võta osa ühistööst.

Kolhoosi juhatuse poolt on siin kehtestatud uued distsiplinaarkaristused, mida üldse ei näe ette ei põllumajandusliku artelli tüüppõhikiri ega ka spetsiaalsed seadusandlikud aktid. Ei saa korduvalt rakendada üht ja sama või ka erinevaid distsiplinaarkaristusi jätkuva distsipliinirikumise eest. Selliste juhatuse otsuste rakendamine ei taga ka millegagi kolhoosnikutele teatud kindla arvu välja-töötatud normipäevade säilitamist.

Kuigi 10. märtsil 1956. a. avaldatud määruste alusel on kolhoosidele antud õigus täiendada üksikuid tüüppõhikirja sätteid, ei

⁸ Vt. „Rahva Hääl” 10. märtsist 1956.

⁹ Vt. «Судебная практика Верховного суда СССР», 1955, № 2, lk. 38.

muuda see antud põhiprintsiipi, sest põllumajandusliku artelli põhikiri selles tehtud paranduste, muudatuste ja täiendustega, mis on vastu võetud kolhoosnike üldkoosolekul ning registreeritud rajooni täitevkomitees, on põllumajandusliku artelli tegevuse põhiseaduseks ning sellest kinnipidamine on kõigile antud kolhoosi liikmetele kohustuslik. Seega võib juhatus rakendada ainult neid distsiplinaar karistusi, millised on märgitud eelmainitud korras vastuvõetud konkreetsetes artelli põhikirjas.

Oma iseloomult on põllumajandusliku artelli tüüpõhikirjas ettenähtud karistused kahesugused. Üks osa neist on puhtakujulised distsiplinaar karistused (laitus, noomitus ja hoiatus üldkoosolekul jt.), teine osa kannab aga trahvi iseloomu (5 normipäeva mahaarvamine, lohakalt tehtud töö ümbertegemine)

Kuigi osa põllumajandusliku artelli põhikirjas loetletud karistustest kannab trahvi iseloomu, ei välista nende kohaldamine distsipliinirikumistega põhjustatud kahjude heastamist.

Selles küsimuses, kas trahvi iseloomu kandvate distsiplinaar karistuste puhul on tegemist ainult distsiplinaar karistusega või sisaldavad nad endis ka kahjude heastamist, puudub meie juriidilises kirjanduses ühtsus. Osa autoreid arvab, et trahvi iseloomu kandvad distsiplinaar karistused sisaldavad endas üheaegselt ka kolhooslikule omandile tekitatud kahjude heastamise.¹⁰

Seevastu teine osa autoreid on arvamisel, et trahvi iseloomu kandvad karistused jäävad ainult distsiplinaar karistusteks ja kahjude heastamist endas ei sisalda.¹¹

Ei saa nõustuda esimese seisukohaga. Pole õige ära segada distsiplinaar karistusi kahjude heastamisega. Rakendatav mõjutusvahend ei saa teenida samaaegselt kaht eesmärki: olla distsiplinaar karistuseks ja heastada ka tekitatud kahjud. Distsiplinaar karistuste rakendamine toimub ka juhtumel, kui distsipliinirikumise üldse ei kaasne lauskahju kolhooslikule omandile ja seda teostatakse distsiplinaarvastutuse eeskirjade kohaselt. Distsiplinaar karistuse rakendamine pole kahjude heastamine, ja juhtumil, kui kolhooslikule omandile on töödistsipliini rikkumistega tekitatud lauskahju, peab see kuuluma heastamisele sõltumata sellest, kas ja millist distsiplinaar karistust rakendati.

Peale põllumajandusliku artelli tüüpõhikirja §-s 17 ettenähtud distsiplinaar karistuste on teatud töödistsipliini rikkumiste eest spetsiaal määrustega ette nähtud veel rida distsiplinaar karistusi.

¹⁰ Vt. Б. А. Лисковец, Возмещение вреда, причиненного имуществу колхоза, Москва 1948, lk. 13; Б. А. Лисковец, Имущественная ответственность колхозников за ущерб, причиненный колхозу нарушением трудовой дисциплины, Москва 1954, lk. 39; А. В. Венедиктов, Гражданско-правовая охрана социалистической собственности в СССР, Москва—Ленинград 1954, lk. 209.

¹¹ Vt. О. А. Кичатова, Особенности материальной ответственности за ущерб, причиненный правонарушением, по действующему колхозному праву, Ученые записки ЛГУ. серия юридических наук, 1955, № 187, lk. 135.

Nii kehtestavad 12. mai 1943. a. NSV Liidu RKN ja ÜK(b)P Keskkomitee määrus „Abinõudest hobuste arvu suurendamiseks kolhoosides ja sovhoosides ja nende eest hoolitsemise parandamiseks”¹² ja 13. aprilli 1943. a. RKN ja ÜK(b)P Keskkomitee määrus „Abinõudest loomade arvu suurendamise kohta kolhoosides ja sovhoosides ja nende produktiivsuse tõstmisest”¹³ kolhoosnikute spetsiaalse vastutuse, mis seisneb kahe normipäeva mahaarvestamises hobuste iga seisupäeva eest kogu seisuaaja jooksul, kui see oli põhjustatud ebaõige söötmise, jootmise, peksmise või muude vigastustega. 4. aprilli 1945. a. NSV Liidu RKN ja ÜK(b)P Keskkomitee määrus „Loomakasvatuse arendamise riiklikust plaanist kolhoosides ja sovhoosides 1945. aastaks”¹⁴ kehtestab aga vastutuse liigi, mille järgi üldkoosoleku otsusega arvatakse kolhoosnikult maha 5—10% tema poolt tehtud normipäevade arvust lohaka suhtumisega hobuste kurnatuse, traumaatiliste vigastuste ja märke abordi põhjustamise eest. Kehtivas õiguses reguleerib seda küsimust NSV Liidu Ministrite Nõukogu 19. aprilli 1948. a. määrus „Abinõudest töö organiseerimise, tööviljakuse tõstmise ja töötasu maksmise korra parandamiseks”

Kuigi NSV Liidu Ministrite Nõukogu määrusega on tühistatud 12. mai 1943. a. määruse p. 23-ga kehtestatud kõrgendatud materiaalne vastutus, ei muuda see aga ära teisi kehtivaid vastutuse viise.

Kerkib küsimus, kas kuulub kõrvuti nende vastutuse liikidega veel rakendamisele kahjude heastamine?

1950. a. kolhoosiõiguse õpiku autorid asuvad seisukohal, et antud juhul pole tegemist mitte ainult distsiplinaarkaristustega, vaid ka kahjude heastamisega. Oma seisukoha õigsust motiveerivad autorid sellega, et normipäevade mahaarvamist eestoodud määrade alusel teostab mitte kolhoosi juhatus, nagu seda nõutakse põhikirja §-s 17 ettenähtud karistuste rakendamisel, vaid kolhoosnikute üldkoosolek. Teise argumendina toovad nad karistuse küllalt tõsise iseloomu.¹⁵

Ei saa teha vahet distsiplinaarkaristuste ja kahjude heastamise vahel sellel alusel, kelle poolt seda rakendatakse. Selles väites sisaldub sama viga, mis väiteski, et kahjude heastamine võib toimuda ainult kohtulikus korras. Ka kolhoosi juhatus oma otsusega võib kohustada kolhoosnikut heastama tekitatud kahju ja kolhoosnik võib selle otsuse täita vabatahtlikult, ilma et kolhoos esitaks hagi rahvakohtusse. Ka vastutuse suurus ei saa olla selleks aluseks, mille järgi võiks otsustada, kas on tegemist distsiplinaarkaristusega või kahjude heastamisega. Antud korral tingib distsiplinaarvastutuse küllalt tõsise iseloomu distsipliinirikkumise ohtlikkus ja selle

¹² Vt. Справочник по законодательству для судебно-прокурорских работников, т. II, Москва 1949, lk 283.

¹³ Vt. Kolhooside tsiviillasjad rahvakohtus, Tallinn 1950, lk. 125.

¹⁴ Vt. Справочник по законодательству для судебно-прокурорских работников, т. II, Москва 1949, lk. 276.

¹⁵ Vt. Kolhoosiõigus, Tallinn 1950, lk. 141—142.

leviku võimalus kolhoosides ning oma iseloomult raskemate distsiplinaarkaristuste kehtestamine, kui see on ette nähtud põllumajandusliku artelli tüüppõhikirjas, oli tingitud vajadusest efektiivsemalt võidelda sellelaadiliste distsipliinirikkkumiste juhtumitega kolhoosides.

Vahetegemine distsiplinaarkaristuste ja kahjude heastamise vahel peab toimuma nende rakendamise eesmärgi alusel. Distsiplinaarkaristuste eesmärgiks peab olema kolhoosniku mõjutamine, tema kasvatamine töörežiimist kinnipidamise vaimus. Kahjude heastamise eesmärgiks on aga endise olukorra ennistamine.

Hobuse seisuga võidakse üldse mitte tekitada lauskahju kolhooslikule omandile, kuid vaatamata sellele kuulub rakendamisele ettenähtud distsiplinaarkaristus. Kui väidaksime, et siin on tegemist kahjude heastamisega, siis satuksime vastuollu üldprintsiibiga, mille järgi heastamisele kuulub ainult lauskahju.

Erimäärustega kehtestatud vastutuse liigid loomade vigastamise eest on vaid trahvi iseloomu kandvaiks distsiplinaarkaristuse viisideks. Tuleb asuda seisukohale, et eriaktides märgitud juhtumil kuuluvad rakendamisele trahvi iseloomu kandvad distsiplinaarkaristused vastava eriakti alusel. Nad välistavad põllumajandusliku artelli tüüppõhikirjas ettenähtud distsiplinaarkaristuste kohaldamise. Kuid nende rakendamine ei vabasta kolhoosnikut lauskahju heastamisest, mis kaasnes sellise distsipliinirikkkumise juhtumiga (näit. hobuse arstimiseks ravimite ostul kulutatud raha)

Milliseil juhtumil kolhoosnik tingimata vastutab materiaalselt, selle kohta ei anna seadusandlus vastust. Puudub ühtsus ka kohtupraktikas ning samuti teoorias.

NSVL Ülemkohtu Pleenumi 5. mai 1950. a. määrus rõhutab, et põllumajandusliku artelli tüüppõhikirja § 17 korras kolhoosnikule trahvi kohaldamine ebamajandusliku ja hooletu suhtumise eest ühiskondlikku varasse ei vabasta kolhoosnikut ainelisest vastutusest VNFSV TsK § 403 ja teiste liiduvabariikide TsK-te vastavate paragrahvide korras kahju eest, mis on tekitatud kolhoosi varale ebaõigete toimingute või hooletusega tööös.

Seega Ülemkohus rõhutab kahju olemasolu ühelt poolt ja ebaõigeid toiminguid või hooletust teiselt poolt ehk teiste sõnadega: süü ja kahjuliku tagajärje olemasolu.

Kahtlematult tekitab kolhooslikule omandile teatud kahju iga sugune distsipliinirikkkumine — nii tööle mitteilmumine, tööle hiline mine, lohakas tööülesannete täitmine kui ka ebaperemehelik suhtumine kolhooslikku omandisse. Kuid mitte igasuguse töödistsipliini rikkumisega kolhooslikule omandile tekitatud kahju eest ei pea kolhoosnik kandma materiaalselt vastutust. Z. A. Podobrigora ja S. J. Kats väidavad, et materiaalselt vastutust ei saa rakendada kahjude eest, mis on tekitatud kolhooslikule omandile seoses tootmisülesannete mittekvaliteetse täitmisega või madala tööviljakusega ja seoses tööle mitteilmumisega. Materiaalselt vastutust võida-

vat rakendada ainult kolhooslikusse omandisse ebaperemeheliku või lohaka suhtumise korral.¹⁶

Vaevalt küll saab nõustuda ülalmainitud seisukohaga küsimusele lähenemisel üldse, aga samuti ka autorite poolt toodud rea argumentidega.

Kolhoosnike materiaalse vastutuse küsimust ei saa lahendada töödistsipliini rikkumiste ja nende tagajärgede lihtsa grupeerimise teel, nagu teevad seda Z. A. Podobrigora ja S. J. Kats. Samuti ei saa nõustuda nende arvamusega, et kahjude eest, mis tekitatakse kolhooslikule omandile madala tööviljakuse tagajärjel, järgnevat 19. aprilli 1948. a. NSV Liidu Ministrite Nõukogu määruse § 19 p-s „b” ettenähtud materiaalne vastutus. Teatavasti näeb see määruse säte ette brigaadides viljakuse plaani mittetäitmisel normipäevade mahaarvamise plaani mittetäitmise iga protsendi eest 1% normipäevadest, mis kulutati selle kultuuri kasvatamisel. Käesoleval juhtumil pole tegemist mingisuguse kahjude heastamisega kolhoosnike poolt. Ei saa ära segada kahjude heastamist töö tasustamise viisidega kolhoosides. 19. aprilli 1948. a. NSV Liidu Ministrite Nõukogu määrmuses ettenähtud normipäevade maha- või juurdearvamine kujutab endast kolhoosnike töö tasustamise üht viisi ja nimelt normipäevade täiendavat arvestust. Kuivõrd normipäevade põhjarvestus ei võimalda veel küllaldaselt arvestada töö tagajärgi, siis normipäevade täiendav arvestus teenib just eesmärki seada kolhoosnike töö tasustamine sõltuvusse töö resultaatidest. Normipäevade maha- ja juurdearvamine on üheks vahendiks, millega tõestatakse kolhoosnikute materiaalselt huvitatust oma töö tulemuste vastu. Nagu märkis NLKP Keskkomitee septembripleenum, oli materiaalse huvitavuse printsiibi rikkumine kolhooside tootmise mahajäävuse üheks oluliseks põhjuseks. 1953.—1956. a. jooksul on partei ja valitsuse poolt võetud tarvitusele rida abinõusid kolhoosnike materiaalse huvitavuse tõstmiseks. Kolhoosid aga on oma praktikas hakanud juurutama sellist tasustamissüsteemi, kus normipäevade arvestus viiakse täielikult sõltuvusse kolhoosniku töö tulemustest, toodetavast produktsioonist.¹⁷

Pealegi ei luba 19. aprilli 1948. a. NSV Liidu Ministrite Nõukogu määrus maha arvata üle 25% tehtud normipäevadest. See aga räägiks vastu VNFSV TsK §-s 117 ja 410 kehtestatud kahjude täieliku heastamise printsiibile.

Tuleb veel kord rõhutada, et materiaalselt vastutust kolhooslikule omandile tekitatud kahjude eest ei või segada ära töö tasustamise viisidega kolhoosis.¹⁸

A. A. Ruskol ja B. A. Liskovets asuvad seisukohal, et kolhoosni-

¹⁶ Vt. З. А. Подобригора и С. Ю. Кац, Защита колхозной собственности в случае причинения ущерба колхозу нарушением трудовой дисциплины, «Советское государство и право», 1954, № 8, lk. 45.

¹⁷ Vt. „Rahva Hääl” 10. juulist, 6. augustist ja 8. septembrist 1955.

¹⁸ Samal seisukohal asub ka jur. tead. kandidaat J. A. Vovk. Vt. «Советское государство и право», 1955, № 5, lk. 136.

kute poolt oma liikmekohustuste mittetäitmisega tekitatud kahjude heastamine peab toimuma ainult neil juhtumel, kui on kolhooslikku omandit vigastatud, hävitatud või kaotatud.¹⁹

Samal seisukohal asub ka NSV Liidu Ülemkohtu liige G. Dobrovolski.

Ei saa lahendada kahjude heastamise küsimust, lähtudes ainuüksi tagajärgede iseloomust. Selline kriteerium ei annaks põhistust kõigi kahju heastamise üksikjuhtumeile. Nii näiteks vastutab kolhoosnik regresshagi korras kahjude eest, mis ta on põhjustanud traktorijaamale oma süü läbi, traktorite seisuaaja eest trahvi maksimisega. Antud puhul pole tegemist ei kolhoosliku omandi hävinemise, vigastamise ega ka kaotamisega. Lauskahju kolhooslikule omandile on põhjustatud hoopis teisel teel ja kolhoosnik peab selle ka heastama, kui ta on süüdi selle põhjustamises.

Selle vastutuse aluseks peavad jääma tavalised tsiviilõiguslikud vastutuse põhiprintsiibid, s. o. süü, tagajärg ja kausaalseos teo ja tagajärje vahel.

Materiaalse vastutuse rakendamisel tuleb kõigepealt tuvastada, kas töödistsipliini rikkumisega põhjustati kahju kolhooslikule omandile. Tekitatud kahju aga võib TsK § 117 kohaselt seisneda kas lauskahjus või saamata jäänud tulus. O. S. Joffe teeb lauskahju ja saamata jäänud tulu vahel vahet selle alusel, kas toimus olemasoleva omandi vähenemine või ainult takistati tema edaspidist arenemist.²⁰ Tema poolt antud kontseptsioon näib olevat praktikale vastu võetav.

Kolhooslikule omandile kahju tekitamise küsimus tuleb lahendada üksikute omandiõiguse objektide suhtes erinevalt.

Reaalselt olemasolevate kolhoosi omandiõiguse objektide, nagu loomade, inventari, hoonete, teravilja, söödavarude jne. hävinemine või rikkumine kujutab endast kolhoosile lauskahju. Kuid kolhooslikule omandile võidakse tekitada kahju ka selliselt, et ei toimu olemasolevate omandiõiguse objektide hävinemist. Siia kuuluvad just mitmesugused kolhoosi kultuuride kahjustamise juhtumid, mille puhul on tegemist kas nende täieliku hävinemisega või madalama saagi saamisega. Nendesse objektidesse on kolhoos juba osaliselt rakendanud oma tööjõudu, kuid nende täisväärtuslikuks muutmisel tuleb kolhoosil veel tööjõudu kulutada. Kahtlematult seisneb kolhoosi kahju kultuuride hävinemise või madalama saagi saamise korral külvatud seemnete ja kulutatud tööjõu väärtuses.

Üldlevinud on seisukoht, et kolhooside hävinenud saak moodustab endast saamata jäänud kasumi. Sellise seisukohaga ei saa aga nõustuda. Kuivõrd NSV Liidu Ülemkohtu Pleenumi 5. mai 1950. a. määruse „Kohtupraktikast kolhooside tsiviillasjus” § 6 nõuab heastamisele kuuluva kahju suuruse määramist ainult kolhoosi laus-

¹⁹ Vt. A. A. Рускол, Б. А. Лисковец, Колхозное право, Москва 1955, lk. 32.

²⁰ Vt. О. С. Иоффе, Ответственность по советскому гражданскому праву, Изд. ЛГУ. 1955, lk. 206.

kahju piirides, siis sellise kontseptsiooni korral ei kuuluks kunagi heastamisele kolhoosi kultuuridele põhjustatud kahju. Kuid samal ajal NSV Liidu Ülemnõukogu Presiidiumi 11. jaanuari 1955. a. seadlus „Vastutusest kultuuride tallamise eest kolhoosides ja sovhoosides”²¹ näeb otseselt ette kultuuride tallamisega kolhoosidele põhjustatud kahjude heastamise. Järelikult seaduseandja kas erandjuhtumeil lubab saamata jäänud kasumi heastamist või loeb kolhoosi kultuuride hävinemist tema lauskahjuks.

Tuleb siiski asuda seisukohale, et teatud juhtumeil kolhoosi kultuuride hävinemine kujutab endast kolhoosi lauskahju.

Kolhoosi lauskahjuks tuleb lugeda selline kultuuride hävinemine, kus on olemas võimalused saamata jääva saagi kindlaksmääramiseks.

Kuid sellega, et tunnistada kolhoosi põldudel saagi hävinemine lauskahjuks, pole veel küsimus kahju ulatusest lahendatud.

Nagu juba märgitud, peab kolhoos kultuuride täisväärtuslikuks muutmiseks rakendama veel oma tööjõudu. Seega reaalne kahju seisneks siin tegelikult saamata jäävas saagis, millest tuleks maha arvata koristuskulud.

Sellise seisukohaga ei nõustu O. S. Joffe. Ta leiab, et sellisel teel kolhooslikule omandile tekitatud kahju kajastub mitte üksnes kolhoosi, vaid ka kolhoosnikute huvides, sest kolhoosnikuil jäävad koristustöödel tegemata normipäevad ja ka tasu nende eest saamata.²² Kui aga tegelikult toimub kahjude heastamine, siis ei pea see väide paika. Kolhoosniku tulud ei väljendu mitte üksnes tehtud normipäevade arvus, vaid ka nende langevas produktide hulgas. Kuigi kolhoosnikutel kultuuride hävinemise korral jääb tegemata osa normipäevi, siis juhtumil, kui toimub hävinenud kultuuride väärtuses kahjude heastamine, ei jää normipäevade peale langevad tulud vähemaks, vaid saadud hüvitus langeb tegelikult tehtud normipäevadele.

Kuid kolhoosi kultuuride kahjustamine võib toimuda ka staadiumis, millal veel pole võimalik määrata saamata jääva saagi suurus (näiteks oraste hävinemine kevadel). Samuti võib ka kolhoosnikute poolt töödistsipliini rikkumiste tagajärjel väheneda kolhoosi saak. Ei saa nõustuda seisukohaga, et sellistel kordadel kahjude heastamist ei tule rakendada ja kolhoosnik saab vaid vähem tasu. Nagu juba varem märgitud, ei asenda normipäevade mahaarvamine kahjude heastamist. Ka antud juhtumeil peab toimuma kolhoosi lauskahju heastamine. Näit. kolhoosnikule eraldatakse kevadel hooldamiseks suhkrupeedipõld. Töödistsipliini rikkumisega kolhoosnik aga ei hoolda põldu ja kolhoosil jääb saak saamata. Pole mingit alust vabastada sellist kolhoosnikut lauskahjude heastamisest.

Kolhoosi lauskahjuks ei tule selliseil juhtumeil lugeda arvatavat saaki, sest kolhoosil on võimalik kultuuride hävinemist vältida. Kolhoosi lauskahjuks tuleb aga lugeda külvatud seemnete väärtus ja

²¹ Vt. „Rahva Hää” 19. jaanuarist 1955.

²² Vt. O. C. И о ф ф е, sealsamas, lk. 267.

külvitöödeks kulutatud tööjõu väärtus. Selles ulatuses peab ka töödistsipliini rikkunud kolhoosnik kahjud heastama.

Kahju tekitamise kordadel kolhoosi kultuuridele lauskahju ja saamata jäänud kasumi määramisel puudub ühtsus ka kohtupraktikas. Nii tunnistas rahvakohus Leningradi oblasti Osinski rajooni kolhoos „Krassina” hakis lauskahjuks: 1) külvatud rukkiseemne ja heinaseemne hinna; 2) arvatava keskmise rukki- ja ristikusaagi väärtuse ja 3) sellelt maa-alalt antavate kohustuslike riiklike müüginormide väärtuse turuhindades. Saamata jäänud kasumiks tunnistas kohus aga teise ja kolmanda aasta ristikusaagi.²³

Õigeks tuleb pidada O. S. Joffe seisukohta, et lauskahjule ei tule lisada riiklike müüginormide korras äraantavate produktide väärtust, sest kolhoos ei saa neid mitte lisaks saagile, vaid peab maksma kogutud saagist. Kuid O. S. Joffe ei vaidle vastu seemne väärtuse väljamõistmisele lisaks saagi väärtusele. Ka seda tuleb lugeda ebaõigeks, sest tegelikult elus ju kolhoos ei saa seemet lisaks saagile, vaid seeme on eelduseks saagi saamisel ja mahutub selle väärtusse.

Seega tuleb kolhooside kultuuride hävinemise korral tunnistada kolhoosi kahjuks vastavalt maa-alalt saamata jäänud saak, millest kuulub mahaarvamisele veel tegemata jäänud tööde väärtus. Kultuuride hävinemisel varases staadiumis või saagi vähenemise korral tuleb aga lauskahjuks lugeda seemne ja kulutatud tööjõu väärtus.

Kahju suurus tuleb kindlaks määrata mitte plaanilise saagi, vaid saagi alusel, mida kolhoos oleks saanud, kui hävinemist poleks toimunud. Planeeritud saagist võivad esineda kõrvalekaldumised: võidakse planeeritud saaki mitte saada ka siis, kui kahjutekitamist poleks esinenud ning teiselt poolt, planeeritud saaki võidakse ka ületada. Esimesel juhtumil me paneksime kolhoosnikule materiaalse vastutuse nende kahjude eest, mida kolhoos saab sõltumata kahjutekitaja süüst, teisel puhul me heastaksime aga kolhoosile vaid osa tegelikust kahjust.

Kahjude heastamisel rahalises väärtuses tuleb need ümber hinnata keskmistele turuhindadele. Sellise nõude kehtestab otseselt NSVL Ülemkohtu Pleenumi 5. mai 1950. a. määrus, kuid see vastab ka meie põllumajanduse praegustele arenemise perspektiividele, millal partei ja valitsuse määrustega on kolhoosidele loodud eriti soodsad tingimused oma produktsiooni realiseerimiseks kolhoosikaubanduse korras.

Kolhoosnikute materiaalse vastutuse ulatuse määramisel kuulub rakendamisele ka TsK § 411 nõue.

Sellele seisukohale vaidleb vastu ka O. A. Kitšatova, viidates seejuures NSVL Ülemkohtu Pleenumi 10. juuni 1943. a. seletusele selle kohta, et TsK § 411 nõuded ei kuulu rakendamisele, kui kahjukannatajaks on riiklik, kooperatiivne või ühiskondlik asutus, ette-

²³ Vt. O. C. И о ф ф е, sealsamas, lk. 265.

võte või organisatsiooni.²⁴ Kuid 10. juuni 1943. a. NSVL Ülemkohtu Pleenumi poolt antud seletus käib kolhoosi kui kahjusaaja, mitte aga kolhoosniku kui kahjutekitaja kohta. Oma 5. mai 1950. a. määruses Pleenum otseselt rõhutab, et kolhoosidele tekitatud kahjude määramisel tuleb kohtutel arvestada kahju tekitamise konkreetseid asjaolusid ja samuti kolhoosniku varalist seisundit.

Kuid ainuüksi kahju olemasolu tuvastamisega pole veel lahendatud kolhoosnike materiaalse vastutuse küsimus. Nagu juba varem märgitud, on nõutav veel kausaalseose olemasolu töödistsipliini rikkumise ja selle tagajärje vahel.

Kõrvale jättes kausaalseose probleemi teoreetilise analüüsi, märgime vaid, et meile kõige vastuvõetavamana tundub O. S. Joffe võimalikkuse ja tegelikkuse kategooriast lähtuv seisukoht kausaalseosest.²⁵

Seepärast tuleb kohtutel hoolikalt uurida tagajärge ennast ja kõiki asjaolusid, mis selle põhjustasid. Süülist käitumist tuleb kõrjutada kõigi teiste esinenud asjaoludega ja hinnata tema osatähtsust tekkivate kahjulike tagajärgede seisukohalt.

Vaatleksime mõnd distsipliinirikkumise juhtumit ja kausaalseose esinemise võimalusi nende poolt põhjustatud tagajärgede vahel.

Nii esineb kahjude heastamiseks tegelik kausaalseos juhtumil, kui kolhoosi karjalauda öövalvuri tööle mitteilmumise tagajärjel hukkus kolhoosi lehm. Järelikult võib seega ka tööle mitteilmumise tagajärjel põhjustatud kahjude korral nõuda nende heastamist.

Kolhoosides esineb veel loomade hukkamise fakte mittevastava hooldamise tagajärjel. Ka siin tuleb arvestada selliseid asjaolusid, nagu küllaldase sööda olemasolu, karjalautade tingimused, loomade üldine seisund, haigused jne. Kui aga karjatalitajate lohakas suhtumine loomade hooldamisse põhjustas loomade hukkamise, siis peab sellele järgnema kahjude heastamine.

Ka muil juhtumel võib lohakas tööülesannete täitmine endaga kaasa tuua kahjude heastamise. Näit. kolhoosnik niidab hobuniidumasinaga ristikheina selliselt, et pool sellest jääb kasvama. Põhjused selleks võivad olla väga mitmesugused, nagu ebatasane maapind, niidumasinaga mittekorrasolek, mittevastavad hobused, lamandunud hein, ilmastik jne. Kuid sagedased on siin lihtsalt lohaka töötegemise juhtumid. Nii näiteks Lihula rajooni „Jõe” kolhoosis niitis kolhoosnik 1955. a. suvel päevas 3,5 ha looduslikku heinamaad selliselt, et umbes pool heina jäi kasvama. Põhjuste selgitamisel selgus, et kolhoosnik oli huvitatud vaid päevanormi täitmisest, sest antud tasustamissüsteemi puhul sõltus niidumasinaga niitja töö tasus-

²⁴ Vt. О. А. Кичатова, Особенности материальной ответственности за ущерб, причиненный правонарушением, по действующему колхозному праву, Ученые записки ЛГУ Серия юрид. наук, 1955, № 187, lk. 138.

²⁵ Vt. О. С. Иоффе, Ответственность по советскому гражданскому праву, Изд. ЛГУ. 1955, lk. 228, eriti lk. 210 jj.

tamine ainult hektarite arvust, mitte aga saadud heina kogusest. Selliselt lohaka tööga põhjustatud kahjud peavad kahtlematult kuuluma heastamisele neid põhjustanud kolhoosnike poolt.

Töödistsipliini rikkumistega kolhoosidele tekitatud kahjude heastamise hagide läbivaatamisse peavad rahvakohtud suhtuma kogu tõsidusega. Rahvakohtud peavad taotlema sotsialistliku seaduslikkuse kindlustamist, sest sel teel kaitstakse ka rahvakohtute poolt kolhoosnike isiklike huvide kooskõlastamist ühiskondlike huvidega.

МАТЕРИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ КОЛХОЗНИКОВ ЗА УЩЕРБ, ПРИЧИНЕННЫЙ КОЛХОЗНОМУ ИМУЩЕСТВУ НАРУШЕНИЕМ ТРУДОВОЙ ДИСЦИПЛИНЫ

Канд. юрид. наук В. Кельдер

Кафедра гражданского права и процесса

Р е з ю м е

Наряду со всеми организационными средствами дальнейшего развития колхозного производства, повышения производительности труда колхозников и укрепления колхозной собственности, большое значение имеет отношение самих колхозников к своим трудовым обязательствам и уровень трудовой дисциплины в колхозах.

Укрепление трудовой дисциплины в колхозах должно происходить прежде всего путем повышения сознательности колхозников, путем повышения их материальной заинтересованности, и меры принуждения должны применяться лишь к наиболее несознательным и отсталым колхозникам.

Применение к колхознику взыскания в порядке ст. 17 устава сельскохозяйственной артели не освобождает колхозника от материальной ответственности за ущерб, причиненный колхозному имуществу

Взыскания, предусмотренные в ст. 17 устава колхоза, являются лишь мерами дисциплинарного взыскания и не являются формами возмещения ущерба.

Дисциплинарные взыскания, предусмотренные в специальных законодательных актах, исключают применение взысканий, предусмотренных в уставе колхоза. Но взыскания, предусмотренные в специальных актах, являются штрафными взысканиями, а не формами возмещения ущерба. Поэтому кроме применения штрафных санкций взыскивается и прямой ущерб, причиненный колхозному имуществу нарушением трудовой дисциплины.

Проблему возмещения ущерба, причиненного нарушением трудовой дисциплины, нельзя решать, исходя лишь из характера нарушений. Ее можно решить только на основе общих положений гражданского права о возмещении ущерба, т. е. на основе анализа противоправного действия, вины, ущерба и причинной связи.

Характер и объем ущерба, причиненного колхозному имуществу нарушением трудовой дисциплины, являются различными в зависимости от вида колхозной собственности.

Прямой ущерб от уничтожения или повреждения уже существующих объектов колхозной собственности устанавливается легко. Но прямым ущербом является и вред, причиняемый некоторым видам колхозных посевов. Это важно отметить потому, что действующим колхозным правом и практикой установлен принцип возмещения только прямого ущерба. В то же время специальные законодательные акты предусматривают возмещение ущерба, причиненного посевам. (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 11 января 1955 г. «Об ответственности за погрывы посевов в колхозах и совхозах».)

Если причинен ущерб колхозным посевам в такой стадии, где еще невозможно установить урожая, прямым ущербом колхоза являются стоимость семян и затраченной рабочей силы.

Важным условием возмещения ущерба, причиненного колхозному имуществу нарушением трудовой дисциплины, является наличие причинной связи между нарушением трудовой дисциплины (противоправным действием) и наступающим результатом (ущербом).

Для установления материальной ответственности причинная связь должна быть действительной, т. е. нарушение трудовой дисциплины должно быть основной причиной наступления результата. Если нарушение трудовой дисциплины только способствовало причинению ущерба, то в таких случаях материальная ответственность не должна иметь место.

Народные суды при рассмотрении дел о взыскании ущерба, причиненного колхозному имуществу нарушением трудовой дисциплины, должны основательно изучать характер ущерба и условия его причинения. Иски подлежат удовлетворению только в тех случаях, когда установлено, что ущерб причинен виновным противоправным действием (нарушением трудовой дисциплины), и что нарушение трудовой дисциплины являлось основной причиной возникновения ущерба.

KOHALIKE TÖÖRAHVA SAADIKUTE NÕUKOGUDE ISTUNGJÄRGULISEST TÖÖVORMIST

Juriid. tead. kand. K. Püss

Riigiõiguse ja halduse kateeder

Kommunistliku ühiskonna ülesehitamisel meie maal on täita suured ülesanded nõukogude riigiaparaadil, mis, ühendades töörahva miljonilisi hulki kommunistliku parteiga, on üheks peamiseks vahendiks rahva elulisi huve väljendava partei poliitika elluviimisel. Oma rahvahulki mobiliseeriva ja organiseeriva tööga peab nõukogude riigiaparaat kindlustama meie ees seisvate järjekordsete ülesannete eduka lahendamise, valla päästma ja ergutama rahvahulkade algatust ja isetegevust, ühendama ja suunama nende patriootilist liikumist kõigi esilekerkivate raskuste võitmiseks ja ületamiseks.

Kohalikud töörahva saadikute nõukogud moodustavad endast osa meie ühtsest nõukogude riigiaparaadist, kusjuures nende asendi ja tähenduse riigiorganite üldises süsteemis määrab kindlaks NSV Liidu Konstitutsioon. Lähtudes töörahva saadikute nõukogude kui riigivõimuorganite määratlusest, kellele kuulub kogu võim NSV Liidus¹ fikseerib NSV Liidu Konstitutsioon oma §-des 94, 95, 97 ja 98 eriti ka kohalike nõukogude kui kohalike riigivõimuorganite õigusliku seisundi ning võimkonna. Need sätted iseloomustavad nii kohalike nõukogude võimutäiust kui ka nende tegevuse omapära. Viimane seisab selles, et kohalikud nõukogud, tegutsedes neile seadustega antud õiguste piires, peavad kohalikke tingimusi ja iseärasusi arvesse võttes tagama seaduste elluviimise vahendite ja võtete kasutamise teel, mis võimaldavad antud konkreetsetes tingimustes saavutada kõige suuremaid tulemusi seadustes püstitatud eesmärgi mõttes. Siin avaldubki kohalike nõukogude organiseeriva, rahvahulki mobiliseeriva tegevuse iseloom: kohaliku algatuse ja hulkade isetegevuse maksimaalse arendamise ja ärakasutamise alusel, kohalike inimjõudude ja materiaalsete ressursside otstarbekohasema paigutamise teel kindlustada seaduste ja neis väljenduse leidva partei poliitika järjekindel elluviimine.

¹ Vt. NSV Liidu Konstitutsiooni § 3.

Kommunistliku partei ja kõrgemate riigivõimuorganite poolt püstitatud järjekordsete ülesannete edukas lahendamine sõltub oluliselt sellest, kuidas kohalikud nõukogud suudavad enda ümber koondada töörahva hulki, kuidas nad oskavad liita rahvahulki nõukogudega, tõmmata neid kaasa riigivalitsemisse, või teiste sõnadega sellest, kuidas on korraldatud kohalike nõukogude organisatsioonilis-massiline töö.

Nagu märkis N. S. Hruštšov partei XX kongressil, nõuavad kommunistliku ülesehitustöö suured ülesanded „töotajate loova aktiivsuse ja initsiatiivi veel suuremat tõusu, rahvahulkade ulatuslikku osavõttu riigi valitsemisest, kogu sellest gigantsest organiseerimis- ja majandustööst, mis toimub meie maal”². Sellepärast rõhutatakse ka NLKP Keskkomitee aruande põhjal vastuvõetud partei XX kongressi resolutsioonis vajadust „igakülgselt edasi arendada nõukogude demokratiismi, sihikindlalt parandada kõigi nõukogude organite tööd keskuses ja kohtadel, tugevdada sidet rahvahulkadega”³.

Kõik see asetab veel suuremad nõuded kohalike nõukogude organisatsioonilis-massilise töö ette, sest just kohalike nõukogude kaudu on võimalik tõepoolest massiliselt kaasa tõmmata elanikkonna laiu hulki riigivalitsemisele ja arendada nendes loovat initsiatiivi. Kohalike nõukogude organisatsioonilis-massiline töö on seega vahendiks, mis teenib sotsialistliku demokratiismi edasiarendamise eesmärki ja aitab edukamalt täita neid ülesandeid, mis lasuvad kohalikel nõukogudel kui tõelistel rahvavõimuorganitel.

Kohalike nõukogude organisatsioonilis-massilise töö vormid on äärmiselt mitmekesised, kusjuures tegelik nõukogude ülesehitustöö praktika neid järjest juurde loob, täiustab ja edasi arendab. Käesolev artikkel seab oma ülesandeks käsitleda neist vormidest vaid neid, mis on seotud kohalike nõukogude töö ühe põhivormiga ja nimelt kohalike nõukogude istungjärgude ettevalmistamise ja läbi viimisega. Sealjuures on käsitluse eesmärgiks teha mõned üldistused Eesti NSV kohalike nõukogude sellealasest tööpraktikast ja nende alusel fikseerida põhinõuded, mille silmaspidamine tagaks kohalike nõukogude istungjärgulise töövormi suurema efektiivsuse.

1. Kohalike nõukogude istungjärgulise töövormi olemus ja ülesanded

Kohalike töörahva saadikute nõukogude istungjärguline töökord on kohalike nõukogude tegevuse põhivormiks. See tuleneb esiteks juba sellest, et kohalikud nõukogud kui kollegiaalsed riigivõimuorganid koosnevad rahva poolt üldise, ühetaolise ja otsese valimis-

² N. S. Hruštšov, Nõukogude Liidu Kommunistliku Partei Keskkomitee aruanne partei XX kongressile, Tallinn 1956, lk. 98.

³ Nõukogude Liidu Kommunistliku Partei XX kongressi resolutsioonid, Tallinn 1956, lk. 19.

õiguse alusel salajasel hääletamisel valitud rahvasaadikuist, kes täidavad riiklikke ülesandeid oma põhitöö ülesannete kõrval. Kohalike nõukogude saadikud ei moodusta endast elukutseliste riigitegelaste kitsast rühma, nad on meie töölisklassi, talurahva ja intelligentsi parimad esindajad, elanikkonna kõige mitmekesisemate kihide ja kutsete esindajad. See asjaolu muudab meie kohalikud nõukogud tõeliselt rahvalähedasteks riigivõimuorganiteks, võimaldab neil kõige autoriteetsemalt väljendada rahva tahet. Samaaegselt tingib see aga ka kohalike nõukogude töö erivormi — istungjärgulise töökorra kasutamise. Kohalike nõukogude istungjärgulise töövormi olemus seisab selles, et rahvasaadikud, perioodiliselt kogunedes üldkoosolekuks, arutavad kollegiaalselt läbi kohalike nõukogude pädevusse kuuluvad küsimused ja annavad tegevussuuniseid ja juhiseid pidevalt tegutsevaile, kohalike nõukogude ees aruandvaile täitev-korraldavaile organeile. Istungjärgulise töövormi kasutamist kohalikes nõukogudes tingib aga ka juba kohalike nõukogude pädevuse iseloom. Kohalikud nõukogud ei teosta mitte vahetut haldamisfunktsiooni, vaid neile alluvate haldusorganite tegevuse, kohaliku majandusliku ja kultuurilise ülesehitustöö juhtimise funktsiooni. Viimase täitmine ei nõua kohalikelt nõukogudelt pidevat, alalist koosolemist. Piisab täielikult sellest, kui rahvasaadikute perioodiliselt kokkutulev üldkoosolek annab täitevkomiteele ja selle osakondadele tegevussuunad ja kontrollib aeg-ajalt nende täitmist.

Istungjärgulises töökorras on kohalik nõukogu õigustatud lahendama kõiki selle nõukogu pädevusse kuuluvaid küsimusi. Veel enamgi: ainult istungjärgulises töökorras võivad tööraha saadikute nõukogud vastu võtta otsuseid ja anda korraldusi, s. o. anda vastava nõukogu nimel õigusakte, mis on nende tegevuse juriidiliseks vormiks ja peamiseks abinõuks nendel lasuvate ülesannete täitmisel, nende pädevusse kuuluvate küsimuste lahendamisel.

Järelikult tuleneb kohalike nõukogude istungjärguline töökord nõukogude esindussüsteemi enda olemusest ja kohalike nõukogude kui kohalike riigivõimuorganite pädevuse eriseloomust. Istungjärguline töökord tagab rahvahulkade üha laiema kaasatõmbamise riigivalitsemisse, nende osavõtu riiklike küsimuste arutamisest ja otsustamisest, kohaliku riikliku elu juhtimise tugevdamise rahvahulkade poolt nende esindajate — rahvasaadikute kaudu ning teenib ühtlasi uue juhtiva nõukogude kaadri kasvatamise eesmärki.⁴ Istungjärguline töökord tõstab kohalike nõukogude autoriteeti rahvahulkade silmis, kasvatab saadikuid ja nende ümber koondunud aktiivi riiklike huvide austamise vaimus ja on hulkade loova initsiatiivi ja aktiivsuse ning sotsialistliku ühiskondliku ja riikliku korra edasisele tugevdamisele suunatud kriitika ja enesekriitika arendamise tribüüniks.

⁴ Vt. A. A. Аскеров, Очерки советского строительства, Москва 1953, lk. 242.

Eesti NSV Konstitutsiooni kohaselt kutsutakse kohalike nõukogude istungjärgud kokku nende täitevkomiteede poolt maaraajoonides vähemalt kuus korda aastas, linnades, alevites ja külates vähemalt üks kord kuus.⁵ Linnades, kus on omakorda loodud linnarajoonide töörahva saadikute nõukogud, toimub linna töörahva saadikute nõukogu istungjärkude kokkukutsumine vähemalt neli korda aastas.

Need konstitutsioonilised sätted püstivad kohalike nõukogude istungjärgulise töö regulaarsuse nõude, millel on suur tähtsus nii kohaliku elu juhtimisel üldse kui ka kohalike nõukogude täitevkorraldavate organite töö üle kontrolli teostamisel eriti. Garantiina, mis peab tagama istungjärkude regulaarse kokkukutsumise täitevkomitee poolt, on nõukogude ülesehitustöö praktika püstitanud nõude, mille kohaselt täitevkomitee on kohustatud kokku kutsuma vastava kohaliku nõukogu istungjärgu nii kõrgemalseisva kohaliku nõukogu täitevkomitee ettepanekul kui ka vähemalt antud nõukogu $\frac{1}{3}$ saadikute nõudmisel. See garantii tagab istungjärkude regulaarsuse ka neil juhtumel, kui täitevkomiteed peaksid kõrvale kalduma konstitutsioonis fikseeritud nõuete täitmisest. Sealjuures kõrgemalseisva nõukogu täitevkorraldava organi õigus nõuda madalamalseisva nõukogu täitevkomiteelt nõukogu istungjärgu kokkukutsumist tuleneb juba demokraatliku tsentralismi printsiibist, mille kohaselt kõrgemalseisev haldusorgan juhib madalamalseisva haldusorgani tegevust, kontrollib tema tegevuse seaduslikkust ja kannab vastutust tema tegevuse õiguspärasuse eest.

Istungjärgu kokkukutsumise algatamise õiguse andmine saadikule tuleneb aga nõukogude esindussüsteemi enda olemusest, on otseselt rakendatud ülemnõukogude istungjärkude kokkukutsumise garantiina⁶ ja on sellisena analoogia alusel kasutatav ka kohalike nõukogude suhtes.

Nagu nähtub eespool toodust, on kohalike nõukogude istungjärkude toimumise perioodilisus Konstitutsiooniga kindlaks määratud diferentseeritult, kusjuures sagedamini toimuvad istungjärgud madalamalseisvais kohalike nõukogude süsteemi lülides. See on tingitud asendist, mida omab vastav kohalik nõukogu meie riigiorganite üldises süsteemis, kui ka istungjärkude läbiviimise organisatsioonilise töö erinevusest. Kõrgemalseisvais kohalikes nõukogudes, kellele veel omakorda alluvad kohaliku elu juhtimist teostavad madalamalseisvad nõukogud ja kus pealegi istungjärkude läbiviimine sageli on seotud saadikuid nende põhitööst eemale tõmbava suurema ajakulu ja pikemate sõitudega, on otstarbekohane korraldada istungjärke harvemini, ilma et see kahandaks kohalike nõukogude juhtivat osa. Seevastu madalamalseisvais nõukogudes, linnade, linnarajoonide, alevite ja külade töörahva saadikute nõu-

⁵ Vt. Eesti NSV Konstitutsiooni § 59 ja § 60. Väikestes külanõukogudes, kus ei moodustata täitevkomiteed, kutsutakse külanõukogu istungjärgud kokku külanõukogu esimehe poolt.

⁶ Vt. Eesti NSV Konstitutsiooni § 28.

kogudes, kellele omakorda enam ei allu riigivõimuorganeid ja kus pealegi istungjärkude läbiviimine ka organisatsiooniliselt on lihtsam, on vajalik istungjärkude sagedam kokkukutsumine, sest sellega tagatakse täitev-korraldavate organite töö süstemaatilisem kontroll ja juhtimine.

Kohalike nõukogude korraliste istungjärkude regulaarne kokkukutsumine on täitevkomiteede otsene kohustus ja vastavate Konstitutsiooni sätete rikkumine on lubamatu nähtus, on nõukogude demokraatia põhimõtete rikkumine. Istungjärkude ebaregulaarne kokkukutsumine tähendab kohalike nõukogude juhtiva osa ja nende kontrollifunktsioonide osatähtsuse kahandamist ning annab tunnistust sellest, et täitevkomiteed ei toetu oma töös saadikuile ja alahindavad organisatsioonilis-massilist tööd. „On tarvis silmas pidades,” märkis K. J. Vorosilov partei XX kongressil, „et seal, kus nõukogude istungjärkusid kindlaksmääratud tähtaegadel kokku ei kutsuta, kaotavad nõukogud vältimatult oma juhtiva osatähtsuse neile aru andvate ja oma täidesaatvate organite suhtes, mis paratamatult põhjustab nõukogude demokratismi printsiipide rikkumist. Ainult istungjärkusid regulaarselt kokku kutsudes võivad nõukogud õigeaegselt lahendada majanduslike ja kultuurilise ülesehitustöö küsimusi ning luua tingimused rahvasaadikute aktiivseks osavõtuks riigi valitsemisest. On isefoomulik, et just seal, kus nõukogud ei tule regulaarselt kokku oma istungjärkudele, juurdub kantseleilik-ametkondlik tööstiil, nõrgeneb side massidega, areneb bürokraatism ja töö muutub halvemaks.”⁷

Jälgides kohalike nõukogude tööpraktikat Eesti NSV-s tuleb märkida, et varemil aastail esines vägagi sageli kohalike nõukogude istungjärkude kokkukutsumise regulaarsuse nõude rikkumise fakte, eriti aga külanõukogude ja rajoonialluvusega linnade nõukogude tööpraktikas. Kohalike nõukogude kõrval, kus istungjärgud toimusid regulaarselt ja kus otseselt paistis silma nende nõukogude rahvahulki mobiliseeriv ja organiseeriv töö, esines rohkesti veel kohalikke nõukogusid, kus pikema aja jooksul ei korraldatud kas mitte ühtki istungjärku või viidi läbi vaid mõni üksik.⁸ Sellised vead olid tingitud ühelt poolt organisatsioonilise töö ilmsest alahindamisest ja teiselt poolt kohalike juhtivate töötajate vähestest istungjärgulise töö korraldamise kogemustest ning ka kõrgemalseisvate nõukogude täitevkomiteede vähesest huvist nõukogude töö vastu madalamalseisvais nõukogude süsteemi lülides. Viimaseil aastail on olukord selles osas tunduvalt paranenud, ja seda eriti seetõttu, et Eesti NSV Ülemnõukogu Presiidium on kohalike nõukogude organisatsioonilis-massilise töö küsimustele pühendanud erilist tähelepanu.

⁷ K. J. Vorosilov, Kõne NLKP XX kongressil, Tallinn 1956, lk. 13.

⁸ Nii näiteks 1949. a. toimusid endisel Tartumaal asuvaist külanõukogudest vaid 26-s külanõukogus istungjärgud vastavalt Konstitutsioonis ettenähtud tähtaegadele, kuna 51-s külanõukogus neid sätteid rikuti. Valga rajooni nõukogus ei toimunud 1952. a. esimesel kvartalil mitte ühtki istungjärku jne.

Et aga kuni viimase ajani mõnedes kohalikes nõukogudes esineb istungjärgulise töövormi alahindamise fakte, sellest annab tunnistust see, et vabariigi 425-st kohalikust nõukogust ei viinud 1955. a. Eesti NSV Konstitutsioonis ettenähtud tähtaegadel istungjärke läbi 190 nõukogu. Eriti palju rikuti Konstitutsiooni nõudeid selles osas Vastseliina, Mustvee, Rapla, Kose, Kiviõli, Orissaare ja Abja rajoonide külanõukogude poolt. Nii näiteks viis Mustvee rajooni Avinurme ja Rapla rajooni Kehtna külanõukogu läbi ainult 4 istungjärku, Mustvee rajooni Lullikatku ja Vastseliina rajooni Ruusmäe külanõukogu 5 istungjärku jne. See näitab, et need nõukogud jäid kõrvale paljude tähtsate majanduslike, kultuuriliste ja poliitiliste küsimuste lahendamisest.

Puudused kohalike nõukogude istungjärkude läbiviimises avalduvad mõnigi kord ka selles, et kuigi istungjärkude arv aastas vastab Konstitutsiooni nõudele, on nende korraldamine toimunud istungjärkude kuhjumisega teatud perioodile. Nii näiteks olid 1952. aastal Tartu rajooninõukogu pooled istungjärgud planeeritud viimasesse kvartalis, Valga rajoonis viidi 1951. a. rajooninõukogu 4. istungjärg läbi 12. juunil ning 5. istungjärg alles 6. detsembril, s. o. kahe istungjärgu vahe oli peaaegu pool aastat. Mõnede täitevkomiteede poolt esiletõstetud väide, nagu põhjustaks istungjärkude kuhjumist teatud perioodidele majanduslike ülesannete hooajalisus, ei pea paika ja annab tunnistust vaid nende täitevkomiteede väärast kampaanialikust tööstiilist.

Konstitutsioon annab kohalike nõukogude istungjärkude korraldamise sageduses vaid miinimumprogrammi. Järelikult, kui asjaolud seda nõuavad, kui kerkivad esile tähtsad küsimused, kus tingimata on vaja ära kuulata kohaliku nõukogu seisukoht, tuleb istungjärke kokku kutsuda ka sagedamini, kui Konstitutsioon näeb seda ette. Eriti on praktika õigustatult pidanud vajalikuks viia sagedamini istungjärke läbi neis külanõukogudes, kus puudub täitevkomitee ja seega ka võimalus täitev-korraldavas organis küsimust kollegiaalselt läbi arutada. Nimelt näeb Eesti NSV Konstitutsiooni § 57 ette, et väikestes linnades, alevites ja külates ei moodustata mitte täitevkomiteesid, vaid nende nõukogude täitev-korraldavaiks organeiks on nõukogu poolt valitavad esimees, esimehe asetäitja ja sekretär. Just sellistes kohalikes nõukogudes ongi soovitatav läbi viia mitte üks istungjärg, vaid kaks istungjärku kuus. See on vajalik selleks, et kasutada tähtsamate küsimuste läbiarutamiseks ulatuslikumalt kollegiaalse arutamise moodust ja tõsta vastuvõetud otsuste autoriteeti.

Kohalike nõukogude istungjärgulise töövormi osatähtsuse tõstmisel omab olulist tähtsust istungjärgule arutamiseks esitatavate küsimuste valik. Istungjärgule arutamiseks esitatavate küsimuste õige valik peab esmajoones ära hoidma istungjärgulise töö küsimustega ülekoormamise, mis alati avaldab negatiivset mõju istungjärgulise töö tasemele. Ei ole õige esitada istungjärgule arutamiseks selliseid küsimusi, millel on teisejärguline tähtsus, küsimusi, mille

lahendamine ei nõua kas üldse mitte kollegiaalse juhtimismeetodi kasutamist või kuigi nad seda nõuavad, siis on neid võimalik ja otstarbekohane lahendada täitevkomitee poolt. Teiselt poolt ei tohi aga istungjärgule arutamiseks esitamata jätta neid küsimusi, millel on eriline, põhimõtteline tähendus kohaliku majanduse ja kultuurielu juhtimise seisukohalt ja kus tingimata on vaja kohaliku nõukogu kui riigivõimuorgani suunavat või juhtivat kätt.

Tuleb kõigepealt silmas pidada, et teatavaid kohalike nõukogude pädevusse kuuluvaid küsimusi on võimalik lahendada nii kohaliku nõukogu kui ka tema täitevkomitee poolt. Seevastu on aga küsimusi, mille lahendamine nõuab ikka ja alati ainult kohaliku nõukogu kui riigivõimuorgani otsust. Viimast liiki küsimuste hulka, s. o. kohaliku nõukogu ainupädevusse kuuluvate küsimuste hulka kuuluvad sellised küsimused, nagu kohaliku nõukogu saadikute mandaatide kinnitamine, kohaliku eelarve kinnitamine, täitevkomitee või väikestes linnades, alevites ja külanõukogudes täitev-korraldava organi moodustamine, täitevkomitee osakondade ja valitsuste moodustamine, alaliste ja ajutiste komisjonide loomine ning nende tegevuse aruannete ärakuulamine, täitevkomitee tööaruannete ärakuulamine, madalamalseisva nõukogu aktide tühistamine.

Nimetatud küsimusi ei ole õigustatud lahendama ükski organ peale kohaliku nõukogu enda, kusjuures kohalikul nõukogul tuleb need küsimused lahendada istungjärgulise töö korras. Teisi küsimusi, nende hulgas ka majandusliku ja kultuurilise ülesehitustöö juhtimise küsimusi, on õigustatud lahendama nii kohalik nõukogu kui ka tema täitevkomitee, kusjuures istungjärgulise töö korras kuuluvad nõukogu poolt lahendamisele nendest küsimustest need, mis omavad erilist tähtsust ja kus saadikute aktiivne osavõtt nende küsimuste arutamisest võimaldab leida kõige paremaid teid ning vahendeid nii ülesannete õigeks püstitamiseks kui ka nende lahendamiseks. Seepärast ei ole siin võimalik anda ka mingit šablooni. Küsimuste valiku ühele või teisele konkreetsele istungjärgule esitamiseks määravad konkreetsed tingimused, kusjuures algatus küsimuse istungjärgule arutamiseks andmiseks võib tulla nii täitevkomiteelt, kõrgemalseisvalt organilt, alalistelt komisjonidelt kui ka saadikutelt. Oluline on vaid see, et kõik tähtsamad majanduse ja kultuurielu sõlmküsimused leiaksid läbiarutamist istungjärgulises korras, et istungjärgud süstemaatiliselt kontrolliksid täitev-korraldavate organite tööd ja nii kõrgemalseisvate organite kui ka vastava nõukogu õigusaktide täitmist. Ühtlasi tuleb kindlalt silmas pidada, et nõukogu on alati täisvõimne otsustama küsimuse selle kohta, misugune küsimus tema pädevusse kuuluvate küsimuste hulgast võtta arutamisele oma istungjärgul.

NLKP XX kongressil juhiti tähelepanu sellele, et mõnigi kord nõukogude istungjärgudele esitatakse arutamiseks vähe konkreetseid, oluliselt tähtsaid küsimusi ning asjaliku arutamise asemel leiavad sageli veel aset paraadikõned ja võetakse vastu deklaratiivseid otsuseid. Kongress rõhutas, et nõukogude tähelepanu tuleb

pöörata majandusliku ja kultuurilise ülesehitustöö konkreetsetele küsimustele ja süstemaatiliselt esitada neid küsimusi arutamiseks istungjärgudele. Selliste konkreetsete küsimuste ülestõstmine nõukogude istungjärgudel, rahvasaadikute aktiivne osavõtt küsimuste ettevalmistamisest ja arutamisest, puuduste asjalik kritiseerimine ja loomingulise initsiatiivi igakülgne stimuleerimine annab nõukogu otsustele efektiivse jõu ja tagab nende otsuste eduka elluviimise.⁹

Et kohaliku nõukogu kui riigivõimuorgani üheks eriti tähtsaks ülesandeks on temale alluvate haldusorganite tegevuse kontrollimine, suunamine ja juhtimine, siis peab see selgesti väljenduma ka tema istungjärgulises töös. Praktikas on siin välja kujunenud väga mitmesugused sellealased töövormid, nagu täitevkomiteede tööaruannete ärakuulamine, täitevkomitee töö analüüsimine seoses istungjärgu päevakorras oleva ühe või teise majanduse või kultuurielu küsimuse arutamisega, täitevkomitee valimisel hinnangu andmine endise täitevkomitee tegevuse kohta ning suuniste andmine uuele, moodustatavale täitevkomiteele, täitevkomitee osakondade juhatajate valimistel osakondade töö analüüsimine jne.

Ka kohalike nõukogude istungjärgudele esitatavate küsimuste valikul on Eesti NSV kohalike nõukogude tööpraktikas tehtud sageli veel vigu. Nii on mõnigi kord istungjärgude töö üle koormatud pisiküsimuste päevakorda võtmisega, mille tõttu päevakorras olnud põhiküsimustele ei ole saadud pühendada vajalikku tähelepanu. Samal ajal pole istungjärgude päevakorda võetud küsimusi, kus nõukogu autoriteetne otsus oleks olnud tingimata vajalik, rääkimata juba neist küsimustest, mille lahendamine kuulub nõukogude ainu pädevusse. Nii näiteks on Tartu rajooni Melliste, Võnnu, Raadi, Kuuste ja Päkste külanõukogu koormanud istungjärgu päevakorda selliste pisi- ja ebamääraste küsimustega, nagu täitevkomitee kirjade läbiarutamine, kusjuures viimastes leidis vaid korraldusi, mis olid suunatud täitmiseks külanõukogu esimehele või sekretärile. Samal ajal jäid aga arutamata sellised põhilised küsimused, nagu kohaliku kütte- ja tarbepuidu ülestöötamine ning väljavedu, põllumajandusliku artelli põhikirja täitmine kolhooside poolt jne.¹⁰ Tartu rajooni täitevkomiteel tuli ühtlasi oma külanõukogude esimeeste tähelepanu juhtida asjaolule, et külanõukogud ei kuula ära oma istungjärgudel alalist komisjonide töö aruandeid ega ka saadikute aruandeid nende saadikuülesannete täitmise kohta. Eesti NSV Ülemnõukogu Presiidiumil tuli aga 1954. a. juhtida Jõhvi rajooni TSN Täitevkomitee tähelepanu sellele, et rajooninõukogu istungjärgul arutatud küsimused kannavad juhuslikku iseloomu ja rajooninõukogu ei ole arutanud masina-traktori jaamade töö ümberkorraldamise, töötajate materiaalsete ja kultuuriliste tarviduste rahul-

⁹ Vt. N. S. Hruštšov, Nõukogude Liidu Kommunistliku Partei Keskkomitee aruanne partei XX kongressil, lk. 98, ja K. J. Vorosilov, Kõne NLKP XX kongressil, lk. 13.

¹⁰ Vt. „Edasi” 11. aprillist 1951.

damise jt. selliseid põhilise tähtsusega küsimusi. Kokkuvõtete tegemisel Eesti NSV kohalike nõukogude tööst 1955. a. juhtis Eesti NSV Ülemnõukogu Presiidium tähelepanu ka sellele, et 76 kohalikku nõukogu ei kuulanud 1955. a. ära oma täitevkomitee aruandeid tehtud tööst, ning veelgi vähem kuulasid nõukogud alaliste komisjonide aruandeid nende tööst.

Järelikult ülesanne seisneb selles, et kõrgemalseisvad täitevkomiteed ja riigivõimuorganid pidevalt jälgiksid madalamalseisvate nõukogude istungjärgudele esitatavate küsimuste valikut ja selles osas senisest ulatuslikumalt suunaksid madalamalseisvate nõukogude täitev-korraldavate organite tööd istungjärgulise töö plaanindamisel.

Tuleb silmas pidada, et ainult siis, kui kohalik nõukogu oma istungjärgulise töö korras süstemaatiliselt arutab kohaliku elu põhilisi küsimusi ning pidevalt suunab ja kontrollib oma täitev-korraldavate organite tööd, võib öelda, et ta kindlalt juhib kohalikku majanduslikku ja kultuurilist ülesehitustööd oma tegevusterritooriumil.

2. Kohalike nõukogude istungjärgude ettevalmistamine

Selleks et kohalike nõukogude istungjärguline töö oleks viljakas, toimuks tulemusrikkalt, saadikute kõrge aktiivsuse tähe all, tuleb erilist tähelepanu pöörata istungjärgude hoolikale ja põhjalikule ettevalmistamisele, kindlustades ettevalmistustöödest nii alaliste komisjonide, saadikute kui ka kohaliku aktiivi osavõtu. „Nõukogude jõud seisab nende lahutamatus sidemes massidega. Nõukogud ei saa nende ees seisvate ülesannetega edukalt toime tulla, kui neil puudub side massidega ja kui nad ei tõmba tööle kaasa laialdast aktiivi.”¹¹ Ainult hästi ja põhjalikult ettevalmistatud istungjärg on suuteline küsimusi asjalikult ja põhjalikult arutama, julgete, täpsetele andmetele ja faktidele rajatud kriitiliste märkustega näitama töös esinevaid puudusi ja vigu ning teid ja vahendeid nende kõrvaldamiseks ja edaspidiseks vältimiseks. Kus täitevkomiteed ja külanõukogude esimehed tõsiselt suhtuvad istungjärgude ettevalmistamisse, kus nad oma töös toetuvad saadikutele ja kohalikele aktiivile, seal saavutatakse nõukogude töös tõsist edu, seal tõuseb kohalike nõukogude autoriteet rahvahulkade silmis. Kus aga istungjärgude ettevalmistamisele pole kaasa tõmmatud ei alalisi komisjone, saadikuid ega aktiivi, seal toimuvad istungjärgud saadikute madala aktiivsuse tähe all, sõnavõttud on üldsõnalised ja deklaratiivsed, istungjärgul vastuvõetud otsused aga eba-konkreetsed ja formaalsed, millel ei ole mobiliseerivat ega organiseerivat tähendust.

Et mitte kõik kohalike nõukogude täitevkomiteed ei pühenda veel küllaldast tähelepanu kohalike nõukogude istungjärgude ettevalmistamisele, sellest annab tunnistust meie tegelik kohalike nõu-

¹¹ K. J. Vorosilov, Kõne NLKP XX kongressil, lk. 13.

kogude tööpraktika. Eesti NSV Ülemnõukogu Presiidiumil on korduvalt tulnud tähelepanu juhtida kohalike nõukogude istungjärgude läbiviimise madalale tasemele ja saadikute veel vähestele aktiivsusele istungjärgudel. See on avaldunud ühelt poolt saadikute istungjärgulisest tööst veel mitte küllaldases osavõtus ja teiselt poolt nende sõnavõttude vähesuses, nende poolt esitatud kriitiliste märkuste puudumises või vähesuses. Selle põhjuseks on sageli olnud kohalike nõukogude istungjärgudel arutamisele tulnud küsimuste kantseililik ettevalmistamine. Küsimused on sel juhtumil ette valmistatud ainult täitevkomitee üksikute töötajate poolt, ilma aktiivi osavõtuta, ilma aktiivi kaasabil tööga kohapeal tutvumiseta.

Nende puuduste kõrvaldamiseks on Eesti NSV Ülemnõukogu Presiidium andnud rea direktiive, mis on suunatud istungjärgulise töövormi taseme edasisele tõstmisele. Nii loetakse kohaliku nõukogu istungjärgk otsusevõimeliseks vaid siis, kui sellest võtab osa vähemalt $\frac{2}{3}$ selle nõukogu saadikutest, kusjuures täitevkomiteed on kohustatud alustama istungjärgude ettevalmistustööd vähemalt 15 päeva enne istungjärgu algust. Ühtlasi on kõigi täitevkomiteede tähelepanu juhitud sellele, et istungjärgude ettevalmistamisele tuleb kaasa tõmmata alalised komisjonid, saadikud, vastava ala eriteadlased ja kohalik aktiiv. Nende direktiivide täitmine peabki tagama istungjärgude ettevalmistamise taseme tõusu ja ära hoidma veel mõnede kohalike nõukogude töös istungjärgude läbiviimisel esinevad formalismi tendentsid. Tuleb mõista, et tähtis ei ole mitte ainult istungjärgude regulaarne läbiviimine, vaid ka istungjärgude töö asjalikkus, s. o. küsimuste konkreetne ja asjalik arutamine ning mobiliseerivate, tööd abistavate otsuste vastuvõtmine.

Vastutus istungjärgude ettevalmistustööde õige korraldamise eest lasub täitevkomiteedel. Istungjärgu ettevalmistamise esimeseks etapiks on istungjärgule arutamiseks esitatavate küsimuste valik. Istungjärgule esitatavate küsimuste valiku üldiste põhimõtetega tutvusime juba eespool, kuid tähtis pole mitte ainult see, milliseid küsimusi valida, vaid ka — kui palju küsimusi võtta ühe istungjärgu päevakorda. Kohalike nõukogude töökogemused on näidanud, et ühel istungjärgul paljude küsimuste arutamine ei ole otsustarbekohane ja mõjub negatiivselt istungjärgulise töö kvaliteedile. Tuleb ju silmas pidada, et kohalike nõukogude istungjärgud üldreeglina toimuvad vaid ühe poolpäeva jooksul, mistõttu on täiesti õigustatult püstitatud nõue, et ühe istungjärgu päevakorda ei tule võtta rohkem kui 1—2 põhiküsimust. Neile põhiküsimustele võib omakorda lisandada teatud organisatsioonilisi, vähema ulatusega küsimusi.

Istungjärgu päevakorra esialgne plaanindamine toimub juba täitevkomitee kvartali tööplaani väljatöötamisel. Täitevkomitee kvartali tööplaanis tuleb ette näha istungjärgude kalenderplaan istungjärgudele planeeritud põhiküsimuste fikseerimisega. Konkreetse, järjekordse istungjärgu ettevalmistamisele asudes tuleb täitevkomiteel seega kindlaks määrata istungjärgule esitatav päeva-

kord, lähtudes täitevkomitee tööplaanist, aga arvesse võttes ka saadikute ja alaliste komisjonide ettepanekuid, samuti kõrgemalseisvate organite juhiseid. Tegelik elu võib ju mõnigi kord üles tõsta selliseid küsimusi, mida ei olnud võimalik ette näha täitevkomitee kvartalitööplaani väljatöötamisel, kuid mille lahendamine nõuab nende viivitamatut arutamist nõukogu istungjärgul. Koos nõukogu istungjärgule ettepanitava päevakorra projektiga töötab täitevkomitee välja ka päevakorda võetavate küsimuste ettevalmistamise korra, fikseerides kõik need momendid oma sellekohases erietsuses. Täitevkomitee otsus järjekordse istungjärgu ettevalmistamise ja läbiviimise kohta peab järelikult sisaldama järgmisi momente: istungjärgu läbiviimise aeg, istungjärgule kinnitamiseks esitatav istungjärgu päevakorra projekt, päevakorra üksikute küsimuste järgi aruandjad ja kaasaruandjad, tähtpäeva äramärgimine, milliseks peavad olema koostatud nii aruande tekst kui ka otsuse projekt, kuidas ja mis vormides toimub aktiivi kaasatõmbamine arutletava küsimuse igakülgselt selgitamiseks ja kes selle eest vastutavad. Otsusele lisatakse tavaliselt istungjärgu enda läbiviimise organisatsiooniline plaan. Viimases tuleb anda tähtaegade ja vastutajate äramärgimisega kõigi nende organisatsiooniliste toimingute loetelu, mis peavad tagama istungjärgu häireteta ja sujuva kulgemise.

Täitevkomitee otsusega fikseeritud istungjärgu ettevalmistamise kord on aluseks istungjärgu ettevalmistamise teise etapi tööle, mis hõlmab aruannete, kaasaruannete ning otsuse projekti koostamist ning sellega seotud laiema aktiivi ärakasutamist küsimuse põhjalikuks analüüsimiseks nii positiivsete töökogemuste kui ka töös esinevate puuduste ja vigade selgitamisel. Selles etapis tuleb kindlalt saavutada seda, et täitevkomitee otsuses fikseeritud abinõud aktiivi kaasatõmbamiseks oleks kõige järjekindlamalt ellu viidud. See pärast on soovitatav, et kontroll selle etapi töö üle oleks pandud ühele täitevkomitee juhtivaist töötajast. Aktiivina küsimuste ettevalmistamisel tuleb ära kasutada kõigepealt vastavaid alalisi komisjone, aga samuti ka üksikuid saadikuid, ühiskondlikke organisatsioone, vastava ala spetsialiste kui ka nõukogude ümber koondunud aktiivi. Kogu istungjärgu ettevalmistustöö peab olema suunatud sellele, et igakülgselt ergutada ja arendada saadikute aktiivsust, lasta neid põhjalikult tutvuda töö olukorra ja tulemustega ettevõtetes ja asutustes. Selline küsimusega igakülgne tutvumine moodustab aluse ja annab materjale nii aruande kui ka kaasaruande koostamiseks, aga samuti saadikuile küsimuste arutamisest aktiivseks osavõtuks istungjärgul. Ühtlasi on see aga saadikuile tõeliseks praktiliseks kooliks riigivalitsemise küsimuste tundmaõppimisel.

Tõsist tähelepanu tuleb pöörata aruannete ja kaasaruannete koostamisele. Ainult sügavalt läbimõeldud ja konkreetne aruanne, mis sisaldab endas vastava küsimuse või tööloigu sügava analüüsi, tuletused ja edasise arenemise perspektiivid, kutsub esile asjalikke ja elavaid diskussioone, läbirääkimisi, mis viivad konkreetse ja mobiliseeriva otsuse vastuvõtmisele.

Kahjuks ei ole aga meie kohalike nõukogude tööpraktikas veel harvad need juhtumid, kus aruandjad piirduvad vaid üldiste arutlustega, püüdes nende taha peita pealiskaudset töötundmist või isegi tõsiseid eksimusi, vigu ja puudusi töös. Et seda vältida, on vajalik, et täitevkomiteed pööraksid senisest rohkem tähelepanu nii aruannete kui ka kaasaruannete koostamisele ja eelnevalt vaataksid ning arutaksid läbi nende põhiteesid täitevkomitee koosolekul. Kaasaruandjatena ühte või teise täitevkomitee tööloiku puutuvais küsimustes on alati otstarbekohane kaasa tõmmata alalisi komisjone.¹² Kaasaruanne aga õigustab end vaid siis, kui ta sisaldab julget kriitikat ja leppimatut suhtumist töös esinenud puudustesse ja vigadesse, kui ta on kogu alalise komisjoni loova töö viljaks. Ei saa oodata head ja asjalikku kaasaruannet, kui selle valmistas ette vaid alalise komisjoni esimees materjalide alusel, mis talle on esitatud täitevkomitee või selle vastava osakonna poolt. Kaasaruanne peab olema kogu alalise komisjoni küsimuse ettevalmistamisest aktiivse osavõtmise resultaadiks, komisjoni liikmete poolt igaükselt teostatud kontrolli resultaadiks. Seepärast on vajalik, et kaasaruanne oleks läbi arutatud alalise komisjoni koosolekul.

Koos aruande ja kaasaruandega tuleb koostada ka otsuse projekt, mis samuti enne tema esitamist nõukogule läbivaatamiseks tuleb läbi arutada ja heaks kiita täitevkomitee koosolekul. Otsuse projektis tuleb fikseerida nii küsimuse ettevalmistamise käigus avastatud töö positiivsed kui ka negatiivsed küljed, eriti aga täitev-korraldavate organite ette seatavad otsesed ülesanded ning abinõud, mis tuleb kasutusele võtta püstitatud ülesannete teostamiseks ja töös ilmnunud puuduste ning vigade kõrvaldamiseks.

Et otsuse projekt on aluseks istungjärgul vastuvõetavale kohaliku nõukogu otsusele, siis peab ta vastama ka kõigile neile nõuetele, mis püstitatakse õigusaktide kohta. Otsuse projektis peab väljenduma meie valitsuse ja kommunistliku partei poliitika. Ta peab vastama konkreetse, operatiivse ja diferentseeritud juhtimise nõuetele, peab olema kooskõlas Konstitutsiooni, seaduste ja kõigi antud nõukogust kõrgemalseisvate organite aktidega ning peab olema oma sisult ja vormilt täiuslik, lühidalt, selgesti ja konkreetselt sõnastatud. Otsuse projekti konstateerivas osas tuleb lühidalt ära näidata need saavutused ja need puudused, mis esinevad antud küsimuses täitevkomitee ja temale alluvate organite töös ning resolutiivses osas need ülesanded, mida kohalik nõukogu vastava otsusega püstitab, ja abinõud, mida tuleb kasutada püstitatud ülesannete lahendamiseks ning töös esinenud puuduste ja vigade kõrvaldamiseks. Eriti on oluline, et otsuse projektis oleks selgesti fikseeritud ka need organisatsioonilised vormid, kuidas otsuses püstitatud ülesannete lahendamiseks kavatsetakse kaasa tõmmata rahvahulki,

¹² Nii näeb juba kohalike nõukogude alaliste komisjonide põhimääruse (vt. Eesti NSV Teataja 1950, 2, 2) III osa p. 5 ette, et alaliste komisjonide ülesandeks on esineda kaasaruannetega nõukogu istungjärgudel ning aktiivselt osa võtta kohalike nõukogude otsuste projektide ettevalmistamisest.

ning kellele pannakse otsuse täitmise kontrollimine. Otsuse projekt tuleb kooskõlastada kõigi nende asutuste, ettevõtete ja organisatsioonidega, keda vastav küsimus puudutab.

Kohalike nõukogude otsuste projektide koostamisel tuleb silmas pidada, et nõukogu oma aktidega kohustab esmajoones täitevkomiteed. Seepärast ei tule õigeks ja otstarbekohaseks pidada sellist otsuse projekti, kus konkreetsed kohustused on pandud otseselt ainult täitevkomitee osakondadele või asutustele ja ettevõtetele. Meie kohalike nõukogude tööpraktikas on esinenud juhtumeid, kus isegi väga ulatuslikes otsustes on kohustatud küll täitevkomitee osakondi, küll asutuste ja ettevõtete juhte, kuid mingisugust kohustust ega otsest vastutust nõukogu otsuse täitmise eest ei ole pandud täitevkomiteele.

Kohalik töörahva saadikute nõukogu kui riigivõimuorgan oma tegevusterritooriumil peab oma otsustes eeskätt ikkagi andma direktiivid oma täitevkomiteele, tõstatama viimase ees vastavad küsimused ja mitte asendama täitevkomiteed. Täitevkomitee kui üldhaldusorgan peab ise korraldama üksikasjalisemalt oma aparaadi ja ettevõtete tööd ning omakorda nõukogu otsuse alusel täpsustama temale alluvate organite ülesandeid nõukogu poolt vastu võetud otsuse täitmisel. Igall juhtumil oleks aga väär, kui nõukogu oma otsuse täitmise eest ei pane vastutust täitevkomiteele.

Eespool toodust ei tule aga teha järeldust, et kohalik nõukogu oma otsuses ei või ära märkida puudusi ja nende kõrvaldamiseabinõusid täitevkomitee osakondade ja temale alluvate asutuste töös ning panna üksikuid ülesandeid vahetult viimastele. Sellega on tahetud vaid rõhutada seda fakti, et kohalik nõukogu ei saa mööda minna oma täitev-korraldava organi — täitevkomitee vastutuse küsimusest täitevkomitee osakondade ja täitevkomiteele allutatud ettevõtete ja asutuste töö eest.

Eesti NSV Ülemnõukogu Presiidium, märkides puudusi, mis esinevad veel üksikute kohalike nõukogude töös istungjärkude läbiviimisel, on juhtinud kohalike nõukogude täitevkomiteede tähelepanu ka asjaolule, et mõnigi kord toimub veel kohalike nõukogude istungjärkude otsuste projektide koostamine pealiskaudselt, ilma alaliste komisjonide ja vastavate eriteadlaste osavõtuta, mistõttu istungjärkudel vastuvõetud otsuste hulgas on veel ühekülgseid ja ebakonkreetsed otsused, mis ei mobiliseeri kohalike nõukogude saadikuid ega elanikkonda kohalike nõukogude ees seisvate majandus-poliitiliste ülesannete edukale lahendamisele. Selliste puuduste edaspidiseks kõrvaldamiseks on Eesti NSV Ülemnõukogu Presiidium teinud täitevkomiteedele kohustuseks tõmmata kaasa kohalike nõukogude otsuste projektide koostamisele nii alalised komisjonid, vastava ala eriteadlased kui ka kohalik aktiiv. Eriti tuleb siin rõhutada alaliste komisjonide osa, kes peavad esitama oma seisukoha ja arvamuse otsuse projekti kohta, andma sellele oma üldhinnangu ja kel on õigus teha projekti kohta nii täiendavaid ettepanekuid ning parandusi kui ka vastuettepanekuid.

Kohaliku nõukogu istungjärgu ettevalmistustöö peab hõlmama ka neid rahvasaadikuid, kes otseselt pole kaasa tõmmatud aruannete, kaasaruannete või otsuse projektide koostamise protsessi. Selleks on eelkõige vajalik, et nad oleksid teadlikud istungjärgule planeeritavast küsimusest. Tegelik kohalike nõukogude tööpraktika ongi püstitanud nõude, et täitevkomiteed peavad järjekordse istungjärgu kokkukutsumisest teatama igale selle nõukogu rahvasaadikule. Sellises teadaandes tuleb ära märkida istungjärgu kokkukutsumise aeg ja koht, samuti küsimused, mida täitevkomitee esitab istungjärgu päevakorda võtmiseks. Praktika on samuti püstitanud nõude, et sellised teadaanded tuleb saadikuile välja saata hiljemalt 5—6 päeva enne istungjärgu algust. See on kaheldamatult väga vajalik abinõu saadikutepoolse aktiivsuse tõstmiseks istungjärgul. Saadikuil on sel puhul võimalik astuda ühendusse oma valijatega, tutvuda vastavate küsimustega, selgitada valijate pretensioonid ning taotlused ja saada seega materjale aktiivseks küsimuse arutamiseks osavõtmiseks istungjärgul. Vennasvabariikide kohalike nõukogude, eriti oblasti tööraha saadikute nõukogude tööpraktikas on juurdu- nud ka nn. saadikuile saadetavate kirjade — „märkmike” vorm, milles informeeritakse saadikuid küsimustest, mis tulevad arutami- sele nõukogu istungjärgul, täitevkomitee poolt ettevalmistatud otsuse projektidest ja alalise komisjoni ettepanekuist ning soovitatakse saadikuil pöörata tähelepanu töö olukorra tundmaõppimisele vas- tavas haldusharus saadiku elukoha järgi. Sellised saadikuile lähe- tatavad kirjad ei ole mitte ühesugused, vaid nendes arvestatakse antud valimisringkonna iseärasusi ja neis antakse saadikuile nõu, milliseid ettevõtteid või asutusi oleks kõige otstarbekohasem kont- rollida. Mõnigi kord rõhutatakse neis kirjades saadiku istungjärgul esinemise soovitatavust, arvestades tema töökogemusi või tema poolt esindatava paikkonna iseärasusi.¹³

Sellise praktika kasutusele võtmine võiks tulla kõne alla eriti Eesti NSV maarajoonides, sest see aitaks oluliselt kaasa üle rajooni laialipillatud saadikute aktiivsemaks osavõtmiseks istungjärgu ette- valmistustöödest.

Käesoleval ajal käib energiline võitlus istungjärgulise töö sisu- lise külje parandamise eest. Seepärast on vaja teravalt reageerida mõnedes kohalikes nõukogudes veel esineva liberaalsuse vastu küsimuste arutamisel. Küsimuste arutamine istungjärgudel peab olema printsiipiaalne, töös esinevaid puudusi ja vigu teravalt paljas- tav ning nende kõrvaldamiseks ja edaspidiseks vältimiseks hulkade initsiatiivi ja isetegevust ärakasutav. See aga nõuab küsimuste põhjalikku analüüsi, istungjärgu põhjalikku ettevalmistatust laiade hulkade küsimuste ettevalmistamisele kaasatõmbamise baasil, mis- tõttu kohalike nõukogude täitevkomiteedel tuleb pöörata istungjär- kude ettevalmistamisele üha suuremat tähelepanu.

¹³ Vt. A. A. Аскеров, Очерки советского строительства, Москва 1953, lk. 265—266.

3. Kohalike nõukogude istungjärkude läbiviimine

Nagu eespool märgitud, loetakse kohaliku nõukogu istungjärk otsusevõimeliseks, kui temast võtab osa vähemalt $\frac{2}{3}$ tema koosseisu kuuluvaist saadikuist. Istungjärgu otsusevõimeliseks tunnistamine kvooruminõude püstitamisega ei ole formaalne nõue. Kui istungjärgu tööst ei võta osa saadikute rõhuv enamik, siis tähendab see, et sellel istungjärgul ei ole esindatud ka vastava administratiiv-territoriaalse ühiku elanikkonna enamikku ja järelikult puudub alus nende nimel esinemiseks. Ühtlasi annab see tunnistust istungjärgu ettevalmistuse läbiviimise madalast tasemest.

Tuleb märkida, et Eesti NSV kohalike nõukogude tööpraktikas on viimastel aastatel märgatavalt vähenenud juhtumite arv, kus istungjärkude läbiviimisel on rikutud kvooruminõuet. Varem esines selliseid juhtumeid hoopis sagedamini. Kuid üksikuid sellealaseid vigu esineb, eriti külanõukogude töös. Nii näiteks toimusid 1954. a. Põltsamaa rajooni Kolga-Jaani ja Annikvere külanõukogus istungjärgud ilma vajaliku kvoorumita, kusjuures mõnel juhtumil puudus isegi rohkem kui pool rahvasaadikute koosseisust. Sellist olukorda tuleb muidugi pidada täiesti lubamatuks ja neil istungjärgudel vastuvõetud otsustel ei saa olla kohaliku nõukogu otsuste jõudu.

Võrdlemisi laialdaselt on meie kohalike nõukogude tööpraktikas levinud kõrvuti saadikutega ka nn. külaliste kutsumine istungjärkudele. On kaheldamatult õige, kui istungjärgu tööst kutsutakse osa võtma asutuste või ettevõtete esindajaid, kelle tööloiku puutuvaid küsimusi istungjärgul arutatakse, samuti spetsialiste, kes oma nõuannetega võivad kaasa aidata istungjärgu heaks kordaminekuks, ning isikuid, kes küsimuste ettevalmistamise käigus olid kaasa tõmmatud aktivistidena. Samuti on otstarbekohane kutsuda rajooninõukogu istungjärgule, kus arutatakse mõne külanõukogu tööaruannet, teiste külanõukogude esimehi nii parimate kogemuste levitamise kui ka samalaadsete puuduste kõrvaldamise huvides. Soovitav on kutsuda külalisi kohalike nõukogude istungjärkudele, kus nõukogu koosseis on väike, näit. väikestes külanõukogudes. Kuid külaliste istungjärgule kutsumises tuleb kindlalt silmas pidada, et istungjärgul domineeriks tema saadikute koosseis ja istungjärk ei muutuks laialdase aktiiviga tootmisnõupidamiseks. Kohalike nõukogude praktikas on nimelt esinenud juhtumeid, kus külaliste arv on 3—4-kordselt ületanud saadikute arvu. Selliseil juhtumeil on vähenenud saadikute aktiivsus ja kadunud nende prevaleeriv osa küsimuste arutamisel. Sellepärast peavad täitevkomiteed külaliste kutsumisel istungjärkudele silmas pidama, et külaliste arv ei ületaks saadikute arvu. Külaliste kutsumine istungjärkudele toimub täitevkomitee poolt neile väljasaadetavate kutsetega. Külalised omavad istungjärgul sõnaõigust, kuid mitte hääleõigust.

Kohaliku nõukogu istungjärgu avab täitevkomitee esimees, kelle juhtimisel toimub ka istungjärgu juhataja valimine. Nimelt näeb Eesti NSV Konstitutsiooni § 61 ette, et töörahva saadikute nõukogud

valivad istungjärgu ajaks koosolekute juhatamiseks istungjärgu juhataja ja sekretäri. Sellest on tehtud erand vaid külanõukogudele, kus Eesti NSV Konstitutsiooni § 62 alusel külanõukogu koosolekuid juhatab külanõukogu esimees. Külanõukogu koosolekuid protokollib külanõukogu sekretär.

On endast mõistetav, et istungjärgu juhatajaks ja sekretäriks saab valida vaid sama nõukogu saadikuid. Samuti on praktika näidanud, et ei ole otstarbekohane valida istungjärgu juhataja või sekretäri kohale täitevkomitee koosseisu kuuluvaid saadikuid, sest see avaldab teataval määral mõju saadikute aktiivsusele ja nende esinemiste iseloomule. Valitud istungjärgu juhataja ja sekretäri volitused lõpevad istungjärgu lõppemisega.

Istungjärgk ise määrab kindlaks ka istungjärgu päevakorra ja töö reglemendi. Päevakorra määramisel lähtub istungjärgk täitevkomitee ettepanekust, kusjuures tal on õigus ettepannud päevakorra projektis teha igasuguseid muudatusi. Nii päevakorra määramine kui ka töö reglemendi kinnitamine toimub hääletamise teel. Istungjärgu töö reglemendi ehk kodukorraga määratakse kindlaks aeg aruannete ja kaasaruannete esitamiseks ning sõnavõttudeks, koosoleku vaheajad ja istungjärgu kestus. Istungjärgu töö reglement võetakse kohalikes nõukogudes vastu igaks konkreetseks istungjärguks.

Edasi kulgeb istungjärgu töö juba vastavalt päevakorrale, kusjuures iga küsimuse arutamine toimub järgmises korras: aruanne, kaasaruanne, küsimused, sõnavõttud, lõppsõna aruandjale ja kaasaruandjale ning otsuse vastuvõtmine. Iga päevakorras oleva küsimuse kohta vastava otsuseprojekti lõplikuks väljatöötamiseks valib istungjärgk redaktsioonikomisjoni. Viimane võtab oma töös aluseks juba istungjärgu ettevalmistamise käigus väljatöötatud otsuseprojekti, tehes selles vastavaid muudatusi ja täiendusi küsimuse arutamise käigus istungjärgul esitatud sõnavõttude ja ettepanekute alusel. Kui küsimuste istungjärgule ettevalmistamise käigus oli tekkinud otsuseprojekti väljatöötamisel eri arvamusi või oli alalise komisjoni poolt esitatud vastuettepanekuid, siis on igal saadikul õigus oma seisukohtade kaitseks istungjärgul sõna võtta.

Kõik küsimused istungjärgkudel otsustatakse lihthäälteenamusega lahtisel hääletamisel, kusjuures kehtib nõue, et uue küsimuse arutamisele ei tule asuda enne, kui eelmises küsimuses on nõukogu otsus vastu võetud.

Kohalike nõukogude istungjärgulise töö praktikas on järjekindlalt ellu viidud nõukogude rahvaesindusorganite töö demokraatlikud põhimõtted. Igal nõukogu saadikul on õigus arutletavas küsimuses sõna võtta ja omapoolseid ettepanekuid teha. Sõnavõttude lõpetamise küsimuse otsustab nõukogu ise hääletamise teel. Täielikult on tagatud saadikute esinemisvabadus nõukogu täitevkorraldavate organite töös esinevate puuduste ja vigade esiletoomiseks või neilt vajaliku informatsiooni saamiseks. Seda tagab rahva-saadiku arupärimise õigus.

Arupärimise õiguse olemus seisab rahvasaadiku õiguses nõuda ja saada ammendav vastus küsimusele, mille ta esitab vastavale nõukogule alluvate organite ja nende ametiisikute aadressil ja milles viidatakse kas mõnele õiguserikkumise või kõrgemalseisvate organite aktide ja nõukogu otsuste mittetäitmise faktile. Kohaliku nõukogu saadiku arupärimise õiguse tähendus seisab selles, et vastavalt ametiisikult tema tegevuse üle arupärimine toimub riigivõimuorgani — nõukogu — istungjärgul ning isikul, kelle tegevuse kohta aru päritakse, lasub kohustus rahuldada rahvasaadiku nõudmine. Sellisena on saadiku arupärimise õigus saadiku tegevuse vormiks, mille abil rahvasaadikud juhivad kohalike nõukogude istungjärgudel täitev-korraldavate organite töötajate tähelepanu nende töös esinevaile puudustele, mis nõuavad viivitamatut kõrvaldamist.¹⁴

Arupärimise õigusest tuleb eristada saadiku õigust nõuda informatsiooni täitevkomiteelt või temale alluvalt organilt ühes või teises küsimuses. Selline informatsiooni nõudmine ei ole aga seotud viitega õiguse rikkumise või õigusaktide mittetäitmise faktile. Kohaliku nõukogu istungjärgul esitatud arupärimisest tuleb eristada ka rahvasaadiku pöördumist mõne asutuse või ettevõtte poole valijate kaebuste või avalduste puhul, kus rahvasaadik palub temale esitada andmeid või materjale või rahuldada valija taotlus. Viimaseil juhtumeil on asutuste juhatajad kohustatud vastama sellistele saadiku järelepärimistele täitevkomiteede poolt kindlaks määratud tähtaja piirides (tavaliselt 3—10 päeva jooksul).

Kui saadiku arupärimise õigus Ülemnõukogus on juba Konstitutsiooniga fikseeritud õiguseks, siis kohalikes nõukogudes on ta praktikas endas väljakujunenud organisatsiooniliseks tavaks. Õigusega on aga nõukogude juriidilises literatuuris, silmas pidades arupärimise õiguse erilist tähendust, tõstatatud küsimus kohalike nõukogude saadikute arupärimise õiguse seadusandliku sätestamise vajadusest.¹⁵

Eesti NSV kohalikes nõukogudes on saadiku arupärimise õigust istungjärgudel kasutatud veel äärmiselt vähe. Silmas pidades selle õiguse kasutamise suurt tähtsust täitev-korraldava aparaadi töös esinevate puuduste ja vigade kõrvaldamisel on vaja laiemalt populariseerida vanemate vennasvabariikide kohalike nõukogude sellealaseid parimaid töökogemusi ja arupärimiste esitamise praktika kindlalt juurutada ka Eesti NSV kohalike nõukogude istungjärgulise töökorra praktikasse.

Kui vaadelda, millised on teistes liiduvabariikides väljakujunenud organisatsioonilised eeskirjad arupärimiste esitamise ja nende lahendamise korra kohta, siis võib öelda, et need vastavad täielikult kohalike nõukogude tõeliselt demokraatlikule töökorrale. Arupärimise õiguse subjektideks võivad olla nii rahvasaadik kui

¹⁴ Vt. Л. Г. М а р е в а, О контроле местного Совета над деятельностью органов управления, «Советское государство и право», 1951, № 8, lk. 48.

¹⁵ Vt. sealsamas.

ka nende rühm või alaline komisjon. Arupärimist võidakse esitada nii suulises kui ka kirjalikus vormis, nii seoses istungjärgu päevakorras oleva küsimusega kui ka väljaspool päevakorda. Arupärimisi võidakse teha nii vastava nõukogu ja temast kõrgemalseisvate riigiorganite aktide rikkumise faktide kohta kui ka valijate poolt antud juhendite täitmata jätmise, alaliste komisjonide ettepanekute ignoreerimise ja rahvasaadikute õiguste rikkumise kohta.

Tavaliselt toimub saadiku poolt arupärimise esitamine tema sellekohase esinemise, sõnavõtu korras. Olenevalt arupärimise iseloomust võib arupärimisele kas koheselt järgneda saadikut rahuldav vastus, mille tulemusena langeb ära vajadus avada antud küsimuses läbirääkimised, või siis avatakse arupärimise esitamise järel antud küsimuses läbirääkimised, et selgitada nõukogu enamiku arvamus arupärimise ja talle antud vastuse kohta.

Nii näiteks esitati Kuibõševi linna Lenini rajooni nõukogu üheksandal istungjärgul rahvasaadik Kutušina poolt arupärimine: „Millega seletab rajooninõukogu täitevkomitee õppeadukuse langust meie rajooni koolides käesoleva õppeaasta esimese veerandi jooksul, võrreldes õppeadukusega möödunud aasta esimesel veerandil?“ Arupärimine kutsus esile väga elavaid läbirääkimisi, mille tulemusena nõukogu võttis vastu otsuse, milles tegi täitevkomiteele ja rahvahariduse alalisele komisjonile ülesandeks selgitada koolides täheldatud õppeadukuse languse põhjused, välja töötada omapoolsed ettepanekud olukorra parandamiseks, need täitevkomitee istungil läbi arutada ja tulemustest nõukogule järgmisel istungjärgul ette kanda.¹⁶

Üldreeglina kehtib nõue, et saadiku arupärimisele tuleb sisuline vastus anda juba samal istungjärgul. Kui arupärimisele vastamine nõuab vastavate andmete kogumist või ettevalmistamist, võidakse koosolekule teha lühike töövaheaeg, et võimaldada täitevkomiteele ette valmistada vajalik vastus.¹⁷ Juhtumil aga, kui arupärimisele ammendava sisulise vastuse andmine nõuab asjaoludega üksikasjalisemat tutvumist või isegi kontrolli kohapeal, osutub arupärimisele vastamine samal istungjärgul raskendatuks. Selliseil juhtumil võib nõukogu oma otsuses arupärimise kohta kas 1) kohustada täitevkomiteed läbi vaatama vastava küsimuse rahvasaadiku juuresolekul ja hiljemalt järgmisel nõukogu istungjärgul tegema ettekanne arupärimise suhtes kasutusele võetud abinõude kohta, või siis 2) kohustada täitevkomiteed järgmiseks istungjärguks ette valmistama kas vastava küsimuse istungjärgul läbiarutamiseks või koostama ammendava informatsiooni esitatud arupärimise sisu kohta.¹⁸

Igal juhtumil tuleb pidada obligatoorseks arupärimise sisse-

¹⁶ Vt. Л. Г. Маеева, eespool osundatud artikkel, lk. 49.

¹⁷ Vt. näiteks Kuibõševi oblastinõukogu istungjärgul esitatud arupärimiste lahendamise korda, mis on avaldatud artiklis „Запросы депутатов на сессии Совета“, „Известия“ 8. oktoobrist 1948.

¹⁸ Vt. Л. Г. Маеева, osund. teos, lk. 50.

kandmist istungjärgu protokollile ja nõukogu otsuse vastuvõtmist arupärimise kohta. Kui arupärimisele on antud juba samal istungjärgul vastus, mis rahuldab saadikuid, ja puudub vajadus vastu võtta eriline sisuline otsus antud küsimuses, siis kantakse istungjärgu protokollile nõukogu otsusena vaid märkus „teadmiseks võetud”

Saadikute arupärimise õigus omab suurt poliitilist kui ka praktist tähtsust, sest ta näitab saadikute aktiivsust ja tähelepanelikkust reageerimist täitev-korraldavate organite töös esinevate vigade ja puuduste suhtes ning võimaldab õigeaegselt kasutusele võtta abinõud riigiparaadi töö edasiseks parandamiseks. Samaaegselt tõstab arupärimise õiguse kasutamine saadikute autoriteeti rahvahulkade silmis ja on riigiparaadi töötajatele suure kasvatusliku tähtsusega.

Kõrvuti arupärimise õiguse kasutamisega teostavad rahvasaadikud kohalike nõukogude istungjärgudel kontrolli haldusaparaadi tegevuse üle veel teisteski vormides. Nii näiteks täitevkomiteede valimistel kui ka täitevkomiteede osakonnajuhatajate ametisse kinnitamisel tuleb nõukogu poolt analüüsida täitevkomitee ja tema osakondade tööd, fikseerida selles esinenud puudused ja anda juhi-seid töö edasiseks parandamiseks. Kahjuks ei ole Eesti NSV kohalike nõukogude tööpraktikas seda vormi veel ammendavalt ära kasutatud ja täitevkomiteede valimiste läbiviimisel on veel vähe pööranud tähelepanu nende töö sisuliste momentide käsitlemisele. Tõhusaks kontrolli teostamise vormiks on ka täitevkomitee, tema osakondade ja temale alluvate asutuste tööaruannete ärakuulamine istungjärgudel, mis moodustab endast täitev-korraldava aparaadi töö kontrollimise ühe põhivormi. Kontrolli täitev-korraldava aparaadi töö üle istungjärgulise töö korras teostatakse aga ka majanduslike ja sotsiaal-kultuurilise ülesehitustöö küsimuste arutamisel, sest nende küsimuste arutamine ja tegeliku olukorra tuvastamine on alati seotud neid alasid juhtivate haldusorganite töö küsimustega.

Kõiki neid vorme oskuslikult ära kasutades suudabki kohalik nõukogu kindlalt täita temal lasuvate ülesannete üht tähtsat mõiku — juhtida temale alluvate haldusorganite tegevust.

Kogu istungjärgu töökäik ja selle tulemused fikseeritakse vastavas protokollis, milles näidatakse ära istungjärgu järjekorranumber, toimumise aeg, istungjärgu töö juhtimiseks valitud juhataja ja sekretäri nimed, vastava nõukogu saadikute üldarv ja antud istungjärgust osavõtnud saadikute arv, istungjärgule kutsutud ja ilmunud külaliste arv, istungjärgu päevakord ja töö reglement ning edasi juba andmed päevakorras olnud küsimuste arutamise kohta (aruandjad, kaasaruandjad, sõnavõetud, vastuvõetud otsused jne.).

Istungjärgu protokollile ja istungjärgul vastuvõetud otsustele kirjutavad alla istungjärgu töö juhtimiseks valitud juhataja ja sekretär Avaldamisele või täitmiseks täitjatele saadetakse otsused aga täitevkomitee esimehe ja sekretäri allkirjaga.

Eesti NSV Ülemnõukogu Presiidium on korduvalt juhtinud tähelepanu kohalike nõukogude istungjärkude protokollide õige vormistamise tähtsusele ja teravalt hukka mõistnud nähtuse, kus eriti mõnede külanõukogude esimehed ja sekretärid on lubamatult hooletult suhtunud istungjärkude protokollide vormistamisse. Vormikohaste protokollide koostamine on vajalik esiteks selleks, et kõrgemalseisvad organid saaksid teostada kontrolli istungjärgulise töö õige kulgemise üle. Teiseks, saadikute sõnavõttud ja kriitilised märkused, samuti protokolliliselt vastuvõetud otsused saavad olla aluseks täitev-korraldavaile organeile neist juhendumiseks vaid siis, kui nad on kirjalikult fikseeritud (vastasel korral nad võivad ununeda ja neist ei tehta vajalikke järeldusi). Kolmandaks, istungjärgu kirjalikult fikseeritud materjalide alusel on võimalik teostada kontrolli esinenud puuduste kõrvaldamiseks ettenähtud abinõude tegeliku kasutuselevõtu kohta.

Ärakiirjad istungjärkude protokollidest ja vastuvõetud otsustest tuleb hiljemalt 7 päeva jooksul saata kõrgemalseisva nõukogu täitevkomiteele, rajooni ja vabariikliku alluvusega linnade nõukogude istungjärkude materjalid aga sama tähtaja jooksul Ülemnõukogu Presiidiumile ja Ministrite Nõukogule.

4. Kohalike nõukogude istungjärgudel vastuvõetud otsuste täitmise kontrolli organiseerimine

Kohalike nõukogude istungjärgudel vastuvõetud otsused on eeskätt tegevusjuhiseiks vastava nõukogu täitev-korraldavaile organeile. Samal ajal on nad mobiliseeriva ja organiseeriva iseloomuga üleskutseiks saadikuile, aktiivile ja kogu elanikkonnale. Nende õigeaegsel ja õigel täitmisel on seepärast suur mobiliseeriv ja suunav tähendus nii täitevkomiteele kui ka vastavatele asutustele, ettevõtetele ja organisatsioonidele.

Vastutus kohalike nõukogude istungjärgudel vastuvõetud otsuste täitmise organiseerimise eest lasub eelkõige täitevkomiteedel. Kõigepealt lasub täitevkomiteedel ülesanne kindlustada, et istungjärgudel vastuvõetud otsused või väljavõtted nendest oleksid viivitamatult saadetud kõigile vastava nõukogu saadikutele, alaliste komisjonidele, madalamalseisvate nõukogude täitevkomiteedele, ning neile asutustele, ettevõtetele ja organisatsioonidele, keda üks või teine otsus otseselt puudutab või kohustab. Täitevkomiteedel lasub ka nõukogu istungjärgudel vastuvõetud otsuste elluviimiseks vajalike organisatsiooniliste vahendite plaani väljatöötamine ja selle elluviimise üle kontrolli teostamine. Siinjuures tuleb alati mees pidada, et igasugune viivitamine nõukogu otsuste elluviimisel kahandab kohalike nõukogude autoriteeti, kahandab vastuvõetud otsuste mobiliseerivat toimet. Seepärast on eriti vajalik, et istungjärgul vastuvõetud otsuste elluviimiseks organisatsiooniliste abinõude plaani väljatöötamisel näeksid täitevkomiteed ette üksikute ürituste läbiviimise eest vastutavad isikud, ürituste läbiviimise tähtajad

ning täitmise kontrolli vormid. Nii eespool märgitud plaani täitmist kui ka istungjärgul vastuvõetud otsuse enda täitmise käiku peab täitevkomitee süstemaatiliselt kontrollima nii oma koosolekuil kui ka operatiivkorras täitevkomitee juhtkonna vastavate liikmete poolt teostatava kontrolli näol.

Teostades pidevat ja süstemaatilist kontrolli istungjärgudel vastuvõetud otsuste täitmise üle, tuleb täitevkomiteel kasutada nii otsuse täitmise olukorraga tutvumist kohapeal kas täitevkomitee liikmete poolt isiklikult, eritöötajate või brigaadide kohalesaatmisega või alaliste komisjonide ja saadikute ärakasutamisega kui ka täitjate aruannete ärakuulamist täitevkomitee koosolekuil, täitjatelt kirjalike või suuliste õiendite või informatsiooni nõudmist või siis täitjatega operatiivnõupidamiste läbiviimist.

Igal juhtumil tuleb saavutada seda, et täitevkomiteel oleks igal ajal ülevaade sellest, millises staadiumis on ühe või teise istungjärgul vastuvõetud otsuse täitmine. Kahjuks just selles osas esinebki meie kohalike nõukogude täitevkomiteede tööpraktikas veel olulisi puudujääke. Sellise ülevaate saamiseks on küllaltki tähtis osa täitmise kontrolli teostamise tehnilisel küljel ja vastavate täitmise arvestusdokumentide õigel pidamisel.

Kõrvuti täitevkomiteedega lasuvad kohalike nõukogude istungjärgudel vastuvõetud otsuste täitmise kontrollimisel küllalt suured ülesanded ka kohalike nõukogude alalistel komisjonidel.

Kohalike nõukogude alalised komisjonid on kohalike nõukogude abiorganid ja juba vastavalt nende põhimäärusele on nende otseks ülesandeks kohaliku nõukogu otsuste täitmise organiseerimine ja nende täitmise kontrollimine vastava nõukogu territooriumil asuvate asutuste, ettevõtete ja organisatsioonide poolt.¹⁹

Järelikult peavad ka vastavad alalised komisjonid nende tööharru puutuvate kohalike nõukogude otsuste-täitmisele kaasa aitama ning teostama nende täitmise pidevat kontrolli nii komisjoni koosolekuil kui ka komisjoni liikmeile vastavate ülesannete andmisega. On tingimata vaja, et vastavad alalised komisjonid juba kollegi-aalses töövormis töötaksid välja vastava organisatsiooniliste abinõude plaani, jaotaksid komisjoni liikmete vahel tööülesanded, arutaksid läbi nende ülesannete täitmise tulemused, avastatud vead ja puudused otsuste täitmise käigus, töötaksid välja omapoolsed ettepanekud nende kõrvaldamiseks ja esitaksid need kas täitevkomiteele või nõukogu istungjärgule. Just alaliste komisjonide kaudu avaldub ja peab avalduma rahvasaadikute aktiivne osavõtt istungjärgul vastuvõetud otsuste täitmisest ja realiseeruma V. I. Lenini poolt antud iseloomustus uut tüüpi esindusasutustele, mille liikmed „peavad ise töötama, ise täide viima oma seadused, ise kontrollima seda, mis neist elus saab, ise otseselt vastutama oma valijate ees”²⁰

¹⁹ Vt. põhimääruse III osa p. 5.

²⁰ V. I. Lenin, Teosed, 25. kd., Tallinn 1954, lk. 396.

Istungjärgul vastuvõetud otsuste täitmise kontrollimisel on täita suured ülesanded ka vastaval nõukogul endal tema istungjärgulises töövormis. Nimelt on otstarbekohane aeg-ajalt võtta kohaliku nõukogu istungjärgu päevakorda küsimusi mõnel eelmisel istungjärgul vastuvõetud otsuse täitmise kohta. Eriti on see vajalik otsuste puhul, mis on vastu võetud mõne eriti tähtsa küsimuse arutamisel ja milles on antud direktiivid, mille täitmine hõlmab paljusid ettevõtteid ja asutusi ning omab perspektiivset iseloomu. Samuti on vaja võtta istungjärgul arutamisele küsimusi nende otsuste täitmisest, mille kohta saadikuilt ja alalistelt komisjonidelt on saabunud signaale nende täitmisega viivitamise või täitmata jätmise kohta. Aruandjana tuleb sellistel juhtumel ette näha täitevkomitee ja kaasarandjana vastav alaline komisjon. Sellise praktika kasutamine aitaks vältida praegu veel meie kohalike nõukogude tööpraktikas võrdlemisi laialt levinud negatiivse nähtuse esinemist, kus istungjärgudel korduvalt võetakse vastu ühes ja samas küsimuses ühesuguseid otsuseid, kuna varem selles küsimuses vastuvõetud otsus on jäänud täitmata ja ununenud. Teostades istungjärgul varem vastuvõetud otsuse täitmise kontrolli, ei tule selles küsimuses järelikult mitte vastu võtta kordavat, analoogilise sisuga otsust, vaid otsus, mis näeb ette vahendid eelmise otsuse täitmise alal esinenud puuduste ja vigade kõrvaldamiseks.

Kohaliku nõukogu istungjärgulise töövormi osatähtsuse tõstmiseks kohalike nõukogude otsuste täitmise kontrollimisel on Eesti NSV Ülemnõukogu Presiidiumi poolt soovitatud kõigis kohalikes nõukogudes kasutusele võtta ka tööpraktika, mille kohaselt igal järjekordsel istungjärgul täitevkomitee esimees või tema asetäitja annaks informatsiooni eelmisel istungjärgul vastuvõetud otsuse täitmise käigu kohta. Selline informatsioon annab saadikutele ülevaate otsuste täitmise alal juba tehtud tööst ja ühtlasi aluse täitevkomitee ja tema osakondade töö hindamiseks.

Kuigi see praktika on tegelikult juba meie kohalike nõukogude tööpraktikasse juurdunud, ei saa siiski märkimata jätta selle formaalset iseloomu paljudes meie kohalikes nõukogudes. Juba esitatud informatsioonid ise kannavad sageli vaid tehtud tööde lühiloetelude iseloomu, sisuliselt analüüsimata täitmisel tehtud vigu või täitmise viivitamise põhjusi. Informatsioonile tavaliselt saadikute sõnavõtte ei järgne, millest nähtub, et alalised komisjonid kui ka saadikud on vähe tegelnud otsuste täitmise kontrollimisega. Just alaliste komisjonide aktiivsuse tõstmine aitaks aga selle vormi tähtsust otsustavalt tõsta.

*

Sotsialismilt kommunismile järkjärgulise ülemineku protsessis esilekerkivate praktiliste ülesannete lahendamine asetab aasta-aastalt meie riigiparaadi ette üha komplitseeritumaid ülesandeid, mis nõuavad kogu meie riigiparaadi töö edasist pidevat parandamist ja täiustamist. Kõik see asetab omakorda erilise tähtsuse organi-

satsioonilise töö küsimustele, sest riigiparaadi töö parandamine ja täiustamine on otseses seoses nõukogude demokraatia edasiarene- misega, riigiparaadi ja elanikkonna vahelise seose edasise tihen- damisega. Ei ole kahtlust, et meil selles osas on märkimisväärsed edusamme. On kasvanud meie kohalike nõukogude organisatsioonil- lis-massilise töö kogemused, on tõusnud kohalike nõukogude osa- tähtsus kohaliku elu küsimuste lahendamisel, on tugevnenud nende side rahvahulkadega, tõusnud nende autoriteet rahvahulkade silmis. Kuid oleks väärt mitte näha meie kohalike nõukogude töös veel esi- nevaid puudusi ja mõnigi kord ka organisatsioonilis-massilise töö alahindamise fakte. Järelikult ülesanne seisab selles, et lühima ajaga likvideerida kohalike nõukogude ja nende täitevkomiteede töös esine- vad puudused ja tõsta nende töö uuele kõrgemale tasemele, korral- dada kohalike nõukogude töö nõnda, et rahvasaadikute kui „meie maa eesrindlike inimeste armee võtaks kõige aktiivsemalt osa nõu- kogude tööst, veelgi tugevamalt seoks Nõukogude riigiparaati laiade töörahva hulkadega”²¹

²¹ K. J. Vorosilov, Kõne NLKP XX kongressil, Tallinn 1956, lk. 14.

О СЕССИОННОЙ ФОРМЕ РАБОТЫ МЕСТНЫХ СОВЕТОВ ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ

Канд. юрид. наук К. Пюсс

Кафедра государственного права и управления

Резюме

При построении коммунистического общества в нашей стране особое значение имеет советский государственный аппарат, который своей работой, направленной на мобилизацию и организацию трудящихся масс, должен обеспечить успешное разрешение всех стоящих перед нами очередных задач. Советы депутатов трудящихся составляют часть единого советского государственного аппарата, часть, которой принадлежит вся власть в стране. Через Советы народные массы принимают активное участие в руководстве всеми отраслями общественной, хозяйственной и культурной жизни страны.

Местные Советы депутатов трудящихся являются местными органами государственной власти на своей территории и обладают широкой и многообразной компетенцией в хозяйственном и культурно-политическом строительстве. При этом специфическая особенность их деятельности заключается в том, что они, действуя в пределах прав, предоставленных им законами, должны с учетом местных условий и особенностей обеспечить претворение в жизнь законов посредством использования методов и приемов, способствующих в данных конкретных условиях получению максимальных результатов в смысле поставленной законами цели. В этом проявляется характер их организующей, мобилизующей трудящиеся массы деятельности. Местные Советы депутатов трудящихся должны обеспечить неуклонное проведение в жизнь законов и выражающейся в них политики Коммунистической партии на основе максимального развертывания и использования местной инициативы и общественной самостоятельности трудящихся масс.

Успешность решения этих задач существенным образом зависит от того, как поставлена организационно-массовая работа местных Советов, в какой мере местные Советы объединяют вокруг себя народные массы и привлекают их к повседневной работе управления государством.

Как отметил Н. С. Хрущев в отчетном докладе ЦК КПСС XX съезду, великие задачи коммунистического строительства требуют еще большего повышения творческой активности и инициативы трудящихся, широкого участия народных масс в управлении государством, во всей той гигантской организаторско-хозяйственной работе, которая ведется в нашей стране. Это значит, что мы должны всемерно развивать советский демократизм, еще более повышать уровень организационно-массовой работы. Поэтому и председатель Президиума Верховного Совета СССР К. Е. Ворошилов в выступлении на съезде указал на необходимость дальнейшего улучшения деятельности Советов, укрепления их связи с массами, осуществления регулярной отчетности депутатов Советов перед избирателями, регулярного проведения сессий Советов депутатов трудящихся с постановкой и разрешением на них вопросов хозяйственного и культурного строительства, здравоохранения и др.

Учитывая важное значение организационно-массовой работы местных Советов, настоящая статья ставит перед собой задачу рассмотреть с точки зрения организационно-массовой работы одну из форм деятельности местных Советов, а именно подготовку и проведение сессий местных Советов. На сессиях местных Советов решаются все важнейшие вопросы местной государственной жизни, и сессионный порядок работы Советов создает широкие возможности для постоянного и активного участия депутатов, а также активистов в работе Советов. В статье рассматриваются вопросы подготовки и проведения сессий Советов и на основе обобщения практики работы местных Советов депутатов трудящихся Эстонской ССР устанавливаются основные требования, соблюдение которых способствует дальнейшему повышению авторитета местных Советов как органов государственной власти.

В первой части статьи рассматриваются сущность и задачи сессионной формы работы местных Советов, значение регулярного проведения сессий, а также проблемы, связанные с созывом сессий и с подбором вопросов, которые предлагаются внести на рассмотрение Совета.

Вторая часть статьи посвящена вопросам подготовки сессий местных Советов. Подчеркивается значение, которое имеет в повышении уровня сессионного порядка работы местных Советов привлечение постоянных комиссий, а также депутатов и местного актива к подготовке сессий. Далее рассматриваются те организационные формы, которые обеспечивают тщательную и обстоятельную подготовку вопросов с участием широкого актива. Подробно анализируются задачи, возложенные на исполнительные комитеты Советов по подготовке сессий, а также вопросы, связанные с составлением докладов, содокладов и проектов решений.

В третьей части статьи рассматриваются вопросы, которые непосредственно связаны с проведением сессий как общих собраний депутатов. Рассмотрению подвергаются такие вопросы, как вопрос

о признании сессии правомочной (наличие кворума), избрание председателя и секретаря, установление порядка дня сессии и регламента, порядок разбирательства вопросов и вынесения решения, порядок пользования правом запроса и т. д.

Последняя часть посвящена вопросам, связанным с организацией проверки исполнения принятых на сессии решений. Подчеркивается значение своевременного и правильного выполнения решений местных Советов и рассматриваются те формы организации проверки исполнения, которые на базе привлечения широких масс трудящихся помогают предотвратить неисполнение или неправильное исполнение решений местных Советов. Рассмотрению подвергаются формы проверки исполнения как на сессиях местных Советов и на заседаниях исполнительных комитетов Советов, так и на заседаниях постоянных комиссий.

ОСОБЕННОСТИ ПРАВООТНОШЕНИЯ ПО ВОСПИТАНИЮ ДЕТЕЙ

Канд. юрид. наук Ж. Ананьева

Кафедра гражданского права и процесса

В социалистическом обществе созданы исключительно благоприятные условия для полного удовлетворения одной из важнейших человеческих потребностей — потребности иметь семью, растить и воспитывать детей. Удовлетворение этой потребности осуществляется в условиях гармонического сочетания интересов личности и общества. «Коммунизм стремится создать полноценного, жизнерадостного человека, а без счастья материнства и отцовства личность не полна ни для отдельного человека, ни для общества». ¹

Дружный трудовой семейный коллектив, идейно сплоченный участием его членов в коммунистическом строительстве, объединяемый взаимной любовью, моральной и материальной поддержкой в быту, представляет собой наилучшую обстановку для формирования личности ребенка.

Всемерное укрепление семьи и повышение ее роли в коммунистическом воспитании детей является одной из важнейших задач партии. Советское государство, расширяя сферу общественного воспитания и оказывая родителям широкую материальную помощь, вместе с тем направляет воспитательную деятельность родителей в соответствии с теми общими задачами, которые ставятся коммунистической партией в области воспитания нового поколения строителей коммунизма.

Одним из средств осуществления этих задач является советское семейное право, закрепляющее и развивающее социалистические отношения, складывающиеся в семье при осуществлении ею своих функций. Особенное внимание законодатель уделяет правовому регулированию отношений родителей и детей с целью укрепления связи между ними и повышения ответственности родителей перед обществом за воспитание детей в коммунистическом духе. Регулирующая и направляющая сила этих норм права, установленных советским государством, осуществляется через конкретные

¹ Передовая газеты «Правда», № 157. от 9 июня 1936.

правоотношения по воспитанию детей. Поэтому теоретический анализ состава правоотношения по воспитанию детей, раскрытие его отличительных особенностей, обуславливающих характер эффективной правовой защиты интересов его субъектов, имеет значение как для дальнейшего развития законодательства, так и для судебной практики.

I.

Одной из отличительных особенностей правоотношения по воспитанию детей является то обстоятельство, что одним из субъектов его всегда являются дети, т. е. лица, полностью или частично недееспособные. Дети являются управомоченными субъектами данного правоотношения, наделенными субъективными правами. В СССР у каждого ребенка с момента его рождения возникает субъективное право на получение таких условий воспитания, которые обеспечивают его нормальное физическое и интеллектуальное развитие, необходимое для будущего активного участия в общественно-полезной деятельности по строительству коммунизма. Правомочие ребенка охраняется путем возможности притязания к обязанным субъектам данного правоотношения. Соответствующая правомочию ребенка правовая обязанность совершения активных действий, удовлетворяющих его интересы, возлагается прежде всего на родителей. Статья 41 КЗОБСО РСФСР (и соответствующие статьи семейно-брачных кодексов других республик) возлагает на родителей правовые обязанности «заботиться о несовершеннолетних детях, в частности об их воспитании и подготовке к общественно-полезной деятельности».

Советским людям присуще глубокое чувство любви к детям, чувство высокой ответственности за выполнение своего гражданского долга, и подавляющая масса родителей считает делом чести добровольное исполнение обязанности по воспитанию детей. Однако до тех пор, пока в сознании людей еще не изжиты пережитки прошлого, остается необходимым наряду с широкой воспитательной работой применение мер принуждения к отдельным родителям, в отношении которых воспитательные меры оказались безрезультатными. Поэтому притязанию ребенка придан правовой характер, оно охраняется принудительной силой государства. Невыполнение обязанностей по воспитанию и содержанию несовершеннолетних детей, как и неправомерное использование родительских прав влечет за собой не только применение мер общественного воздействия², но и ряда правовых санкций. Так:

1) Постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 31 мая 1935 г.

² Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 31 мая 1935 года (СЗ СССР № 32, ст. 252) обязывает органы просвещения и милиции доводить до сведения общественных организаций по месту работы родителей об отсутствии надзора со стороны родителей за поведением детей.

«О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности»³ органам милиции предоставлено право штрафовать родителей в административном порядке в пределах до 200 рублей за озорство и уличное хулиганство детей. Установлена также материальная ответственность родителей и опекунов за действия детей, причинившие материальный ущерб.

2) За отказ посылать детей в школу родители подлежат ответственности в административном порядке⁴.

3) В случае непредставления содержания детям таковое взыскивается в судебном порядке (ст. 42 КЗОБСО РСФСР и соотв. статьи кодексов других республик), а злостный неплатеж средств на содержание детей, равно и оставление детей до их совершеннолетия без всякой поддержки карается тюремным заключением до 2-х лет (ст. 158 УК РСФСР).

4) Подрекательство несовершеннолетних или привлечение их к участию в различных преступлениях, а также понуждение несовершеннолетних к занятию спекуляцией, проституцией, ниществом и т. п. влечет за собой лишение свободы на срок не ниже 5 лет (ст. 73² УК РСФСР).

5) Учитывая, что правильное воспитание детей не может быть обеспечено одним применением вышеуказанных принудительных мер к родителям, умышленно уклоняющимся от осуществления своих обязанностей, государство, в исключительных случаях, в целях охраны интересов ребенка, временно устраняет родителей от его воспитания. Так, согласно вышеуказанному Постановлению СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 31 мая 1935 г в случаях «когда родители не обеспечивают надлежащего присмотра за поведением ребенка, органы наркомпроса обязаны возбуждать вопрос перед судебными органами об изъятии ребенка от родителей и о помещении его в детский дом с оплатой стоимости его содержания за счет родителей».⁵ Эти дела разрешаются судами в соответствии со ст. 46 КЗОБСО РСФСР.

6) И, наконец, при неправомерном осуществлении родительских прав суду предоставляется право лишать родителей их прав (ст. 31 УК РСФСР, ст. 33 КЗОБСО РСФСР и соответствующие статьи семейно-брачных кодексов других республик).

Практическое применение вышеперечисленных правовых санкций редко вызывается необходимостью, ибо, как уже отмечалось, подавляющее большинство родителей добросовестно выполняет свои обязанности по воспитанию детей.

Осуществление прав ребенка и правовых обязанностей родителей приводит к удовлетворению интересов семьи и интересов общества, поскольку в социалистическом обществе охраняемый пра-

³ СЗ СССР 1935 г. № 32, ст. 252.

⁴ Постановление ЦИК и СНК СССР от 14 августа 1930 г. (СЗ СССР 1930 г., № 39, ст. 420, 1931 г., № 6, ст. 68)

⁵ СЗ СССР 1935 г., № 32, ст. 252.

вом индивидуальный интерес есть проявление интереса общественного. Неуклонное повышение материального уровня жизни трудящихся, экономическое и политическое раскрепощение женщины, разносторонние мероприятия государства по охране материнства и младенчества — все это создает особо благоприятные условия для полного удовлетворения этих интересов.

Установленный Конституцией СССР принцип всеобщей государственной охраны интересов детей находит конкретное осуществление в частности в том, что Советское государство гарантирует при всех обстоятельствах полное удовлетворение прав детей на получение надлежащих условий воспитания. В реализации этого принципа Советское государство не ограничивается установлением правовых обязанностей родителей и разносторонней помощью им в осуществлении воспитания детей, но предусматривает и те случаи, когда притязание ребенка на получение нормальных условий воспитания не может быть удовлетворено за счет родителей. Во всех случаях, когда ребенок лишился родителей, или когда последние не способны осуществлять его воспитание (например, вследствие болезни), или же не имеют для этого объективных условий и т. п., государство берет на себя удовлетворение прав ребенка, оно само создает ему все необходимые условия воспитания в детском учреждении. Всеобщая государственная охрана прав и интересов детей — одно из конкретных свидетельств великой прогрессивной роли социалистического государства, одно из ярких проявлений социалистического гуманизма.

Наша Родина достаточно богата, чтобы обеспечить государственным содержанием и воспитанием всех детей, лишившихся родителей, наше государство не жалеет средств для этого, у нас создана широкая сеть благоустроенных детских учреждений, однако, учитывая преимущества семейного воспитания для формирования личности ребенка, естественное стремление детей к жизни в семье, как и стремление советских людей воспитывать детей, а также преследуя цель всемерного укрепления семьи, советское государство принимает все меры к тому, чтобы дети, лишившиеся родителей, получили возможность воспитываться в другой семье. Исходя из этого, законодатель устанавливает, что правовые обязанности по воспитанию детей могут быть соответствующим актом государственного управления перенесены на других лиц: усыновителей, опекунов, попечителей и лиц, принявших детей в патронаж.⁶

Как видно из вышеуказанного, в правоотношении по воспитанию детей права и обязанности прежде всего распределяются между детьми и родителями (или лицами, их заменяющими)

⁶ С установлением усыновления, опеки, попечительства и патронажа возникают конкретные правоотношения по воспитанию детей, имеющие свои особенности, однако рамки данной статьи не позволяют остановиться на их анализе, поэтому мы ограничиваем свою задачу исследованием особенностей правоотношения по воспитанию между детьми и родителями.

Управомоченными субъектами являются дети, а субъектами правовых обязанностей — родители. Содержание правовых обязанностей последних соответствует содержанию правомочия детей.

II.

Содержание исследуемого правоотношения не исчерпывается означенными выше правами и обязанностями. Все вышеизложенное и весь смысл законодательства, регулирующего отношения между родителями и детьми, не дает никакого основания утверждать, что «родительские права — это скорее обязанности родителей по воспитанию и содержанию детей».⁷ Такое заключение было бы противопоставлением интересов детей и родителей; между тем, они не могут рассматриваться изолированно. Нельзя не учитывать все огромное значение семьи как ячейки социалистического общества, основным назначением которой является продолжение рода советских людей. Нельзя забывать, что воспитание в кругу семьи, под непосредственным воздействием любящих родителей является величайшим благом для ребенка и что подавляющее большинство советских людей ставит основной целью личной жизни воспитание детей, достойных матери-Родины. Все это свидетельствует о неразрывном единстве интересов детей, родителей и общества при социализме, о недопустимости противопоставления этих интересов.

Из неразрывного единства этих интересов и исходит законодатель, регулируя отношения по воспитанию детей. Личное воспитание детей по советскому семейному праву не только обязанность, но и важнейшее субъективное право родителей, являющееся как средством осуществления их обязанностей, так и средством охраны их интересов. Личное воспитание детей — это обязанность родителей перед детьми, но это, вместе с тем, их право перед всеми третьими лицами. «Реальность субъективного права выражается прежде всего в том, что ему соответствует обязанность, возлагаемая на других, противостоящих управомоченному лицу».⁸ Родителям, как управомоченным лицам данного правоотношения, противостоят все третьи лица, несущие обязанность воздержания, обеспечивающую родителям возможность совершения определенных действий в целях удовлетворения юридически охраняемых интересов детей и интересов родителей, а, следовательно, и проявляющихся в них общественных интересов.

Таким образом, родители, будучи обязанными лицами по отношению к детям, вместе с тем являются управомоченными субъектами по отношению ко всем третьим лицам. Их преимуществен-

⁷ Н. В. Рабинович, Личные и имущественные отношения в советской семье, Изд. ЛГУ, 1952, стр. 74.

⁸ О. С. Иоффе, Правоотношение по советскому гражданскому праву, Изд. ЛГУ. 1949, стр. 55.

ное перед другими лицами право на воспитание своих детей охраняется законом. Советское государство, создавая все необходимые условия для осуществления родителями их обязанностей по воспитанию детей в семье, уполномочивает их на это законом, обязывая всех и каждого воздерживаться от действий, препятствующих родителям в осуществлении разумного и целеустремленного воспитательного воздействия на детей. Так, согласно ст. 44 КЗОБСО (и соотв. статьям семейно-брачных кодексов других республик), родители вправе требовать в исковом порядке возвращения детей от любого лица, удерживающего их у себя не на основании закона или постановления суда. Усыновление, установленное с нарушением прав родителей, подлежит отмене по требованию последних (ст. 65 КЗОБСО РСФСР). Договор патронирования подлежит досрочному расторжению в случае требования явившихся из неизвестного отсутствия родителей⁹. Хотя в семейно-брачном кодексе не содержится соответствующей специальной нормы, но, исходя из указаний ст. 71 КЗОБСО РСФСР о том, что родители признаются опекунами и попечителями детей без специального назначения, следует считать, что назначенная над детьми опека или попечительство также подлежит прекращению в случае требования явившихся из неизвестного отсутствия родителей, а также в случае их выздоровления, если опека или попечительство над детьми было установлено в связи с заболеванием родителей. Устранение родителей от воспитания детей в случае ненадлежащего осуществления ими своих обязанностей (не только в случае, предусмотренном ст. 46 КЗОБСО, но даже в случае лишения родительских прав), по мысли законодателя, должно быть временным и носить в основном характер ограничения прав, а не полного прекращения связи между родителями и детьми (см. ст. 47 КЗОБСО РСФСР). Эти меры охраны интересов детей, вместе с тем, направлены на воспитание родителей; ограждая интересы детей, они преследуют и цель изменения поведения родителей по отношению к детям, и в случае достижения этой цели родительские права могут быть вновь полностью восстановлены, тогда как права усыновителей, опекунов и попечителей прекращаются бесповоротно с отстранением их от воспитания ребенка.

На основании вышеизложенного мы вправе сделать вывод, что несмотря на то, что наши семейно-брачные кодексы недостаточно четко формулируют преимущественное право родителей на личное воспитание своих детей, вся совокупность норм о правах и обязанностях родителей не оставляет никакого сомнения в том, что законодатель исходит из признания этого права за родителями, ограждает его от всякого неправомерного нарушения со стороны третьих лиц и всегда представляет родителям защиту их права, за исключением тех случаев, когда отдельные родители

⁹ См. § 11 Инструкции Наркомпроса РСФСР, Наркомздрава РСФСР, Наркомюста РСФСР, утвержд. Постановлением СНК РСФСР от 8 апреля 1943 г. № 325 (СП РСФСР 1943 г. № 3, ст. 24).

пытаются использовать это право в ущерб интересам ребенка. Более того, анализ законодательства дает полное основание утверждать, что право родителей на личное воспитание своих детей занимает центральное место в советском институте родительских прав. В защите прав родителей от нарушений со стороны третьих лиц выражается направленность советского семейного права на всемерное укрепление семьи.

Принцип всемерной охраны родительских прав основывается на положениях марксизма-ленинизма о семье в социалистическом обществе. Еще в «Манифесте Коммунистической Партии» К. Маркс и Ф. Энгельс разоблачили гнусную клевету буржуазии об упразднении семьи при коммунизме. Коммунистическая партия всегда решительно пресекала всякие стремления врагов из контрреволюционного лагеря поколебать советскую семью, попытки ликвидировать советское семейное право. Партия решительно осудила как антимарксистские разнообразные «теории» о постепенной замене семейного воспитания государственным, которые протаскивались иногда в литературу в первой фазе развития нашего государства. Партия и государство, укрепляя семью, исходят из положения о том, что «и в коммунистическом обществе никто не заменит детям матери и отца, материнских и отцовских забот. Воспитание детей в развитом коммунистическом обществе будет одной из важнейших общественных функций, которая во многом будет лежать на родителях. При социализме же семья, кроме того, должна брать на себя и основные материальные заботы о детях, воспитывая борцов и строителей коммунизма».¹⁰

Непонимание вышеизложенной особенности правоотношения по воспитанию детей, как уже отмечалось, нашло выражение в юридической литературе в виде сведения родительских прав к одним обязанностям. Иногда оно проявляется и в судебной практике в необоснованных отказах в иске родителям о возврате детей от третьих лиц.

В практике Верховного суда СССР четко подчеркивается идея законодателя о преимущественном перед другими лицами праве родителей на воспитание своих детей. Верховный суд СССР последовательно отменяет решения нижестоящих судов, вынесенные с нарушением этого права, и указывает судебным органам на необходимость удовлетворения требований родителей о возвращении детей от третьих лиц, за исключением тех случаев, когда это существенным образом противоречит интересам детей. Это можно видеть в целом ряде определений Верховного суда по спорам о воспитании детей.

Так, в определении по иску матери Т. к К. об отобрании ребенка Верховный суд разъяснил, что указания ст. 44 КЗОБСО следует рассматривать в том смысле, «что суд может отказать родителям в иске о возврате ребенка только в том случае, если родители не могут обеспечить надлежащее воспитание ребенка

¹⁰ «Правда» от 26 августа 1934.

и что с передачей ребенка родителям интересы его будут нарушены»¹¹ Разумеется, преимущественным правом перед третьими лицами пользуется не только мать, а в равной степени и отец ребенка. В качестве примера решения дела в пользу отца по иску его к третьим лицам можно указать на дело по иску К. (отца ребенка) к П., где в определении Верховного суда СССР мы читаем следующее: «При отсутствии фактов неисполнения К-м своих родительских обязанностей или неправомерного осуществления им своих родительских прав определение суда об отказе К. в иске и об оставлении ребенка на воспитание у деда и бабушки П. является нарушением родительских прав и противоречит ст. 18 КЗОБСО УССР». ¹²

Верховный суд СССР отвергает обоснование решения об отказе в иске родителям наличием хороших условий воспитания у третьих лиц, во всех тех случаях, когда родители сами способны обеспечить воспитание ребенка. Так, в определении по иску Ф. к Л. Верховный суд признал несостоятельными соображения суда о том, что ребенок содержится у третьих лиц в хороших условиях и что поэтому не в его интересах передавать его матери, и указал, что суд, решением которого в иске матери было отказано, не учёл «... того обстоятельства, что ребенок оказался у ответчиков случайно вследствие гибели от рук фашистов родителей истицы, у которых находился ребенок. Данных о том, что мать ребенка не может дать ему надлежащего воспитания, в деле не имеется, наоборот, в деле имеются положительные сведения об истице. При наличии таких условий нет оснований отказывать матери в иске о возврате своего ребенка и лишать ребенка родной матери».¹³

В приведенных выше определениях, как и других, Верховный суд, как мы видим, в качестве основного условия признания за родителями преимущественного права на воспитание детей, ссылается на способность родителей дать надлежащее воспитание ребенку, на безупречное отношение их к выполнению своих родительских обязанностей.

Что касается значения иных условий воспитания, то принципиальное положение в отношении их оценки сформулировано в одном из определений Верховного суда следующим образом: «Истица является матерью ребенка, а поэтому она даже при наличии равных с ответчицей условий (подчеркнуто мной — Ж. А.) имеет перед последней преимущественное право непосредственно воспитывать своего ребенка».¹⁴

Нам представляется, что достаточным основанием для призна-

¹¹ Сборник Постановлений Пленума и определений Коллегий Верховного суда СССР за 1944 г. Москва 1948, стр. 347—348.

¹² Сборник Постановлений Пленумов и определений Коллегий Верховного суда СССР за 1940 г., стр. 191—192.

¹³ «Судебная практика Верховного суда СССР», 1946, вып. II (XXVI), стр. 24.

¹⁴ Определение ГСК № 36/1027, 1950 г., по делу об иске С. к Е.

ния преимущественного перед третьими лицами права родителей на воспитание своих детей является наличие у них не только равных с третьими лицами условий воспитания, но наличие просто нормальных для этого условий, возможно, даже в какой-то мере уступающих условиям воспитания у третьих лиц (особенно в части жилищных и материальных возможностей; ибо наличие лучшей квартиры или более высокой зарплаты не может быть решающим моментом при определении судьбы ребенка).

В свете сказанного выше представляется необходимой более четкая редакция ст. 44 КЗОБСО РСФСР. В ней должно быть отражено положение о том, что родители, при наличии у них нормальных условий для воспитания, имеют преимущественное перед третьими лицами право на личное воспитание своих детей, что отказ в иске родителям о возврате им детей от третьих лиц может иметь место только в том случае, когда обстоятельствами дела установлено, что родители не в состоянии или не хотят дать ребенку надлежащее воспитание, что передача им ребенка явно противоречит интересам последнего. Думается, что данная точка зрения находится в полном соответствии с задачей всемерного укрепления семьи.

Однако изложенным выше не может быть ограничен анализ правоотношения по воспитанию детей. Можно придти к совершенно неправильным выводам, если не принять во внимание еще одну его существенную особенность, на которой и остановимся ниже.

III

В советском обществе дело воспитания детей не является частным делом родителей, а поэтому, несмотря на сказанное выше о преимущественном праве родителей на непосредственное воспитание своих детей, это право охраняется законом не безусловно. Своеобразие родительских прав по советскому закону заключается в том, что родители, обладая правом на личное воспитание детей, одновременно обязаны реализовать это право в интересах детей. При нарушении этого требования право родителей не только лишается защиты, но более того, государство активно вмешивается в семейные отношения, ограничивая или лишая родителей их прав (ст. 46 и 33 КЗОБСО РСФСР). В этом особенно отчетливо проявляется принципиальная противоположность родительских прав у нас этим же правом в буржуазном законодательстве. Вся история развития института родительского права в антагонистическом обществе есть история развития отцовской власти. Осуществление этой власти — частное дело семьи. Буржуазное государство вмешивается в отношения родителей и детей лишь в той мере, в какой это диктуется интересами господствующего класса. В советском же семейном праве условием признания самого родительского права является осуществление правомочий путем совершения ак-

тивных действий, направленных на удовлетворение интересов детей.

В сознании отдельных родителей, к сожалению, еще живучи пережитки капитализма, проявляющиеся в семейных отношениях. Они обнаруживаются в частности в безразличном, черством, а подчас и жестоком отношении к детям, в уклонении от выполнения родительских обязанностей. Исключительно вредное, разлагающее влияние на подрастающих детей оказывает пьянство, хулиганство и связанные с ними другие аморальные поступки родителей. Подобные родители не могут обеспечить нормальное физическое и интеллектуальное развитие ребенка, его надлежащую подготовку к будущей трудовой деятельности, поэтому родительские права в таких случаях лишаются государственной охраны. Это необходимо в интересах детей и общества. Так, ст. 44 КЗОБСО РСФСР дает суду право отказать родителям в иске к третьим лицам, если возвращение ребенка противоречит его интересам. Этим указанием строго руководствуется судебная практика. Так, например, Верховный суд СССР по делу К.,¹⁵ согласился с решением суда, которым отказано в иске отцу об отобрании ребенка от бабушки, исходя из того, что отец в течение 4-х лет после смерти матери не интересовался судьбой ребенка, оставшегося на попечении бабушки. Он не только не принимал участия в воспитании дочери, но в течение этих лет даже не навестил ее ни разу, хотя проживал в одном городе с ней; вследствие этого пятилетний ребенок не знал своего отца. Бабушка же создала все условия для нормального развития ребенка, девочка чувствует к ней привязанность, как к матери.

Недобросовестное и равнодушное отношение родителей к своим обязанностям по отношению к детям и в других конкретных делах всегда расценивается Верховным судом СССР¹⁶ как основание для непризнания за ними преимущественного права на воспитание детей.

Такой же практики придерживается Верховный суд и народные суды ЭССР. Так например, Верховный суд ЭССР согласился с решением нарсуда, которым отцу М. было отказано в иске об отобрании ребенка от бабушки Р., на том основании, что истец никогда не проявлял забот и чувства любви к своему ребенку. Он бросил свою беременную жену, не оказывал ей материальной помощи, после ее смерти совершенно не интересовался судьбой оставшегося ребенка и до предъявления данного иска ни разу его не видел. Ответчица же воспитывала ребенка со дня его рождения, девочка находилась в хороших условиях, между ней и ответчицей установилась глубокая взаимная привязанность. Аналогичные мотивы отказа в иске родителей об отобрании детей от

¹⁵ См. «Судебная практика Верховного суда СССР», 1949, № 12, стр. 39—40.

¹⁶ См. определение ГСК № 36/314, 1950 г., по иску С. к С., определ. № 36/978, 1952 г. по делу М. к А. и ряд других.

третьих лиц изложены в ряде других дел Верховного суда ЭССР¹⁷. В тех же случаях, когда дети находятся не у третьих лиц, а на попечении самих родителей, не обеспечивающих их нормального воспитания или злоупотребляющих родительскими правами, закон требует в интересах детей и общества устранения родителей от воспитания. В этих случаях, как уже указывалось, применяется принудительное отобрание детей и лишение родительских прав, каковое производится судом в общеисковом порядке. Дети передаются на попечение органов опеки и попечительства и само государство в лице своих органов организует их дальнейшее воспитание.

Отобрание детей и лишение родительских прав является мерой воздействия, преследующей двоякую цель: с одной стороны, оградить детей от неправильного или вредного воспитательного воздействия родителей, а с другой, — оказать воспитательное воздействие на родителей, способствовать искоренению буржуазных пережитков в их сознании.

IV

Вышеизложенный анализ состава правоотношения по воспитанию детей дает основание сделать вывод о том, что все права и обязанности субъектов его направлены на единый объект: деятельность обязанных лиц (родителей) по созданию условий, обеспечивающих надлежащее воспитание детей. На характеристике объекта правоотношения как деятельности обязанных лиц необходимо остановиться особо. Эта деятельность должна быть предметом судебного исследования в делах по спорам о воспитании детей, предметом оценки с точки зрения соответствия ее интересам детей, выводам советской педагогической науки и задачам коммунистического воспитания.

В чем же должно состоять содержание этой деятельности, какие факторы, определяющие условия воспитания, должны быть в поле внимания суда?

Законодатель не регламентирует подробно содержание деятельности родителей по воспитанию детей, а лишь устанавливает, что эта деятельность должна протекать в интересах детей (ст. ст. 33 и 44 КЗОБСО РСФСР). В практике судами при разрешении споров о воспитании детей учитываются, как имеющие правовое значение, следующие основные факторы, совокупностью которых определяются условия воспитания детей в семье:

- 1) морально-политический облик и другие личные качества сторон;
- 2) характер семейной обстановки сторон;

¹⁷ Определ. Верховного суда ЭССР по делу № 2349-52, по иску М. К.; то же по делу № 2—180-51 и др.

3) отношение сторон к ребенку и отношение ребенка к каждому из них, т. е. наличие или отсутствие взаимной привязанности между ними, желание ребенка проживать у одной из сторон (если ребенок способен выразить это желание);

4) возрастные и иные индивидуальные особенности данного ребенка;

5) материальные и жилищные условия сторон.

Разумеется, судебному исследованию и учету подлежат также все иные обстоятельства конкретного дела, имеющие отношение к условиям воспитания. Решение суда должно быть основано на исследовании и оценке всех факторов в их совокупности, но означенные выше основные факторы должны быть исследованы и оценены судом в каждом споре о воспитании детей. В связи с этим необходимо хотя бы кратко, насколько это возможно в рамках настоящей статьи, остановиться на значении каждого из них в отдельности.

1. В деле коммунистического воспитания детей морально-политический облик и личные качества воспитателя имеют первостепенное значение. В. И. Ленин в речи на III-м Всероссийском съезде комсомола 2-го октября 1920 г., определяя главное содержание и основную цель коммунистического воспитания молодого поколения, сказал: «Надо, чтобы все дело воспитания, образования и учения современной молодежи было воспитанием в ней коммунистической морали». ¹⁸ Совершенно очевидно, что родитель, личное поведение которого противоречит нормам коммунистической морали, неспособен это обеспечить. Поэтому суд не может правильно решить спор о воспитании детей без тщательного изучения и оценки с точки зрения политических и нравственных критериев поведения и личности сторон, претендующих на воспитание. То обстоятельство, что морально-политический облик подавляющего большинства истцов и ответчиков характеризуется положительно, не дает права закрывать глаза на отдельные уродливые явления нашей жизни. Конкретные носители буржуазных пережитков нередко выступают в суде, добиваясь права на воспитание детей. Удовлетворение их требований было бы преступлением перед детьми, и общество и суды, как правило, не допускают этого. Так например, Верховный суд ЭССР по иску Г к А. в качестве основного мотива отказа в иске указал: «Показаниями сторон, свидетелей и документами, имеющимися в деле, установлено, что ответчица А. ведет недостойный образ жизни и вследствие своего аморального поведения не может дать должного воспитания дочери». ¹⁹ Аналогичными обстоятельствами обосновано также решение суда об отобрании детей от Е. К. ²⁰

Однако следует отметить, что не все суды, решая споры о вос-

¹⁸ В. И. Ленин, Соч., т. 31, стр. 266.

¹⁹ Определение Верховного суда ЭССР № 1316-1951 по иску Г к А.

²⁰ Гражданское дело № 121/1-1950 по иску отдела народного образования к Е. К.

питании детей, обращают достаточное внимание на выяснение морального облика сторон. В иных делах данные о личности сторон ограничиваются общими сведениями о месте работы, возраста и т. п. Инструкции Министерства просвещения РСФСР²¹ для отделов народного образования также недостаточно подчеркивают необходимость тщательного изучения моральных и других личных качеств сторон при обследовании.

2. Важнейшее условие коммунистического воспитания детей — это наличие атмосферы здорового, крепкого и слаженного семейного коллектива. Взаимоотношения между членами семьи, их взаимное уважение, любовь, дружба и взаимопомощь в быту, являются примером лучших человеческих отношений, в обстановке которых формируется жизнерадостная личность ребенка. Эти отношения являются основой авторитета родителей в глазах детей. В то же время внутренний разлад и конфликты в семье глубоко травмируют психику детей и ведут их к отрыву от семьи. Так например, в одном из судебных дел истец Б. просил расторгнуть брак на том основании, что «жена его своим недружелюбным отношением к его детям от первой жены и к нетрудоспособной матери создала такие условия в семье, что дети вынуждены были уйти из дома».²²

Следовательно, суд, рассматривая споры о воспитании детей, не может не интересоваться характером отношений в семье той и другой стороны. Между тем, в судебной практике и практике органов опеки и попечительства уделяется совершенно недостаточно внимания выяснению характера этих отношений. В большей части из изученных нами дел в протоколах судебного заседания и актах обследований РАЙОНО можно найти лишь некоторые данные о численном составе семьи истца и ответчика, изредка данные о том, где их члены семьи работают, более же обстоятельные сведения об их личности и взаимоотношениях встречаются редко. Упоминаемые в судебных документах бабушки, мачехи или отчимы и другие члены семьи, которым предстоит играть немаловажную роль в жизни и воспитании ребенка, очень часто остаются для суда безликими, неизвестными.

Необходимо полностью изжить в судебной практике недооценку выяснения этого важного фактора воспитания.

3. Обстановка прочной и дружной семьи немыслима без наличия взаимного чувства любви и уважения между супругами, родителями и детьми. Эти чувства являются цементирующей основой семьи, они придают особенную ценность, особое преимущество семейному воспитанию детей. Учитывая это, суд не может

²¹ См. Инструктивно-методические указания Наркомпроса РСФСР «Об участии отделов народного образования в разрешении споров раздельно живущих родителей о детях» (Справочник по вопросам охраны детства, Москва 1951, стр. 100—106).

²² «Судебная практика Верховного суда СССР», 1946, вып. VII (XXX) стр. 23, опр. 36/477.

решить вопрос о передаче ребенка, не убедившись в наличии или отсутствии этих чувств между ребенком и сторонами.

Чувство любви родителей к детям не доказывается декларациями. Оно всегда должно найти внешнее проявление в определенном поведении родителей, характеризующемся заботой о ребенке. Только чувство, подтвержденное таким поведением, имеет значение и может быть положено в основу решения.

Мотивы исков, установленные судами по изученным нами делам, дают основание утверждать, что принцип социалистической морали — всемерная забота о детях — прочно внедрен в сознание подавляющего большинства отцов и матерей. Глубокая любовь и искреннее желание воспитывать ребенка — таковы основные мотивы исков. Но по отдельным делам судами установлены и иные, корыстного характера мотивы, обычно прикрытые благовидными утверждениями. Однако, при глубоком изучении конкретных отношений между такими родителями и детьми всегда удается вскрыть подлинные мотивы. Так, по иску П. к К. народный суд, тщательно изучив отношение истца к ребенку и его матери на протяжении 4-х лет, достоверно установил, что «утверждение истца о любви к ребенку не вызывает доверия, так как он бросил его вместе с больной матерью в тяжелом состоянии и в течение последних трех лет после смерти жены не принимал никакого участия в его воспитании. Требование истца обусловлено, главным образом, желанием освободиться от уплаты алиментов. Между тем у ответчицы больной ребенок нашел действительную материнскую заботу». ²³ Учитывая эти обстоятельства, суд отказал П. в иске о передаче ребенка.

По другому делу, где было установлено, что мать Г., имея все возможности для воспитания ребенка, привезла больного годовалого ребенка к отцу и оставила его в то время, когда он более всего нуждался в материнском уходе, а затем в течение двух лет не проявила к ребенку никакой материнской заботы; и только благодаря заботам отца ребенок выздоровел и хорошо воспитывается. Пленум Верховного суда СССР указал, что «суд имел все основания признать, что предъявление этого иска вызывалось не чувством материнской любви к ребенку, а другими соображениями». ²⁴ Таким образом, судебная практика признает единственным критерием действительных чувств той или другой из спорящих сторон к ребенку лишь их поведение по отношению к нему в течение всего периода его жизни. Если это поведение свидетельствует о наличии чувства любви к ребенку, суд учитывает это в совокупности со всеми другими обстоятельствами дела.

Суд обязан также выяснить (там, где это позволяет возраст ребенка) и учесть, к кому из спорящих сторон ребенок питает большую привязанность и с кем из них он желает жить. Еще Все-

²³ Гражданское дело № 2-180-51 по иску П. к К.

²⁴ См. «Судебная практика Верховного суда СССР», 1946, вып. IV (XXVIII), стр. 7—8.

союзное совещание судебно-прокурорских работников по гражданским делам указало, что при разрешении споров о воспитании детей «должны приниматься во внимание и собственные желания ребенка, в особенности достигшего более сознательного возраста, поскольку эти желания соответствуют жизненным интересам ребенка». ²⁵ Аналогичные указания содержатся в ряде определений Верховного суда СССР ²⁶

4. При разрешении данной категории семейно-правовых споров судьи не могут не учитывать возрастные и иные индивидуальные особенности ребенка, имеющие значение для определения условий и режима воспитания. Чаще всего в силу таких индивидуальных особенностей, как ранний возраст, болезнь и т. п., требуются уход и особые условия для нормального развития ребенка, поэтому надлежит тщательно выяснить, кто из сторон наилучшим образом это может обеспечить.

Не требует особого обоснования та истина, что ребенок в раннем возрасте более всего нуждается в уходе и заботах матери. Верховный суд СССР постоянно обращает внимание судов на необходимость учитывать это обстоятельство ²⁷ но при этом Верховный суд всегда обязывает суды выяснять, оказывается ли матерью эта забота в отношении данного ребенка. Иначе говоря, судебная практика, в полном соответствии с нашим законодательством о равноправии родителей, не признает какого-то преимущественного права матери на воспитание детей младшего возраста, но признает необходимость материнского ухода для этих детей и передает их на воспитание той из спорящих сторон, которая способна и действительно желает этот уход обеспечить.

5. Материальные и жилищные условия воспитания ребенка также являются предметом судебного исследования в спорах о воспитании детей. Суд всегда должен убедиться в том, что в результате вынесенного им решения ребенок не будет поставлен в такие жилищно-бытовые условия, которые могут сказаться отрицательно на его нормальном развитии. Но одно лишь наличие лучших материальных и жилищных условий у одной из сторон не может быть основанием для решения спора в ее пользу, ибо коммунистическое воспитание детей не обеспечивается одними лишь этими условиями, а требует также наличия ряда других более решающих факторов, о которых сказано выше.

В условиях победы социализма, когда любая семья обладает, по меньшей мере, необходимым минимумом этих условий, когда материальное положение трудящихся последовательно улучшается, тем более неправильно было бы обосновывать передачу ребенка мотивами лучшей материальной обеспеченности сторон. Родитель,

²⁵ «Советская Юстиция», 1937, № 4, стр. 22.

²⁶ См. «Судебная практика Верховного суда СССР», 1949, № 10, стр. 39—40 и др.

²⁷ См. «Судебная практика Верховного суда СССР», 1949, № 1, опр. 36/1143 и ряд позднейших определений.

имеющий лучшие материальные условия, всегда может восполнить то, чего недостает в этом отношении ребенку, воспитывающемуся у другого родителя. Этот тезис неоднократно подчеркивался Верховным судом СССР в его определениях по конкретным делам ²⁸.

Суд, рассматривая конкретное дело, должен выяснить материальные и жилищные условия той и другой стороны и учесть их в совокупности с другими обстоятельствами дела.

Таково в судебной практике значение наиболее основных факторов, определяющих условия воспитания детей в семье. Тот или иной фактор может приобретать большее или меньшее значение в зависимости от особенностей конкретного дела. Но все они должны быть исследованы судом в отдельности и оценены в их совокупности. Учету и оценке подлежат и все другие обстоятельства, имеющие отношение к условиям воспитания, на которые ссылаются стороны или другие участники процесса.

*

Обобщение судебной практики по спорам о воспитании детей, а также практики участия в этих делах органов опеки и попечительства, показывает, что, наряду с правильным разрешением в интересах детей преобладающей части этих дел, все же имеют место отдельные неправильные решения, что является следствием непонимания отдельными судами необходимости тщательного изучения и учета всех условий семейного воспитания ребенка. Между тем, ошибки по данной категории гражданских дел особенно недопустимы. Они наносят серьезный ущерб делу коммунистического воспитания молодежи, оставляют глубокий след в психике детей, задевают самые глубокие чувства и нарушают важнейшие субъективные права советских граждан. Этот ущерб трудно устраним, он должен быть полностью предотвращен всей подготовкой и судебным разбирательством дела.

В целях предотвращения ошибок и установления единой практики Пленуму Верховного суда СССР надлежало бы дать обстоятельные руководящие указания судам, обеспечивающие рассмотрение и разрешение судебных споров о воспитании детей в строгом соответствии с действительным духом советского законодательства об охране прав и интересов детей.

²⁸ См. «Судебная практика Верховного суда СССР», 1949, № 1, опред. № 36/903, а также опред. № 36/661 за 1951 г. и другие.

LASTE KASVATAMISE ÕIGUSSUHETE ERI SISI

Juriid. tead. kand. J. Ananjeva

Tsiviilõiguse ja -protsessi kateeder

Resümee

Nõukogude perekonna igakülgne tugevdamine on kommunistliku partei ja Nõukogude riigi üheks tähtsaimaks ülesandeks. Nimestatud ülesande lahendamist kindlustavate vahendite hulgas kuulub silmapaistev koht nõukogude perekonnaõigusele. Arvestades vanemate ja laste vahelkordade tugevuse ja püsivuse olulist tähtsust perekonna kindlustamise seisukohalt, pühendab nõukogude perekonnaõigus erilist tähelepanu vanemate ja laste vaheliste suhete reguleerimisele. Sellest lähtudes pakub ka laste kasvatamise õigussuhte teoreetiline analüüs suurt huvi, ja mitte üksnes vastavate õigusnormide rakendamise efektiivsuse, vaid ka nende normide edasiarendamise seisukohalt.

1. Uuritava õigussuhte subjektiivse külje vaatlusel selgub, et tema sisu moodustavad õigused ja kohustused jagunevad eelkõige laste ja vanemate vahel: õigustatud subjektideks on lapsed ja kohustatud subjektideks vanemad. Viimaste õiguslike kohustuste sisu vastab laste õigustuste sisule. Laste õiguste ja vanemate kohustuste teostamise tulemuseks on nii üksikperekonna kui ka kogu sotsialistliku ühiskonna huvide rahuldamine.

Laste huvide riikliku kaitse põhimõtte kui konstitutsioonilise printsiibi realiseerimisel ei piirdu Nõukogude riik mitte üksnes vanemaile õiguslike kohustuste kehtestamisega ja neile laste kasvatamisel igakülgse abi osutamisega, vaid kõigil juhtumel, kus laste nõudlus normaalsete kasvatamistingimuste saamiseks ei leia rahuldamist kohustatud isikute poolt, tagab Nõukogude riik ise lastele need tingimused lasteasutustes. Samaaegselt, arvestades perekondliku kasvatuseliseid, võtab riik tarvitusele kõik abinõud selliste laste kasvatamisele suunamiseks töötajate perekondadesse nii lapsendamise kui ka patroneerimise korras.¹

¹ Neil juhtumel tekivad erilised õigussuhted laste kasvatamise alal, millede erisusi aga ei analüüsita antud artikli raamides, vaid piirduakse vanemate ja laste vaheliste suhete uurimisega.

2. Laste kasvatamise suhete reguleerimisel lähtub seaduseandja laste, vanemate ja sotsialistliku ühiskonna huvide lahutamatu ühtsusest, nende huvide vastandamise lubamatusest. Oma laste isiklik kasvatamine ei ole mitte üksnes vanemate kohustus, vaid see on samaaegselt ka üks vanemate tähtsamaid subjektiivseid õigusi. See on vanemate kohustus laste ja ühiskonna ees, kuid see on samaaegselt nende õigus kõikide kolmandate isikute ees.

Vanemate eesõigus kasvatada isiklikult oma lapsi on kaitstud Nõukogude seadusega (VNFSV APEK § 44, 65 jt.) igasuguste rikkumiste vastu. Selles väljendub Nõukogude perekonnaõiguse põhi-suund: perekonna igakülgne kindlustamine.

Laste kasvatamise õigussuhte eespool nimetatud erisuse mitte-mõistmine on leidnud väljenduse nõukogude juriidilises kirjanduses esinevais väärarvamustes, nagu oleks vanemlikud õigused ainult vanemate kohustusteks. Kohtupraktikas väljendub see juhtumeis, kus jäetakse alusetult rahuldamata vanemate hagid laste tagasi-nõudmises kolmandailt isikuilt. Nimetatud vigade vältimiseks oleks tarvis VNFSV APEK § 44 muuta ja siin eriti rõhutada mõtet, et vanemal on eesõigus laste isiklikuks kasvatamiseks kõigi kolman-date isikute ees, ja mitte ainult siis, kui laste kasvatamise tingi-mused (eriti materiaalsed) on vanemate juures paremad kui kol-mandate isikute juures, vaid ka siis, kui need on võrdsed või isegi halvemad. Viimasel juhtumil need peavad ikkagi tagama lapse normaalse kasvatamise. Ühtlasi tuleks muudatustes märkida, et kohus võib jätta vanemate hagi lapse tagasinõudmiseks rahuldamata ainult siis, kui asja materjalidega on tõendatud, et vanemad ei suuda või ei taha kindlustada lapsele normaalseid kasvatamistingi-musi, mistõttu lapse tagasiandmine vanemate kasvatada oleks ilm-selt vastuolus lapse huvidega.

3. Laste kasvatamine sotsialistlikus ühiskonnas ei ole perekonna eraasjaks. Seepärast ka vanemlike õiguste iseärasuseks Nõukogude seaduse järgi on see, et nende kandjad on samaaegselt kohustatud realiseerima neid õigusi üksnes laste huvides. Vanemlike õiguste tunnustamise ja viimaste kaitsmise tingimuseks on õiguste reali-seerimine aktiivsetes tegudes, mis on suunatud laste huvide rahul-damisele. Vanemlike õiguste kuritarvitamise ja ükskõikse suhtumise puhul vanemlike kohustuste täitmisesse neid õigusi ei kaitsta, vaid vastupidi: kohus võib vanemlikud õigused ära võtta (VNFSV APEK § 33).

4. Uuritava õigussuhte subjektide õigused ja kohustused on kõik suunatud ühtsele objektile, s. o. kohustatud isikute (vanemate) tegevusele, mis peab väljenduma lastele normaalsete kasvatamistingimuste loomises. Seaduseandja ei ole üksikasjaliselt reglemen-teerinud selle tegevuse sisu, vaid on piirdunud juhendiga, et see tegevus peab toimuma laste huvides (VNFSV APEK § 33 ja 44). Et aga kõigest eespool toodust lähtudes just selle tegevuse sisu peab olema kohtuliku uurimise esemeks vaidlustes laste kasvatamise

üle, siis on väga oluline jõuda selgusele, milliseid laste kasvatamise tingimusi määravaid faktoreid peab kohus silmas pidama.

Lähtudes kommunistliku kasvatus ülesannetest ja nõukogude pedagoogikateaduse seisukohtadest, võime NSVL Ülemkohtu praktika üldistamise alusel jõuda järeldusele, et kohtud peavad uurima ja arvestama järgmiste asjaolude kogumit, mis määrab kasvatamise tingimused perekonnas. Need on:

1) poolte poliitiline ja moraalne pale ning teised isiklikud omadused;

2) suhete iseloom poolte perekondades (perekondlik miljöö);

3) lapse ja kummagi poole vastastikused suhted. Vastastikuse kiindumuse olemasolu või puudumine. Lapse soovid (kus lapse vanus võimaldab viimast asjaolu selgitada);

4) antud lapse individuaalsed omadused (vanus, tervislik seisund jt.);

5) poolte materiaalsed ja elamutingimused.

On loomulik, et tuleb selgitada ja arvestada ka teisi kasvatus seisukohalt tähtsust omavaid tingimusi. Mis aga puutub eespool nimetatud põhifaktoreisse, siis meie arvates on nad sellised, mis tulevad arvesse eranditult igas vaidluses laste kasvatamise üle. Kohtuotsus peab olema rajatud kõigi asjaolude uurimisele ja hindamisele nende kogusummas. Seejuures tuleb aga silmas pidada, et laste kommunistliku kasvatus seisukohalt on kasvatajate isiklikud omadused, nende poliitilis-moraalne pale esmajärgulise ja otsustava tähtsusega faktor, samuti tuleb arvestada, et terve ja sõbralik perekonnakollektiiv on laste perekondliku kasvatamise tähtsaim faktor ja iga lapse vajadused suurel määral sõltuvad tema isiklikest omadustest, mida kohus peab selgitama ja arvestama. Lõpuks tulevad koos teiste asjaoludega arvestamisele poolte materiaalsed ja elamutingimused. Kohus peab veenduma, et ta oma otsusega ei aseta last tingimustesse, mis takistavad tema normaalset arenemist. Seejuures aga ainult paremate materiaaalsete või korteriolude olemasolu ühel poolel ei või olla kohtuotsuse aluseks, sest ainuüksi nende tingimustega ei tagata veel laste kommunistlikku kasvatamist, vaid selleks on vaja rea teiste, otsustavamate faktorite olemasolu. Seda enam, et pool, kes omab paremaid võimalusi, võib alati paremustada materiaalseid tingimusi lapse kasvatamiseks teise vanema juures.

Kohtupraktika uurimine antud kategooria asjus näitab, et kui rõhuv osa vaidlusi leiab õige lahenduse, siis kõrvuti sellega esineb veel tõsisid vigu kohtuotsustes, mis on peamiselt tingitud sellest, et mõned kohtunikud ei pööra tõsist tähelepanu kõigi kasvatustingimuste selgitamisele ja õigele hindamisele.

Kohtupraktika ühtlustamiseks ja esinevate vigade vältimiseks oleks soovitatav NSVL Ülemkohtu poolt kohtutele juhendava määruse andmine vaidlustes laste kasvatamise üle.

ЗАЩИТА ПРАВА ЛИЧНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Канд. юрид. наук Э. Лаасик

Кафедра гражданского права и процесса

Охрана личной собственности советских граждан является одним из основных принципов Конституции СССР. Она определяется положением личности в социалистическом обществе. Советское государство, постоянно заботясь о развитии и укреплении личной собственности граждан, пресекает всякие посягательства на нее.

Способы защиты права личной собственности крайне разнообразны и не ограничиваются одной отраслью советского права. Поэтому охрана имущественных отношений советских граждан осуществляется не только гражданским, но и уголовным, административным, колхозным, трудовым и т. д. правом.

Проф. А. В. Венедиктов в одной из своих работ¹ дал примерный перечень гражданско-правовых способов защиты права собственности. Очевидно, что все они не могут быть исследованы с достаточной глубиной в рамках одной монографии, тем более в рамках одной статьи. Поэтому представляется целесообразным остановиться подробнее лишь на тех вопросах, разрешение которых вызывает затруднения в судебной практике или по которым нет единого мнения среди советских цивилистов. Принимая во внимание поставленную задачу, мы остановимся на вещно-правовых исках, в частности на некоторых основных вопросах иска об истребовании имущества из чужого незаконного владения и иска об устранении нарушений права собственника.

I

Важнейшим средством гражданско-правовой защиты права личной собственности является иск об истребовании имущества из чужого незаконного владения, предусмотренный в ст. 59 ГК РСФСР, который принято называть в юридической литературе

¹ См. А. В. Венедиктов, Гражданско-правовая охрана социалистической собственности в СССР, СГип, 1952 г., № 12, стр. 17.

виндикационным иском.² Несомненно, следует согласиться с мнением А. Б. Годеса о том, что «собственника больше интересует отыскать свою вещь в натуре, чем получить за нее денежный эквивалент».³ Такое положение соответствует в наибольшей степени потребительскому характеру личной собственности советских граждан.

Основанием легитимации для предъявления виндикационного иска является то право, в силу которого истец обладает правомочием владения: право собственности, право нанимателя и т. д.,⁴ т. е. право, которое закрепляет за истцом право владения.⁵ Предметом виндикационного иска является требование об изъятии индивидуально определенной вещи из чужого незаконного владения в натуре и о передаче ее во владение истца (собственника или титульного владельца).

Виндикационный иск, исходя из метода защиты гражданских прав, является иском о присуждении, следовательно он включает в себя и элементы иска о признании. Иск о присуждении тем и отличается от иска о признании, что в первом случае содержанием решения является признание судом определенного правоотношения между сторонами и принуждение ответчика к совершению определенного действия в пользу истца или к воздержанию от какого-либо действия, во втором же случае второй элемент отсутствует, признается лишь наличие или отсутствие правоотношения между сторонами.⁶

При вынесении решения суд рассматривает правоотношение в целом и решением об изъятии вещи тем самым признает и право собственности на вещь или титульное владение за истцом. Особенно ясно это обстоятельство проявляется в случае, когда исковое требование заключается в изъятии жилого дома из чужого незаконного владения.

² В целях краткости мы пользуемся общепринятым термином «виндикационный иск», одновременно присоединяясь к мнению проф. А. В. Венедиктова о замене его термином «иск об истребовании имущества».

³ А. Б. Годес, Защита права личной собственности в СССР, «Советская юстиция», 1938, № 10, стр. 4.

⁴ Ср. А. В. Венедиктов, Гражданско-правовая охрана социалистической собственности в СССР, М.—Л. 1954, стр. 110.

⁵ См. Э. Я. Лаасик, Право личной собственности на жилое строение по советскому гражданскому праву, Ленинград 1953, стр. 17 (автореферат кандидатской диссертации); ср. Ю. К. Толстой, Содержание и гражданско-правовая защита права собственности в СССР, изд. Ленинградского Университета, 1955, стр. 100—101.

⁶ См. «Гражданский процесс», учебник для вузов, М. 1948, стр. 166; Противоположную точку зрения высказал С. Н. Абрамов. Он не видит в иске о присуждении одновременного признания определенного правоотношения между сторонами. Поэтому он называет исками о присуждении такие иски, когда «иск направлен на принуждение ответчика к исполнению в пользу истца обязанности, вытекающей из гражданского правоотношения» — С. Н. Абрамов, Советский гражданский процесс, учебник для юр. школ, М. 1952, стр. 158.

Если исковое требование заключается в изъятии прочих объектов права личной собственности (шкаф, стол, костюм и др.). суд, как правило, не входит в обсуждение вопроса о принадлежности права собственности или титула на вещь истцу, не требует особых доказательств для удостоверения права собственности или титула на вещь у истца, ибо это право презумируется. Должно быть лишь доказано, что ответчик владеет чужой вещью и что у ответчика отсутствует законный титул владения. Проверка производится только при возникновении сомнений в наличии у истца какого-либо титула на владение спорной вещью. При истребовании же строений суд всегда проверяет, на каких основаниях спорный дом принадлежит истцу. Такая осторожность при рассмотрении подобных дел в судебной практике вполне уместна и объясняется тем, что дом гражданина находится в особом правовом положении среди других объектов права личной собственности. Все жилые дома находятся под особым контролем государства не только как материальная ценность, но и как жилище, входящее во всеобщий жилой фонд страны, и потому имеют всенародное значение.

При виндикации всех прочих вещей, кроме строений, нарушениями являются не только право владения и пользования, нарушением является и право распоряжения. Незаконный владелец с момента завладения чужой вещью может беспрепятственно распоряжаться ею «как своей», может отчудить, заложить ее и т. д. Собственник же не может фактически осуществить ни права владения, ни права пользования, ни права распоряжения. Поэтому в случае изъятия вещи из чужого незаконного владения восстанавливается не только нарушенное право владения и пользования, но и фактическое право распоряжения.

Несколько иначе обстоит дело в случае истребования строения. Здесь у собственника могут быть нарушены, во-первых, только право владения и пользования и, во-вторых, все правомочия собственника, подобно виндикации прочих вещей. В первом случае незаконный владелец живет в доме собственника и препятствует ему владеть и пользоваться домом. Но собственник, имея правоустанавливающие документы на дом (причем дом зарегистрирован за ним в инвентаризационном бюро), может до известной степени распоряжаться им (продать, подарить и т. д.). независимо от того, что дом занят незаконным владельцем, так как принадлежащее ему право распоряжения полностью не нарушено. Во втором же случае незаконный владелец оформил документы на это строение и перерегистрировал его на себя. Действительный собственник уже не может распоряжаться домом, аналогично с прочими вещами, оказавшимися в руках незаконного владельца.

В первом из приведенных нами случаев виндикация практически означает выселение незаконного владельца из спорного дома. В исключительно редких случаях решение суда направлено на

устранение препятствий, так как дом находится во владении и пользовании незаконного владельца иным способом (напр. дом заперт и ключи находятся у незаконного владельца) Основание такого иска не вызывает никаких сомнений, так как истец уже ранее доказал свое право на иск, имея правоустанавливающие документы на спорный дом. Следует, однако, отметить, что народные суды не всегда различают виндикационный иск о выселении незаконного владельца дома с передачей дома собственнику и договорный иск о выселении съемщика, рассматривая их под одной рубрикой «иски о выселении». Такая нечеткость, безусловно, влечет за собой неправильные решения. В первом случае идет спор об изъятии дома из чужого незаконного владения на основании ст. ст. 59 и 60 ГК, вместе с тем в надлежащих случаях, как мы покажем ниже, разрешается и вопрос о праве собственности или титульном владении. Во втором же случае имеет место спор собственника с законным владельцем (договорное владение) о дальнейшем праве пользования и владения, причем спор разрешается на основании п. 10 постановления Пленума Верховного суда СССР от 12 декабря 1940 г. № 46/26/4 (в некоторых случаях и здесь законное владение превратилось в незаконное) Нельзя не упомянуть определения ГСК Верховного суда СССР по делу Мильтоныяна и др., в котором прямо говорится о неприменимости п. 10 указанного постановления при таких обстоятельствах.⁷

Во втором из приведенных нами случаев нарушенными являются не только право владения и пользования, но и право распоряжения, подобно случаям, когда предметом виндикационного иска является требование об изъятии прочих вещей. Незаконный владелец на основании ложных документов перерегистрировал дом на себя. Решение судом лишь вопроса о выселении незаконного владельца окажется недостаточным. Если суд не признает недействительными документы, на основании которых незаконный владелец перерегистрировал дом на себя, т. е. не решит вопроса о праве собственности, то последний и после выселения остается собственником спорного дома. Поэтому суд прежде всего должен решить вопрос о действительности документов⁸, т. е. решить вопрос о праве собственности. Это является предпосылкой для разрешения вопроса о выселении, разрешением одного из основных вопросов в иске о присуждении. Резолютивная часть судебного решения должна содержать два постановляющих положения: во-первых, признание недействительными ложных документов (чаще всего просто признание права собственности за истцом, в случае отсутствия правоустанавливающих документов на дом истца в особенности) и, во-вторых, выселение незаконного владельца. С

⁷ Опр. ГСК Верховного суда СССР по делу Мильтоныяна и др., опубликовано в журнале «Социалистическая законность», 1953, № 3, стр. 87.

⁸ В некоторых случаях истец прямо просит признать право собственности за ним, так как у него правоустанавливающих документов на дом нет. Подробнее мы рассмотрим этот вопрос ниже.

вынесением такого решения суда будет удовлетворено главное требование истца — изъятие дома из чужого незаконного владения. Вместе с тем такое решение суда дает собственнику возможность отменить неправильную запись в инвентаризационном бюро.

Для подтверждения нашей точки зрения приведем пример из судебной практики Верховного суда СССР

Колхоз им. Чапаева передал Кило, как переселенцу, дом, выстроенный колхозом на средства долгосрочного кредита, полученного им в сельхозбанке. Для приобретения права собственности на указанный дом Кило должен был выплатить сельхозбанку в установленные сроки в течение 5 лет 2500 рублей по переоформленной на него ссуде.

Кило выплатил 373 рубля. В 1940 году он был направлен на работу в Молдавию, а в 1941 г мобилизован в Советскую Армию, из которой демобилизовался в 1948 г. Семья его во время войны была эвакуирована в глубь страны.

10 февраля 1945 г. колхоз им. Чапаева выдал Косареву справку о том, что дом, в котором ранее проживал Кило, был передан колхозом Косареву, и просил сельхозбанк обязательство на доплату ссуды в сумме 2622 рублей переоформить на имя Косарева. Ссуда была переоформлена и долг погашен. Кило предъявил иск в народный суд о выселении Косарева. Народный суд отказал Кило в иске. В своем определении ГСК Верховного суда СССР от 27 мая 1950 г указала: «Суд не вошел в обсуждение всех исковых требований Кило и рассмотрел только вопрос о выселении Косарева. Между тем истец просил суд прежде всего о признании за ним права собственности, а затем о выселении». ⁹

Из приведенного определения следует, что ГСК имела в виду разрешение в одном виндикационном иске двух вопросов, и именно: вопрос о признании права собственности на дом и вопрос об истребовании его из чужого незаконного владения. Разрешение данного дела осложняет еще то обстоятельство, что Косарев получил дом от третьего лица — колхоза. Следовательно, суду надлежит разрешить вопрос о том, является ли Косарев добросовестным или недобросовестным владельцем, а также вопрос о том, вышло ли строение из владения собственника по его воле или по воле его воли. Именно поэтому далее в определении говорится о необходимости «проверить основательность требований истца о выселении ответчика». ¹⁰

Отметим, однако, что при виндикационных исках прочих вещей разрешение судом вопроса о принадлежности вещи не записывается в решении, а самим изъятием вещи из чужого незаконного владения и передачей ее истцу признается наличие права собственности или титульного владения за истцом. Это потому, что факт восстановления владения решает и судьбу вопроса о распо-

⁹ Судебная практика Верховного суда СССР 1950, № 10, стр. 26—28.

¹⁰ Там же.

ряжении вещью. При восстановлении владения строением такое утверждение было бы неправильным.

Виндикационный иск может быть предъявлен ко всякому и каждому незаконно владеющему вещью лицу, которое осуществляет фактическое господство над вещью в момент предъявления иска.¹¹ Для предъявления иска не имеет значения, в каком порядке вещь поступила во владение третьего лица (ответчика) от первоначального приобретателя, т. е. по воле первоначального приобретателя (по договору купли-продажи, дарения, найма и т. д.) или же помимо его воли (похищение, находка). Иное понимание неизбежно приведет к извращению виндикационного иска, ибо вещь изымается именно от незаконного фактического владельца.¹² Разумеется, если ответчик получил вещь по договору, то для правильного решения дела прежде всего должен быть решен вопрос о привлечении соответствующих лиц к делу в качестве соответчика или третьего лица (ст. ст. 163, 166—168 ГПК)

Иногда суды смешивают вещно-правовой иск с обязательственно-правовым иском. Собственник с целью изъятия вещи из чужого незаконного владения обращается в суд с иском о признании недействительной сделки, заключенной между фактическим незаконным владельцем и первоначальным приобретателем, ссылаясь на то, что последний в соответствии со ст. 183 ГК не имел права отчудить вещь. И судьи решают дело, ссылаясь только на нормы обязательственного права. Неправильно признавать такой иск обязательственно-правовым или видеть здесь два самостоятельных иска. При исках о признании сделки недействительной надлежащими сторонами являются лица, заключившие сделку, причем иск рассматривается только по инициативе сторон (такое право предоставлено также прокурору и суду). Очевидно, что собственник даже не вправе предъявить на таких основаниях иск. Указанный иск — виндикационный, в котором основным требованием является изъятие вещи из чужого незаконного владения. Он должен быть предъявлен только к фактическому незаконному владельцу и решен на основании ст. 59 ГК РСФСР. Решение вопроса о признании сделки недействительной выходит за пределы требования истца и относится только к сторонам, заключившим сделки. Это, однако, имеет существенное значение относительно решения одного из основных вопросов в иске о присуждении, относительно признания права собственности на спорную вещь за истцом. Поэтому все эти вопросы должны быть решены судом в одном вин-

¹¹ См. А. В. Венедиктов, Гражданско-правовая охрана социалистической собственности в СССР, Москва—Ленинград 1954, стр. 108.

¹² В одной из наших ранее опубликованных работ «Право личной собственности на жилое строение по советскому гражданскому праву», Л. 1953, стр. 17 (автореферат кандидатской диссертации), мы необоснованно утверждали, что «фактический владелец строения, состоящий в договорных правоотношениях с незаконным владельцем строения, привлекается к делу в качестве соответчика». Именно он является надлежащим ответчиком, потому что относительно истца и его владение незаконное.

дикационном иске, привлекая к участию в деле соответствующих лиц, ибо требование об изъятии вещи из чужого незаконного владения предъявил все же собственник.

Виндикационный иск может быть предъявлен только в том случае, когда отыскиваемое имущество существует в натуре. Сложившаяся судебная практика внесла сюда значительные коррективы. Если, например, дом значительно перестроен, или перевезен на другое место и в него вложены личные средства приобретателя и других лиц, то возврат дома причинил бы серьезный материальный ущерб приобретателю и третьим лицам. Собственник имеет право требовать только возмещения убытков.¹³

Ответчиком по виндикационному иску может быть как недобросовестный, так и добросовестный приобретатель. У недобросовестного приобретателя вещь всегда может быть виндигирована в соответствии со ст. ст. 59 и 60 ГК, а у добросовестного лишь в исключительных случаях. По ст. 60 ГК собственник вправе истребовать имущество (ст. 59 ГК) от добросовестного приобретателя только в том случае, когда оно им (собственником) утеряно или похищено у него.

В Постановлении Пленума Верховного суда СССР от 7 октября 1943 г. по делу С. с А. указывается, что под понятием «потери» — по отношению к отдельным трудящимся — следует подводить не только случай «потери в буквальном смысле слова», но также и случай «выбытия имущества из обладания собственника помимо его воли вследствие небрежности и случая или непреодолимой силы». ¹⁴ Это указание пленума было воспринято подавляющим большинством советских цивилистов (А. В. Венедиктов, Д. М. Генкин и др.) ¹⁵ и явилось основой для дальнейшего теоретического исследования этого вопроса. Если вещь вышла из рук собственника помимо его воли (похищена, утеряна и пр.), закон становится на сторону первого собственника, в остальных случаях выбытия вещи из обладания собственника — на сторону добросовестного приобретателя, ограничивая тем самым виндикацию.

Необходимо остановиться на понятиях утери и похищения как прочих объектов права личной собственности, так и строений. Если под утерей прочих вещей понимается непреднамеренная утрата владения вещью без непосредственного поступления ее во владение другого лица, то такое определение утери неприменимо (буквально) в отношении строения. Собственник строения может в случае выбытия из местонахождения дома оставить его без над-

¹³ Опр. ГСК Верховного суда СССР № 419 от 24 мая 1947 г. по делу Селина, Судебная практика Верховного суда СССР, 1947, вып. VII, стр. 3.

¹⁴ Судебная практика Верховного суда СССР, 1944, вып. II, стр. 9.

¹⁵ См. Советское гражданское право, М. 1950, т. I, стр. 328; см. также Д. М. Генкин, Война и некоторые вопросы гражданского права, Ученые записки ВИЮН, 1945, вып. 3; см. также А. В. Венедиктов, Государственная социалистическая собственность, М.—Л. 1948, стр. 536; см. также Б. Б. Черепяхин, Виндикационные иски в советском праве, «Ученые записки Свердловского юридического института», т. I, Свердловск 1945, стр. 46.

зора, без непосредственной передачи последнего на каком-либо титуле другому лицу, но не утратить дом.

Неприменимость понятия потери (буквально) в отношении дома объясняется тем, что незаконный владелец прочих вещей может совершить все сделки в отношении чужого имущества, в том числе и отчудить ее беспрепятственно третьему лицу. Незаконный же владелец строения, оставленного собственником, может пользоваться им, отдавать его в арендное пользование и т. д., но не может отчудить его, так как для отчуждения строения требуется представление документов, подтверждающих принадлежность права собственности отчуждателю.

Правомочие владения в отношении права собственности на прочие вещи является определяющим обстоятельством, создающим презумпцию права собственности на вещь. Владение обеспечивает возможность осуществления без правоустанавливающих документов всех правомочий на данную вещь. Сам же факт владения строением, без правоустанавливающих документов, не создает презумпции права собственности на строение, ибо это право определяется правоустанавливающими документами, наличие которых должно быть зарегистрировано в инвентаризационном бюро. По нашему мнению, в отношении таких строений, на которые у владельцев нет правоустанавливающих документов, презумируется право государственной собственности.¹⁶ Это, однако, не означает формального отождествления документа на право собственности и самого права собственности. Документ на право собственности является формой выражения наличия у определенного лица самого права на вещь.

Похищение — это преступное изъятие имущества каким-либо лицом из владения собственника или титульного владельца. По смыслу Указа Президиума Верховного Совета СССР «Об усилении охраны личной собственности граждан» от 4 июня 1947 г. похищением (как тайным, так и открытым) является кража. Кража строения, как объекта права личной собственности, в буквальном смысле этого слова, невозможна, ибо понятие — жилой дом — не исчерпывается только одним домом — к нему примыкает и земельный участок на праве бессрочного пользования.¹⁷ Кроме того, преступник не может пользоваться домом как своей соб-

¹⁶ См. А. В. Венедиктов, Гражданско-правовая охрана социалистической собственности в СССР, Москва—Ленинград 1954, стр. 143. На иную точку зрения стала Р. О. Халфина. Она пишет: «Применение презумпции государственной собственности во второй фазе развития социалистического государства в отношении личной собственности граждан должно быть, по нашему мнению, существенно ограничено. Она должна применяться лишь в случаях виндикации государственной собственности. В остальных случаях эта презумпция не нужна» (Р. О. Халфина, Право личной собственности граждан СССР, Москва 1955, стр. 176—177).

¹⁷ Э. Я. Ласик, Право личной собственности на жилое строение по советскому гражданскому праву, Ленинград 1953, стр. 7 (автореферат кандидатской диссертации).

ственностью при отсутствии документов, подтверждающих его право собственности. Однако похищение строения возможно в широком смысле этого слова, путем сноса его. Снос строения помимо воли собственника может быть совершен путем кражи и разбоя. Собственник имеет право виндигировать от добросовестного приобретателя строительные материалы, а если из них был восстановлен дом, то и его. В последнем случае собственник вправе, наряду с требованием о возврате дома в судебном порядке, требовать от исполкома гор- или райсовета в административном порядке передачи ему в бессрочное пользование и земельного участка, выделенного приобретателю под строительство.

Строение считается вышедшим из обладания собственника по его воле только в том случае, если оно было непосредственно передано собственником контрагенту на каком-либо титуле. В остальных случаях оно выходит из обладания собственника «помимо его воли». Строение может перейти к третьему лицу (приобретателю) по сделке, заключенной между ним и незаконным владельцем (отчуждателем) только тогда, когда незаконный владелец предъявил какие-либо документы, удостоверяющие, что он собственник. Ст. 60 ГК не защищает добросовестного приобретателя (который не знал и не должен был знать, что отчуждатель не собственник), если незаконный владелец оформил преступным путем на себя документы на продаваемый дом. Даже в том случае, когда строение вышло из рук собственника «по его воле» в порядке договора или он просто «оставил» его, но контрагент позже оформил на себя преступным путем документы, якобы подтверждающие его право собственности, собственник вправе виндигировать свой дом у добросовестного приобретателя. Это объясняется тем, что оформление преступным путем документов исключает какое-либо проявление воли собственника, ибо «вне психологических волевых актов нет и не может быть никакой воли».¹⁸ Приведем пример из судебной практики.

Г владел домом на праве личной собственности в г. Нарве. 1 декабря 1947 г. он передал квартиру № 3 в указанном доме гр-ке Р в бесплатное пользование без права передачи и выехал со своей семьей из г. Нарвы.

После отъезда Г гр-ка Р обманным путем оформила дом на свое имя и продала по договору от 12 ноября 1949 г. квартиры № 3 и 4 гр-нам В. и Т. за 10790 рублей. Впоследствии Р выехала из Нарвы и в 1951 г. умерла. Собственник Г обратился в суд с иском об изъятии дома и о признании договора купли-продажи, заключенного между Р и В. и Т., недействительным. ГСК Верховного суда Эстонской ССР в своем определении от 31 июля 1952 г. указала: «Согласно ст. 183 ГК РСФСР право продажи имущества принадлежит собственнику. В данном случае Р не являлась собственником дома, договор купли-продажи заключен на

¹⁸ О. С. Иоффе, Правоотношение по советскому гражданскому праву, Ленинград 1949, стр. 65.

основании представленных ею фиктивных сведений, вследствие чего является недействительным».¹⁹ Дом был возвращен Г

Если же строение передано другому лицу по воле собственника и оформление документов, подтверждающих право собственности этого лица, не содержит в себе состава преступления, ст. 60 защищает добросовестного приобретателя.

Преступные посягательства на личную собственность граждан, в частности на строения, как-то: кража, разбой, вымогательство и пр. являются самостоятельными составами преступления. Однако, в отношении виндикации от добросовестного приобретателя дома не имеет значения, каким преступным путем незаконный владелец изъяс дом от собственника и оформил документы на себя.

Следовательно, при исследовании вопроса о защите добросовестного приобретателя строения, мы практически сталкиваемся только с вопросами: вышло ли строение из обладания собственника «по его воле» или «помимо его воли», хотя и до сего времени в судебной практике на каждом шагу говорят о похищении или утере строений, т. е. употребляется точная формулировка ст. 60 ГК РСФСР формулировка, которую следует считать устаревшей.

Наконец, нельзя согласиться с мнением Р. О. Халфиной о том, что в случае похищения вещи «собственник может предъявить либо обязательственное требование к лицу, виновному в похищении его вещи, хотя бы эта вещь и выбыла из его обладания, либо виндикационный иск к тому лицу, у которого вещь в данный момент находится».²⁰ Собственник в случае похищения вещи вправе предъявить обязательственное требование только в том случае, когда вещь не существует в натуре или же в силу ограничения виндикации изъятие вещи у добросовестного приобретателя или у других лиц по каким-то причинам не возможно. Удовлетворение обязательно-правового иска собственника к виновному в похищении вещи в то время, когда вещь существует в натуре и может быть истребована от владельца, будет неправильным. Нет основания для предоставления собственнику права требовать денежной компенсации вместо истребования вещи только по той причине, что вещь была похищена у него.

II

Иск собственника об истребовании устранения всяких нарушений его права — негаторный иск — мало исследован в советской юридической литературе. Цивилисты, как правило, утверждают, что ч. 2 ст. 59 ГК распространяется на иски собственников, в ко-

¹⁹ По нашему мнению, следовало бы применять и ст. 59 ГК, поскольку истец требовал изъятия дома из чужого незаконного владения.

²⁰ Р. О. Халфина, Право личной собственности граждан в СССР, Москва 1955, стр. 160—161.

торых предметом иска является требование об устранении нарушений, препятствующих пользоваться вещью, а также требование о запрещении подобных нарушений на будущее время. Считают при этом, что негаторный иск может быть предъявлен лишь при условии неопременного владения собственником вещью.²¹ По нашему мнению, такое сужение понятия негаторного иска является неправильным и совершенно не соответствует подлинному смыслу ч. 2 ст. 59 ГК.

Попытаемся обосновать правильность нашего утверждения.

Ряд собственников, которые во время Великой Отечественной войны были либо эвакуированы вглубь страны, либо угнаны фашистами в Германию, при возвращении к месту нахождения строений обнаруживали дома занятыми переселенцами, прочими гражданами, государственными или общественными организациями. Собственники обращались в суд с виндикационным иском о выселении незаконных владельцев. Кроме таких случаев, собственники, не требуя выселения, обращались в суд из-за того, что коммунальные органы отказывались регистрировать строения за ними ввиду утери документов, подтверждающих право собственности на строение. В судебной практике названные дела известны как «иски о признании права собственности на строение».

Следует отметить, что иски о признании права собственности в судебной практике имеют место чаще всего в отношении строений. При обнаружении прочих вещей в руках незаконного владельца собственник, как правило, предъявляет виндикационный иск, ибо нет смысла оставлять спорную вещь в руках владельца, так как последний все равно может распоряжаться вещью «как своей». В отношении же строений основной интерес истца заключается в закреплении за ним права собственности на строение, так как владелец без правоустанавливающих документов строения отчуждить не может.

Естественно возникает вопрос: какова правовая природа такого иска? Ясно, что это вещно-правовой иск, поскольку при отказе истцу в иске дом будет изъят у него. Вещно-правовые иски, как известно, в свою очередь могут быть как виндикационные, так и негаторные. Против признания этого иска виндикационным говорит то обстоятельство, что исковое требование направлено вовсе не на изъятие дома из чужого незаконного владения, а на устранение нарушений права собственника. Собственник, например, не может отчуждить дом, так как нарушено право распоряжения. Если же мы признаем такое требование виндикационным, то мы одновременно вынуждены будем признать виндикацию без изъятия вещи из чужого незаконного владения или же признать виндикацией изъятие прав у незаконного владельца на спорный дом. Если

²¹ Насколько нам известно из опубликованных работ, только проф. А. В. Венедиктов значительно расширял традиционное понятие негаторного иска (А. В. Венедиктов, Гражданско-правовая охрана социалистической собственности в СССР, Москва-Ленинград 1954, стр. 93—95).

это так, то в случае появления у собственника желания лично владеть домом, он должен предъявить именно второй виндикационный иск, в котором требует изъятия дома из чужого незаконного владения, или же обязательно-правовой иск, если он заключил договор найма с фактическим владельцем дома, о выселении съемщика. С такими рассуждениями мы так или иначе зайдем в тупик. В других случаях собственник может даже владеть домом, но третьи лица препятствуют ему осуществлять право собственности. Он все равно не может отчудить дом ввиду отсутствия правоустанавливающих документов.

Мы думаем, что такое требование есть негаторный иск, иск собственника об устранении всяких нарушений его права, предусмотренный в ч. 2 ст. 59 ГК. В этой статье говорится: «собственник вправе требовать устранения всяких нарушений его права, хотя бы они и не были соединены с лишением владения». Слова «всяких нарушений его права» убеждают нас в том, что имеется в виду не только нарушение права пользования и владения, но и нарушение права распоряжения, т. е. возможность нарушения права собственности в целом. Слова «хотя бы они и не были соединены с лишением владения» убеждают нас в том, что собственник вправе предъявить иск об устранении всяких нарушений его права к нарушителю не только тогда, когда он владеет вещью, но и тогда, когда его владение нарушено.

Очевидно, не имеет никакого значения, владеет ли истец вещью или нет. Важно только то, в чем заключается исковое требование, в изъятии вещи из чужого незаконного владения или же в устранении всяких нарушений права собственника.

Предметом негаторного иска является требование об устранении нарушения, препятствующего собственнику не только владеть и пользоваться вещью, но и распоряжаться ею, и запрещение такого нарушения на будущее время. Это имеет место и в тех случаях, когда истец не владеет вещью. Он не ставит вопроса об изъятии вещи и требует только устранения нарушений в праве распоряжения. Если он такой вопрос ставит, налицо виндикационный иск. Собственник может предъявить негаторный иск только в том случае, если нарушение имеет место в момент предъявления иска.

Негаторные иски можно разделить на две группы:

1) иски, в которых исковое требование собственника направлено на устранение помех, препятствующих ему распоряжаться вещью (домом) как собственнику;

2) иски, в которых исковое требование собственника направлено на устранение помех, препятствующих ему владеть и пользоваться вещью (домом). Вторая группа исков в судебной практике почти не встречается.

На негаторные иски распространяются предусмотренные ст. 60 ГК правила, ограничивающие право собственника требовать

устранения нарушения его права распоряжения вещью (домом) «как своим».

Негаторные иски подлежат действию сроков исковой давности, если нарушено право распоряжения.

Судебная практика, как правило, не проводит четкого разграничения виндикационных и негаторных исков, так как оба иска рассматриваются на основании ст. ст. 59 и 60 ГК. Суды обычно не отмечают, был ли иск рассмотрен на основании ч. 1 или ч. 2 ст. 59 ГК. Нередко не видно из судебного решения или определения вышестоящей инстанции, владел ли истец домом или не владел, требовал ли он изъятия дома или только устранения помех, препятствующих ему распоряжаться домом как собственнику.²² Следует пожелать, чтобы суды внесли должную ясность в разграничение того и другого иска.

Не следует смешивать негаторные иски как иски о признании права собственности на строение, рассматриваемые на основании ч. 2 ст. 59 ГК, с делами об установлении факта владения строением на праве личной собственности, которые иногда в судебной практике неверно называют также исками о признании права собственности. Последние имеют совершенно иную правовую природу. Если в первом случае идет спор о праве гражданском (ст. 2 ГПК), то во втором случае такого спора нет. Суду ясно, что заявитель — собственник дома, но он не имеет правоустанавливающих документов, подтверждающих его право собственности на строение. Важнейшей предпосылкой для удовлетворения такого заявления является то, что эти документы были у собственника, и возникшее правоотношение существует, но в данный момент восстановить утерянные или уничтоженные документы невозможно, или нет возможности их получить.²³

III

Наконец, остановимся очень кратко на так называемых исках «об исключении имущества из описи». Вещи могут попасть в опись имущества в силу случайных обстоятельств (вещь находится во владении ответчика или осужденного и др.), а также в случае, если они являются общей долевой собственностью или общей совместной собственностью ответчика и третьего лица, или собственностью колхозного двора.

²² См. Определение ГСК Верховного суда СССР от 7 января 1953 г. по иску Драгина (Судебная практика Верховного суда СССР, 1953, № 2, стр. 23); его же, от 21 ноября 1951 по иску Кочновой (там же, 1952, № 5, стр. 25); его же, от 23 декабря 1948 по иску Сеньковой (там же, 1949, № 4, стр. 17 и др.).

²³ П. 9 Постановления № 3 Пленума Верховного суда СССР от 7 мая 1954 г. «О судебной практике по делам об установлении фактов, от которых зависит возникновение, изменение или прекращение личных или имущественных прав граждан» (Судебная практика Верховного суда СССР 1954, № 4, стр. 3).

Иск третьего лица об исключении имущества из описи является самостоятельным исковым требованием, иском о праве собственности, предусмотренным в ст. 59 ГК.²⁴ Ст. 59 ГК содержит два рода вещно-правовых исков, — виндикационный иск и негаторный иск. Мы думаем, что в зависимости от того, лишен ли истец владения, или не лишен, а также от того, просит ли он о признании за ним права собственности на вещь, т. е. об устранении всяких нарушений его права, или требует восстановления нарушенного владения вещью, иск об исключении имущества из описи может быть либо негаторным (ч. 2 ст. 59 ГК), либо виндикационным (ч. 1 ст. 59 ГК).²⁵ На разграничении же виндикационного и негаторного иска мы останавливались выше.

Следует, однако, отметить, что представители советского гражданского права по этому вопросу впадают в две крайности. Одни признают такой иск только виндикационным,²⁶ другие считают его иском о признании.²⁷ Повидимому вторая группа представителей не считает иск об исключении имущества из описи иском о праве собственности. В противном случае они назвали бы его негаторным иском.

Трудно согласиться с мнением Р. О. Халфиной в той части, где она утверждает, что все иски об исключении имущества из описи являются виндикационными. Для подтверждения своей точки зрения она пишет: «Это подтверждается и положением о том, кто является ответчиком по иску об исключении имущества из описи. В соответствии с п. 3 постановления Пленума Верховного суда СССР от 19 марта 1948 г. надлежащими ответчиками по искам об исключении имущества из описи являются должник, у которого произведена опись имущества, и те организации и лица, по претензиям которых было описано у должника имущество. Если опись произведена в связи с приговором о конфискации имущества, то в качестве ответчика должен быть привлечен финансовый отдел местного Совета депутатов трудящихся...»²⁸ Мы не будем повторять аргументации о различиях виндикационных и негаторных

²⁴ См. Директивное письмо Верховного суда СССР от 9 июля 1936 г. № 39 «О порядке рассмотрения исков третьих лиц об освобождении имущества от описи» (Сборник действующих постановлений Пленума и директивных писем Верховного суда СССР 1924—1944 гг., Юриздат. Москва 1946, стр. 192); см. также Постановление Пленума Верховного суда СССР от 19 марта 1948 г. «О судебной практике по делам об исключении имущества из описи» (Сборник действующих постановлений Пленума Верховного суда СССР 1924—1951 гг., Москва 1952, стр. 223)

²⁵ Э. Я. Лаасик, ук. соч., стр. 20; см. Ю. К. Толстой, ук. соч., стр. 100.

²⁶ Р. О. Халфина. Право личной собственности граждан в СССР, Москва 1955, стр. 161—165.

²⁷ Советское гражданское право, учебник для юр. школ, 4 изд., Москва 1950, стр. 184—185; см. также Р. Ф. Мажитова, Основные проблемы права личной собственности в СССР Москва 1949, стр. 19—20 (автореферат кандидатской диссертации).

²⁸ Р. О. Халфина, ук. соч., стр. 162—163.

исков. Отметим, однако, что нельзя назвать иск об исключении дома из описи имущества виндикационным, если истец все время жил и в момент предъявления иска в доме проживает, или вещь находится во владении истца, так как владение собственника не нарушалось. В таком случае мы неизбежно должны бы были признать, что иск об изъятии вещи из чужого незаконного владения (виндикация) может быть и без изъятия вещи из чужого незаконного владения. Это, конечно, бессмысленно. В данном случае нарушено только право распоряжения, ибо опись является всегда «актом, ограничивающим право собственника».²⁹ В силу того, что дом попал в опись имущества, собственнику препятствуют осуществить право собственности: он не может отчудить дом. Его интерес заключается только в устранении этого препятствия. Кроме того, если не будет устранено нарушение права распоряжения, вещь (дом) в будущем будет изъята у него. Нам представляется, что все сказанное выше Р. О. Халфиной подтверждает именно наличие негаторного иска, если вещь находится во владении истца, а не виндикационного, ибо все вышеуказанные лица (должник, организации или лица, по претензиям которых произведена опись, финансовый отдел) препятствуют ему распоряжаться вещью как собственнику, но изъять от них нечего. Поэтому ответчиками могут быть только те лица, которые нарушают право распоряжения собственника, и иск может быть предъявлен только к ним.

Другое дело, если, например, собственник, истец, выселен из описанного дома или же вещь в силу описи ее изъята от него, и если истец требует не только признания за ним права собственности, но и изъятия вещи и передачи ее ему — налицо виндикационный иск.

Наше мнение подтверждается тем, что если имущество описано в связи с приговором о конфискации его, и имущество уже реализовано, то в качестве ответчиков должны быть привлечены и «те учреждения или организации, которым передано конфискованное имущество»³⁰ кроме финансового отдела местного Совета депутатов трудящихся, так как изъятие реализованного имущества возможно только от них. Если Р. О. Халфина признала бы только последний случай исключения имущества из описи виндикационным иском, то она была бы совершенно права.

Нельзя признать также точным утверждение, что иск об исключении имущества является только иском о признании. Нельзя ограничиваться указанием лишь на метод гражданско-правовой защиты.³¹ Нам кажется, что авторы, придерживавшиеся

²⁹ Определение ГСК Верховного суда СССР по делу № 03/880-53 от 21 ноября 1953 г. по иску Шатко об исключении имущества из описи (Судебная практика Верховного суда СССР, 1954, № 4, стр. 46).

³⁰ Постановление Пленума Верховного суда СССР от 19 марта 1948 № 6(5) у «О судебной практике по делам об исключении имущества из описи» (Судебная практика Верховного суда СССР, 1948, вып. III, стр. 6).

³¹ Советское гражданское право, учебник для вузов, Москва 1950, стр. 118.

такой точки зрения, остановились на полпути и не определяют, каким иском из способов гражданско-правовой защиты является иск об исключении имущества из описи. Стараясь избежать необходимости сделать вывод, каким вещно-правовым иском является иск об исключении имущества из описи, проф. С. Н. Братусь предупреждает: «Виндикационный иск не следует смешивать с иском о признании права собственности на вещь».³² провозглашая тем самым «иск о признании» особым способом защиты права собственности. В качестве примера такого иска он приводит иск об исключении имущества из описи. Чувствуя необоснованность своего утверждения, проф. С. Н. Братусь вскоре вынужден признать: «Впрочем, судебная практика иск об исключении из описи имущества считает «иском о праве собственности, предусмотренным в ст. 59 ГК».³³ Вывода из этого проф. С. Н. Братусь все-таки не делает. Для опровержения теории о признании иска об исключении имущества из описи особым способом гражданско-правовой защиты права собственности, мы ссылаемся только на одно определение ГСК Верховного суда СССР. В определении Коллегии от 21 ноября 1953 г. по иску Шатько об исключении имущества из описи прямо указывается, что «иски об исключении из описи, как указано в постановлении Пленума Верховного суда от 19 марта 1948 г. № 6(5)у, представляют собой спор о праве собственности,³⁴ и предметом таких исков является требование признания за истцом права собственности на спорное имущество и, как следствие этого, исключение его из описи.

Поэтому противопоставлять эти иски один другому и допускать возможность предъявления иска об исключении имущества без сопутствующего ему иска о праве собственности на описанное имущество было бы неправильным (разрядка моя — Э. Л.)».³⁵ Есть полное основание полагать, что ГСК имеет в виду как виндикационный, так и негаторный иск.

Для признания иска об исключении имущества из описи иском о праве собственности не противоречит и то обстоятельство, что с исков третьих лиц госпошлина взимается в твердой денежной сумме (три рубля) независимо от стоимости отыскиваемого имущества, ибо госпошлина определяется законодателем, исходя из

³² Советское гражданское право, учебник для юр. школ, 4 изд., Москва 1950, стр. 184.

³³ Там же, стр. 185.

³⁴ Ссылки на то, что в случае исключения имущества из описи идет спор о праве собственности, встречаются в судебной практике как до, так и после издания Постановления Пленума Верховного суда от 19 марта 1948 г. № 6(5)у. См. например, определение ГСК № 317 от 8 мая 1946 г. по иску Луулик, Судебная практика Верховного суда СССР, 1946, вып. V, стр. 26; опр. ГСК № 133, от 20 февраля 1946 г. по иску Поскребышевой, там же, 1946, вып. II, стр. 28; опр. ГСК по делу № 03/538 от 29 мая 1953 г. по иску Сафоновой, там же, 1954, № 1, стр. 42—43 и др.

³⁵ Судебная практика Верховного суда СССР, 1954, № 4, стр. 45—47.

процессуальных особенностей того или другого иска и ряда других обстоятельств.³⁶

При исследовании этого вопроса необходимо иметь в виду, что негаторный иск — не единственный иск о признании (об установлении), так как ряд обязательствно-правовых исков могут также быть исками о признании (например, иск о признании за каким-то лицом самостоятельного права пользования жилой площадью). также как к искам о присуждении относятся не только виндикационные, но и ряд обязательствно-правовых исков (например, иски о взыскании убытков, неустойки и т. д.). Следует подчеркнуть, что нельзя смешивать разные явления, с одной стороны, иски о признании и присуждении, представляющие собой институты гражданского процесса, с другой, иски виндикационные, негаторные и др., являющиеся институтами гражданского права.

Иски об исключении имущества из описи подлежат рассмотрению суда по общим правилам ГПК, независимо от того, совершена ли опись имущества во исполнение решения суда по гражданскому делу или приговора суда по уголовному делу, и произведено ли изъятие и реализация описанного имущества или нет. Если имущество уже реализовано, то вопрос об изъятии его от нового приобретателя разрешается судом в соответствии со ст. ст. 59 и 60 ГК.

В заключение следует еще раз напомнить, что советское социалистическое государство, усиливая всемерную охрану права личной собственности граждан, тем самым способствует максимальному удовлетворению постоянно растущих материальных и культурных потребностей всех трудящихся социалистического общества.

³⁶ См. Определение ГСК Верховного суда СССР № 03/200 от 18 марта 1953 г. по иску Малетиной, Судебная практика Верховного суда СССР, 1953, № 4, стр. 45—46.

ISIKLIKU OMANDIÕIGUSE KAITSE

Juriid. tead. kand. E. Laasik

Tsiiviilõiguse ja -protsessi kateeder

R e s ü m e e

Isikliku omandiõiguse kaitse vahendid on väga mitmesugused. Artikli raamides käsitleme ainult neid isikliku omandiõiguse kaitse küsimusi, millede lahendamine tekitab raskusi kohtupraktikas või millede kohta ei ole ühtset arvamust nõukogude tsivilistide hulgas.

Tähtsaimaks isikliku omandiõiguse tsiiviilõiguslikuks kaitsevahendiks on vindikatsiooniline hagi (VNFSV TsK § 59 lg. 1). Legitiimatsiooni aluseks vindikatsioonilise hagi esitamisel on õigus, mille alusel hagejale kuulub õigustus vallata, s. o. õigus, mis annab hagejale valdusõiguse. Hagi esemeks on nõue individuaalselt piiritletud asi ära võtta võõrast ebaseaduslikust valdusest natuuras ja anda ta hageja valdusse.

Lähtudes tsiiviilõiguste kaitse meetoditest on vindikatsiooniline hagi täitehagiks. Järelikult on temas ka tuvastushagi elemente. Täitehagi sellega erinebki tuvastushagist, et esimesel juhtumil on kohtuotsuse sisuks teatud õigussuhte tunnustamine poolte vahel ja kostja sundimine teatud teo sooritamisele või teost hoidumisele hageja kasuks; teisel juhtumil aga teine element puudub, tunnustatakse ainult kas õigussuhte olemasolu või puudumist poolte vahel.

Kui nõutakse tavaliste isikliku omandiõiguste objektide (laud, tool, ülikond jne.) äravõtmist, siis kohus üldreeglina ei aruta omandiõiguse kuuluvuse küsimust hagejale, sest see õigus presumeeritakse. Omandiõiguse tõendamist nõutakse hageja poolt ainult kahtluse korral. Elamute vinditseerimise korral aga kontrollib kohus alati, millisel alusel vaidlusalune maja kuulub hagejale. Tavaliste asjade (s. o. esemed, millede kohta pole kehtestatud erilist õiguslikku režiimi) vinditseerimisel on rikutud kõik omaniku õigustused (kasutamine, valdamine, käsutamine). Ebaseaduslik valdaja võib seda takistamatult juba alates vara enda valdusse võtmise momendist käsutada nagu oma vara. Elamute väljanõudmise korral võib olla rikutud 1) kas ainult kasutamise- ja valdusõigus või 2) kõik omaniku õigustused. Esimesel juhul võib omanik elamut käsutada selles ulatuses, mis ei ole seotud valduse ja kasu-

tamisega (müüa, kinkida jne.). Teisel juhtumil on ebaseaduslik valdaja vormistanud elamu oma nimele. Omanik ei saa elamu suhtes sõlmida enam mingisuguseid tehinguid. Esimesel puhul tähendab vindikatsioon praktiliselt ebaseadusliku valdaja väljatõstmist vaidlusalusest elamust VNFSV TsK § 59 lg. 1 alusel. Teisel juhtumil aga ainult väljatõstmine ei rahulda hagejat, sest ka pärast väljatõstmist jääb ikkagi ebaseaduslik valdaja omanikuks. Eelkõige on vaja lahendada omandiõiguse küsimus, s. o. dokumentide kehtivuse küsimus, mille alusel ebaseaduslik valdaja registreeris elamu oma nimele. Seepärast peab kohtuotsuse resolutiivosas lahendatama esiteks omandiõiguse kuuluvuse ja teiseks ebaseadusliku valdaja väljatõstmise küsimus. Selline kohtuotsus võimaldab omanikul registreerida maja inventariseerimise büroos uuesti oma nimele. Tavaliste asjade vinditseerimisel ei märgita omandiõiguse kuuluvuse küsimust otsusesse, sest asja äravõtmise ja üleandmisega hagejale tunnustatakse hageja omanikuks. Kui valduse taastamise fakt otsustab üldreeglina asja käsutamise küsimuse, siis elamu valduse taastamise korral oleks selline väide ebaõige.

Vindikatsiooniline hagi esitatakse ainult selle ebaseadusliku valdaja vastu, kes hagi esitamise momendil faktiliselt asja valdab. Ainult temalt võidakse asi kohtuotsuse alusel ära võtta. Vaidluse õige lahendamise eesmärgil võidakse protsessi kaasa tõmmata teisi asjast huvitatud isikuid kas kaaskostjate või kolmandate isikutena.

Vindikatsioonilist hagi võidakse esitada ainult siis, kui hagetav vara on olemas.

Kostjaks vindikatsioonilises hagis võib olla nii pahauskne kui ka heauskne omandaja. Pahauskselt omandajalt võidakse asja alati välja nõuda, heauskselt aga ainult erandjuhtumeil. VNFSV TsK § 60 järgi võib omanik heauskselt, kuid mitte vahenditult omaniku käest vara omandanud isikut hageda oma vara (§ 59) ainult juhtumil, kui see on tema (omaniku) käest kaotsi läinud või riisunud. Elamut ära kaotada või riisuda nende sõnade otseses tähenduses ei ole võimalik. Küll võidakse aga riisuda maja äravedamise teel. Sel puhul võidakse vinditseerida nii ehitusmaterjale kui ka juba uues kohas ülesehitatud elamut, kusjuures hagejal on õigus nõuda halduskorras linna või rajooni täitevkomiteelt temale maatüki tähtajata kasutamiseks üleandmist, mis oli eraldatud ehituse jaoks. Elamu loetakse omaniku käest äraläinuks tema tahte kohaselt ainult siis, kui omanik andis elamu kontrahendile üle mingisuguse tehingu alusel. VNFSV TsK § 60 ei kaitse heauskset omandajat ühelgi juhtumil, kui ebaseaduslik valdaja (võõrandaja) vormistas dokumendid elamule kuritegelikul teel. See reegel kehtib ka sel puhul, kui elamu läks omaniku valdusest ära tema tahte kohaselt.

Nõukogude juriidilises kirjanduses on negatoorset hagi vähe uuritud. Tsivilistid tavaliselt väidavad, et VNFSV TsK § 59 lg. 2

laieneb ainult niisugustele omaniku hagidele, kus hagi esemeks on kasutamisoiguse rikkumise kõrvaldamise nõudmine ja keeld rikkuda omaniku kasutamisoigust tulevikus. Seejuures väidetakse, et omanik võib negatoorse hagi esitada ainult sel juhtumil, kui ta ise vahetult asja valdab. Selline negatoorse hagi mõiste piiramine on ebaõige ja ei vasta § 59 lg. 2 tegelikule mõttele.

Meie arvates ei oma hagi negatoorseks tunnistamisel mingit tähtsust asjaolu, kas hageja valdab asja või ei. Tähtis on ainult see, milles seisneb hagiline nõue, kas asja äravõtmises võõrast ebaseaduslikust valdusest või omaniku õiguste igasuguste rikkumiste kõrvaldamises. Negatoorse hagi esemeiks on rikkumise kõrvaldamise nõue, mis mitte ainult ei takista omanikul asja kasutada ja vallata, vaid ka käsutada seda, ning sellise rikkumise keeld tulevikus. Asja võõras valduses olemise korral hageja ei tohi nõuda asja äravõtmist. Kui ta sellise nõude esitab, on tegemist juba vindikatsioonilise hagiga.

Negatoorsed hagid võib jagada kahte rühma: 1) hagid, kus omaniku nõue on suunatud takistuste kõrvaldamisele, mis takistavad tal kui omanikul asja käsutamist, ja 2) hagid, kus omaniku nõue on suunatud takistuste kõrvaldamisele, mis takistavad tal asja kasutamist ja valdamist. Teist hagide rühma kohtupraktikas peaaegu ei esine.

Kolmandate isikute hagi vara aresti alt vabastamiseks on ise-seisev hagiline nõue, omandiõiguslik hagi, mis on ette nähtud TsK §-s 59. TsK § 59 sisaldab kaks asjaõiguslikku hagi — vindikatsioonilise ja negatoorse. Sõltuvalt sellest, kas omanik valdab või ei valda asja, samuti ka sellest, kas ta palub tuvastada omandiõigust, s. t. kõrvaldada igasugused tema õiguse rikkumised, või nõuab ta rikutud asja valduse taastamist, võib vara aresti alt vabastamise hagi olla kas negatoorne või vindikatsiooniline.

К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА ОБ ОСНОВАНИЯХ ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Доцент, канд. юрид. наук И. Ребане

Кафедра уголовного права и процесса

I. Проблема оснований правовой ответственности имеет в науке советского социалистического права огромное политическое значение. В государстве социалистической демократии, где интересы и права личности защищены в высшей степени и гармонически сочетаются с интересами всего социалистического общества, целеустремленно идущего вперед к коммунизму, вопрос об обосновании правовой ответственности, об основаниях принудительного воздействия государственной власти на личность, приобретает принципиальное, весьма важное значение. Это — один из самых кардинальных вопросов теории советского социалистического права. Разрешение проблемы оснований ответственности должно привести к непреложному осознанию необходимости и истинности, справедливости и гуманности правовой ответственности в Советском социалистическом государстве.

II. В науке советского социалистического права вопрос об основаниях ответственности разработан преимущественно криминалистами и применительно к советскому уголовному праву. Между тем, перенесение общей проблемы теории права в область уголовно-правовую не только вызывает возражения, но должно быть признано принципиально ошибочным, как пережиток явлений буржуазной правовой идеологии, свидетельствующий о том, что пока еще окончательно не преодолена раздробленность в советской правовой мысли, правовых проблемах, имеющих общее значение.

При богатстве догматического материала, при освящении правовых норм, после крушения классической философии и ее всеобъемлющих спекулятивно-построенных, раз навсегда законченных мировых систем, буржуазия сосредоточила внимание на догматическом изучении права. Занимаясь узкими специальными вопросами, буржуазные правоведы избегали смелых научных обобщений, отказались от установления основных закономерностей

развития и загнивания буржуазного общества. Их специальные исследования в области отдельных отраслей права не должны были служить предметом подобных обобщений. В результате этого буржуазным энциклопедиям права, как цельным и законченными правовыми системами, пришел конец.

Марксизм-ленинизм как единственно подлинно-научное, цельное и законченное мировоззрение, наоборот, исходит при изучении права из того, что правовые явления не стоят обособленно, что это — не скопление необозримого множества нормативного материала. Он считает, что правовые явления, как и другие явления общественной жизни, должны быть рассмотрены и оценены с позиций цельного и законченного мировоззрения — марксизма-ленинизма. В праве находят выражение основные закономерности развития общества, под действие которых отдельные правовые явления и должны быть подведены. Поэтому и проблема оснований ответственности явно вырисовывается как общая проблема науки советского социалистического права.

С точки зрения постановки проблемы оснований ответственности в науке советского социалистического права могут быть отмечены два основных направления.

Первое отыскивает разрешение проблемы в ответе на вопрос, каковы основания вменения конкретного правонарушения конкретному правонарушителю, каковы основания применения юридической санкции за данное конкретное правонарушение именно к данному правонарушителю. Речь идет об авторстве конкретного правонарушителя в данном правонарушении. В качестве оснований ответственности выделены были некоторые элементы состава правонарушения, а именно — причинность и виновность. Автором данного конкретного правонарушения признан был тот, кто виновно причиняет данный противоправный результат.

Как подробно развито будет ниже, этой проблемой далеко еще не разрешена. Проблема оснований ответственности здесь только начинается, ибо вменение является не основанием, а предпосылкой ответственности.

В поисках углубления проблемы оснований ответственности большинство советских исследователей затем стало признавать основанием ответственности весь состав правонарушения в целом, в совокупности всех его элементов. Однако и эти советские исследователи не дошли до самой проблемы оснований ответственности. Наоборот, они снимают проблему не только оснований ответственности, но и оснований вменения. Действительно, если основанием ответственности является состав, то правонарушитель отвечает потому, что он совершил правонарушение. Это, конечно, бесспорно. Но в этом, собственно говоря, нет никакой проблемы вообще. Вопрос же об основаниях вменения сохраняет смысл лишь постольку, поскольку речь идет о выделении некоторых элементов состава, а именно причинности и виновности в качестве этих оснований.

Второе направление по вопросу об основаниях ответственности в науке советского социалистического права усматривает в проблеме оснований ответственности проблему философского обоснования ответственности. Оно исходит из следующего знаменитого указания Ф. Энгельса в «Анти-Дюринге»: «Невозможно рассуждать о морали и праве, не касаясь вопроса о так называемой свободе воли, о вменяемости человека, об отношении между необходимостью и свободой».¹ Однако так как индетерминизм опровергается марксизмом, то естественно возникает вопрос, как сочетать детерминизм с ответственностью?

Сама по себе такая постановка вопроса, бесспорно, правильна. Исходя из марксистско-ленинского понимания свободы воли и детерминированности человеческих поступков, она дает прочную основу для разрешения вопроса о субъективном основании ответственности.

Действительно, марксизм не только не отрицает свободной воли, но единственно он научно ее объясняет как человеческую способность действовать «со знанием дела». Познав необходимость, познав объективные законы, человек действует «со знанием дела», подчиняет эти законы своему господству. Следовательно, детерминированность поведения личности ни в какой мере не устраняет активной роли человеческого сознания, что и является основанием ответственности.

Несмотря на бесспорность изложенного, суть вопроса этим не исчерпана. При изложенной конструкции объективное основание ответственности упущено из виду. Речь идет только о субъективном ее основании.

Разработка вопроса лишь о субъективном основании ответственности привела к тому, что долгое время вопрос об обосновании ответственности привлекало внимание почти исключительно советских криминалистов. Это связано было с тем, что в различных отраслях науки советского социалистического права по-разному понимают предпосылки, а вместе с тем и содержание ответственности, ввиду различного понимания правонарушения. Если советские криминалисты не усматривают наличия состава уголовного преступления при отсутствии вины, то в науке советского гражданского права говорят и о т. н. объективном правонарушении как предпосылке правовой ответственности. В связи с тем стройная конструкция оснований ответственности оказывается возможной только в области уголовного права. В науке же советского гражданского права, пользующейся исключительно обширным и многослойным понятием ответственности, проблему либо обошли, либо она оказалась неразрешимой.

III. Политические и теоретические основы для научной разработки вопроса об ответственности даны в трудах классиков марксизма-ленинизма. Основываясь на соответ-

¹ Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, 1945, стр. 106.

ствующих высказываниях классиков марксизма-ленинизма, следует установить понятие правовой ответственности и определить ее предпосылки, что безусловно необходимо для четкой постановки вопроса и об основаниях ответственности.

Внимательное изучение высказываний классиков марксизма-ленинизма по рассматриваемому вопросу показывает прежде всего, что классики марксизма-ленинизма связывают ответственность с деяниями, осуждаемыми советским народом, Советским государством, советской социалистической общественностью, в частности с нарушением государственной дисциплины. Ответственность — это ответственность за деяния, порицаемые как правонарушения.

В высказываниях классиков марксизма-ленинизма речь идет об ответственности перед народом, рабочим классом, революцией и особенно перед социалистическим государством. Так, В. И. Ленин говорит об ответственности «. перед государством за строжайший порядок, дисциплину и охрану имущества».²

Классики марксизма-ленинизма придают огромное значение личной, индивидуальной ответственности. В. И. Ленин требовал установления в советских учреждениях «. самой точной ответственности каждого из состоящих на любой советской должности лиц за выполнение определенных, ясно и недвусмысленно очерченных, заданий и практических работ»³ Это и другие подобные указания В. И. Ленина до того укоренились в советском законодательстве, что, возлагая какую-нибудь обязанность на то или другое советское учреждение или должностное лицо, законодатель или орган, издавший соответствующий правовой акт, как правило, в скобках указывают фамилию должностного лица, несущего личную ответственность за выполнение этой обязанности.

Принцип личной ответственности связан с принципом признания вклада каждого отдельного человека в дело коммунистического строительства. Из этого признания личных сил и труда каждого отдельного человека — члена советского социалистического общества — вытекает и принцип личной ответственности в советском социалистическом праве.

Принцип личной ответственности является могучим орудием в деле постепенного воспитания привычки к соблюдению правил социалистического общежития, к соблюдению их без насилия и без принуждения.

При действии принципа личной ответственности правовые последствия правонарушения связаны с виновным совершением правонарушения. Отрицательная оценка совершенного правонарушения сочетается с осуждением, порицанием самого правонаруши-

² В. И. Ленин, Сочинения, т. 26, стр. 242.

³ В. И. Ленин, Сочинения, т. 28, стр. 326. См. также: В. И. Ленин, Сочинения, т. 30, стр. 121; т. 35, стр. 437.

теля. Это имеет своим результатом отнесение к виновному в правонарушении личного упрека.

Говоря об ответственности, классики марксизма-ленинизма имеют, далее, в виду, что в результате признания человека ответственным, он подвергается определенным последствиям, в применении которых находит выражение его осуждение, отрицательная оценка им совершенного. В этой связи весьма показательны те высказывания В. И. Ленина, где он, говоря об ответственности, в скобках указывает конкретную меру наказания.⁴

Изложенное выше служит основанием для следующего вывода: ответственность — это, во-первых, ответственность за деяния, осуждаемые, порицаемые, как правонарушения; это, во-вторых, — всегда ответственность перед социалистическим государством, перед советским народом, перед рабочим классом и революцией; это, в-третьих, — ответственность личная, персональная, индивидуальная и, в-четвертых, признание ответственным влечет за собой определенные последствия.

Обобщая приведенные признаки, можно установить следующее определение ответственности в советском социалистическом праве:

Правовая ответственность в Советском государстве складывается из двух элементов. Ответственность согласно нормам советского социалистического права — это, во-первых, относимость социалистическим государством и советским народом к виновному в правонарушении личного упрека и, во-вторых, применимость вследствие этого к нему юридической санкции органами Советского социалистического государства.

IV. Так как правовая ответственность наступает лишь в случае совершения правонарушения, то понятие правовой ответственности теснейшим образом связано с понятием правонарушения. От того, что понимать под правонарушением, во многом зависит не только то, какого взгляда держаться относительно правовой ответственности вообще, но и ее оснований, в частности.

Правонарушение характеризуется тремя признаками: причинением ущерба социалистическим общественным отношениям (общественной вредностью), противоправностью деяния и выполнением состава правонарушения. Первый из этих признаков является материальным. Им вскрывается и характеризуется социально-политическая сущность правонарушения. Противоправность — это формальный, юридический признак правонарушения. Выполнение же состава свидетельствует о наличии самого общественно-вредного, противоправного посягательства. Состав — это критерий общественной вредности и противоправности посягательства.

⁴ См., например, Ленинский сборник, т. XXI, стр. 183.

С о с т а в правонарушения — это не совокупность признаков, о б р а з у ю щ и х данное правонарушение. Под составом следует понимать совокупность признаков, х а р а к т е р и з у ю щ и х объективную и субъективную стороны, объект и субъект правонарушения.

В плане учения об основаниях правовой ответственности в этой связи первостепенную важность приобретают вопросы об объекте правонарушения и изменениях, которые объект претерпевает в результате противоправного посягательства, а также о характере противоправного посягательства и значении вины для наличия состава правонарушения.

Действительно, правовая ответственность — это способ реагирования на последствия правонарушения и на самого правонарушителя. Совершенное правонарушение нельзя сделать непроизшедшим, но оказать воздействие на последствия правонарушения и на самого правонарушителя — возможно. Содержание и направленность этой реакции в значительной мере определяется характером последствий правонарушения и поведения самого правонарушителя.

Вопрос об объекте правонарушения с первого взгляда представляется несложным. Право охраняет социалистические общественные отношения. Охране этих отношений от общественно-вредных посягательств служит и механизм правовой ответственности.

Но в действительности этот общий ответ имеет значение лишь общего исходного положения. Он недостаточен для раскрытия тех изменений, которые объект претерпевает в результате совершения правонарушения.

Имея в виду п о с л е д с т в и я правонарушения, не точно говорить о том, что противоправное посягательство является поведением только общественно-опасным. Правонарушение прямо вредит социалистическим общественным отношениям, наносит им ущерб, является поступком о б щ е с т в е н н о в р е д н ы м.

Действительно, совершение правонарушения нарушает социалистический правопорядок, оно оказывается препятствием на пути реализации права. Нарушение этого порядка, его непоколебимости и устойчивости, вредит коммунистическому строительству. Совершение правонарушения отвлекает людские и материальные ресурсы, наносит ущерб укреплению социалистической государственности. Поведение правонарушителя препятствует укреплению отношений сотрудничества и взаимной помощи свободных от эксплуатации людей. Оно подчинено пережиткам капитализма в сознании правонарушителя или влиянию капиталистического окружения. Подкапывая сознание неприкосновенности социалистического правопорядка, вызывая у членов социалистического общества чувство недовольства и неуверенности, неодобрения, а иногда и возмущения, порождая представление о несоответствии между фактически происшедшим и тем, что должно было происходить,

согласно воле советского народа, совершение правонарушения принижает роль советского социалистического права в советском обществе, как мобилизующей, организующей и преобразующей силы. С совершением правонарушения в жизнь социалистического общества вступает разлагающий, порожденный капиталистическим миром элемент. Вместе с тем правонарушение вредит и тем интересам и ценностям в сфере политической и моральной, культурной и материальной, об охране и развитии которых заботится советское социалистическое общество. Если этот вред причинен в сфере материальной, то он проявляется в виде материального вреда, в форме убытков.

К заглаживанию общественно-вредного результата от противоправного посягательства стремится Советское социалистическое государство через посредство механизма правовой ответственности.

Гораздо более спорным представляется вопрос о з н а ч е н и и в и н ы для наличия состава правонарушения.

При решении этого вопроса необходимо иметь в виду, что с целью регулирования человеческого поведения право обращает свои веления к воле человека. Воздействие правовых норм на человеческое поведение возможно лишь постольку, поскольку человек выражает или может выражать свое поведение в актах волевого поведения. Ф. Энгельс указывает, что «... у отдельного человека для того, чтобы он стал действовать, все побудительные силы, вызывающие его действия, неизбежно должны пройти через его голову, должны превратиться в побуждения его воли». ⁵ Поведение лица, не обладающего волею и неспособного к сознательной деятельности, не поддается правовому регулированию.

Но право регулирует не человеческое поведение «вообще», а поведение конкретного человека, участника конкретного правоотношения, его конкретное поведение в конкретных жизненных ситуациях. Это конкретное поведение подлежит правовому регулированию постольку, поскольку конкретное лицо, способное к волевому поведению вообще, имеет в данном случае возможность выражать свое поведение в актах волевого поведения. Действие в правовом смысле всегда выражает психическое «я» человека.

И как правонарушение данный поступок может быть расценен только тогда, когда он носит отпечаток воли правонарушителя, когда он совершен в и н о в н о. Правонарушение — это или акт волевого поведения человека или, по крайней мере, такой акт поведения, при совершении которого субъект имел возможность к волевой деятельности. По самому своему существу т. н. объективной противоправности нет. Воспитательной роли советского социалистического права противоречит принцип голого причинения, как предпосылки применения юридической санкции.

⁵ Ф. Энгельс, Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии, 1945, стр. 40.

Если воля исключена из числа факторов, определяющих ход событий, то правовое регулирование невозможно. При отсутствии вины нет и правонарушения, а механизм правовой ответственности оказывается бессильным.

Если вина является необходимым элементом состава правонарушения, то, следовательно, нет и не может быть правовой ответственности при отсутствии вины. Известная советскому гражданскому праву т. н. ответственность независимо от вины (ст. 404 ГК РСФСР и д.) — не ответственность правовая. Это — качественно отличающееся явление, непосредственное принудительное осуществление советского права, которое, впрочем, требует специального монографического рассмотрения.

V Если в общей форме можно сказать, что правовая ответственность наступает лишь в случае совершения правонарушения, то предпосылкой правовой ответственности конкретного лица является вменение, т. е. признание правонарушения делом виновного, установление причинного сцепления, свидетельствующего о том, что физическое и психическое «я» субъекта послужило причиной данного правонарушения.

Вменение не может иметь места, когда не все элементы состава правонарушения налицо. Правонарушение вменяется в вину правонарушителю при наличии совокупности всех элементов состава правонарушения. Тем не менее при вменении данного правонарушения данному конкретному субъекту причинная и виновная связи имеют среди других элементов состава преобладающее значение. Наличие именно причинной и виновной связей устанавливает физическое и психическое «авторство» правонарушителя в данном конкретном правонарушении, свидетельствует о том, что данное правонарушение является плодом поведения именно данного лица.

В то же время возможность вменения зависит и от ряда различных условий вменения, от наличия субъекта, обладающего определенными качествами, от объекта посягательства, от общественной вредности и противоправности поведения виновного. Лишь при наличии этих условий причинная и виновная связи определяют вменение данному субъекту, обладающему определенными качествами, конкретного общественно-вредного, противоправного действия или бездействия.

Следует, однако, иметь в виду, что если при отсутствии вины возможность вменения исключается вообще, то, несмотря на всю огромную важность причинной связи, от наличия последней не всегда зависит возможность вменения. Это различное значение причинной и виновной связей обусловлено тем, что вина как психическое отношение лица — обязательный элемент любого правонарушения вообще. Между тем, причинная связь не входит в состав каждого правонарушения. Не всегда физическое «я» субъекта находит в правонарушении выражение через причинную

связь. Причинная связь между процессами, происходящими во внутреннем мире деятеля, и противоправным поведением не является элементом состава правонарушения вообще. Если установлено определенное психическое отношение правонарушителя к своему общественно-вредному, противоправному действию или бездействию (в узком смысле слова, т. е. не включая в действие результата во внешнем мире), то тем самым установлено, что в поведении правонарушителя нашло выражение не только его психическое, но и физическое «я», что правонарушение является его творением. Вопрос о причинной связи здесь отдельно не возникает.

Не возникает вопроса о причинной связи, как предпосылке ответственности данного правонарушителя, и относительно вредности правонарушения, которую можно рассматривать в виде нематериального ущерба общественным отношениям от правонарушения в целом. Этот ущерб — не элемент состава. Он выражает социально-политическую сущность правонарушения.

Понятием причинной связи право пользуется в узком, специальном значении. Причинная связь как элемент состава правонарушения устанавливается только между виновным поведением человека, с одной стороны, и результатом этого поведения во внешнем мире — с другой. Вопрос о причинной связи возникает, следовательно, только тогда, когда в сам состав правонарушения входит результат во внешнем мире.

В отличие от причинной связи отсутствие вины безусловно исключает правовую ответственность. Наличие же вины свидетельствует о том, что психическое «я» правонарушителя является причиной общественно-вредного результата.

Действительно, при наличии вины психическое «я» правонарушителя находит выражение в психическом его отношении к общественно-вредному, противоправному посягательству. Это отношение нельзя свести к психическому отношению к действию или результату как таковым. Психическое отношение к деянию, безразличному для права, не может считаться виной.

Поскольку при вменении речь идет о причинном сцеплении, об установлении физического и психического «авторства» правонарушителя в общественно-вредном, противоправном посягательстве, то вина не может заключаться в оценке, производимой законодателем или судом. Правонарушитель виновен не вследствие подобной оценки, а потому, что общественно-вредный, противоправный поступок совершен при субъективных условиях вменения. С точки зрения возможности вменения вопрос об оценке не имеет существенного значения.

Попытки преодоления психологической концепции вины или включения оценочного момента в психологическое понимание вины — весьма опасны. Они неминуемо влекут за собой расщепление, раздвоение единого понятия вины, сообщают вине различные «аспекты», противоречат действующему советскому законода-

тельству и запутывают вопрос об основаниях ответственности до безысходности. При оценочном понимании вины вопрос о вменении и вопрос об основаниях ответственности сливаются.

Правда, вина вызывает осуждение и порицание со стороны Советского государства и социалистической общественности. Признание лица виновным и применение к нему юридической санкции выражает юридическую и морально-политическую оценку, как совершенного правонарушения, так и самого правонарушителя. Однако вопрос о юридическом и морально-политическом осуждении возникает не в учении о вине, а в учении об основаниях правовой ответственности.

Так как вменение — предпосылка правовой ответственности, то оно не входит в содержание ответственности. Будучи предпосылкой правовой ответственности, вменение не является и основанием последней, точнее: проблема основания ответственности выходит далеко за пределы вопроса о вменении. Конечно, предпосылка ответственности — вменение — имеет важное значение и при обосновании ответственности. В случае отсутствия предпосылок ответственности даже сама постановка вопроса об ответственности и ее обосновании исключается. Однако вменение определяет лишь пределы, объем того фактически происшедшего во внешнем мире, на которое, говоря словами Ф. Энгельса, наложен «отпечаток воли»⁶ действующего лица и за которое оно отвечает.

Если во вменении усматривают основание ответственности, то это может означать только одно: правонарушитель отвечает лишь потому, что ему вменяется в вину совершенное им правонарушение. Правонарушение же вменяется в вину потому, что оно совершено правонарушителем. Это положение, хотя и само по себе выражает принципы социалистической законности, тем не менее является малосодержательным и бесплодным в теоретическом отношении с точки зрения обоснования юридической ответственности. В этом положении речь идет не об основаниях ответственности, а именно об объяснении, установлении хода причинного сцепления определенных обстоятельств, о раскрытии закономерностей, действию которых этот ход подчинен, т. е. именно о вменении.

VI. Проблема обоснования ответственности должна быть поставлена в аспекте партийности материализма, активной роли воли и сознания личности, как основы целеустремленной деятельности человека.

Задача не ограничивается одним только познанием, констатацией фактически происшедшего во внешнем мире. Задача заключается в том, чтобы дать партийную, классовую оценку познанному. Именно эта оценка является основой для целеустрем-

⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XIV. стр. 461.

ленной практической деятельности человека, хотя и сама она определяется внешним миром.

Такое значение оценки вменяемых правонарушителю в вину обстоятельств, вызывающей целеустремленное реагирование со стороны органов Советского социалистического государства, непосредственно вытекает из марксистско-ленинского понимания активной роли сознания и воли человека, как основы его практической деятельности.

Марксизм-ленинизм подчеркивает активную роль воли и сознания человека. Действия человека марксизм-ленинизм отнюдь не рассматривает как находящиеся вне сферы сознания. Насколько существенное значение марксизм-ленинизм придает активной роли человеческого сознания, видно из следующих слов Ф. Энгельса: «... в истории общества, — указывает Ф. Энгельс, — действуют люди, одаренные сознанием, поступающие обдуманно или под влиянием страсти, ставящие себе определенные цели». ⁷

Активная роль воли и сознания человека неизмеримо возрастает в социалистическом обществе. Это гениально предвидели К. Маркс и Ф. Энгельс. «Общественное бытие людей, — писал по этому поводу Ф. Энгельс, — противостоящее им до сих пор, как навязанное свыше природой и историей, поступает под контроль человека». ⁸

При активной роли человеческого сознания познанное, естественно, вызывает оценку. В этой оценке находит выражение партийность материализма, не удовлетворяющегося одной только констатацией происшедшего. Оценку происшедшего, оценку процессов внешнего мира прямо предполагает В. И. Ленин, указывая: «Идея детерминизма, устанавливая необходимость человеческих поступков, отвергая вздорную побасенку о свободе воли, нимало не уничтожает ни разума, ни совести, ни оценки его действий. Совсем напротив, только при детерминистическом взгляде и возможна строгая и правильная оценка, а не сваливание чего угодно на свободную волю». ⁹ Вместе с тем «... материализм включает в себя, так сказать, партийность, обязывая при всякой оценке события прямо или открыто становиться на точку зрения определенной общественной группы». ¹⁰

С другой стороны, подобная оценка познанного порождает цели человека и служит основой для его целеустремленной практической деятельности. В. И. Ленин указывает: «Человек в своей практической деятельности имеет перед собой объективный мир, зависит от него, им определяет свою деятельность». И далее: «На деле цели человека порождены объективным миром и предполагают его, — находят его как данное, наличное». ¹¹

⁷ Ф. Энгельс, Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии, 1945, стр. 36.

⁸ Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, 1945, стр. 267.

⁹ В. И. Ленин, Сочинения, т. I, стр. 142.

¹⁰ Там же, стр. 380—381.

¹¹ В. И. Ленин, Философские тетради, 1938, стр. 181.

И сознание общественных классов немыслимо без активной роли человеческого сознания, без партийной оценки-познанного, которая порождает цели и служит основанием для практической, целеустремленной деятельности общественных классов.

В советском социалистическом обществе сознание и партийная оценка общественных классов имеют своим критерием классово-социальную волю всего советского народа и служат основанием для практической, целеустремленной деятельности советского народа.

VII. Проблема оснований правовой ответственности ищет ответа на вопрос о целесообразности и обоснованности реакции со стороны социалистического государства, вызванной партийной оценкой вменяемых правонарушителю в вину обстоятельств. Почему в результате этой оценки к виновному в правонарушении относится личный упрек, почему вследствие этой оценки к правонарушителю применяется юридическая санкция? Короче, проблема оснований правовой ответственности в Советском государстве может быть сформулирована так: почему виновный отвечает перед социалистическим государством и советским народом за вменяемое ему в вину правонарушение?

Оценка вменяемых в вину правонарушителю обстоятельств производится с двух аспектов. В одном случае оценка отправляется от правонарушителя как «автора» правонарушения, во втором — от правонарушения в его объективизации во внешнем мире.

При оценке правонарушения предметом оценки является вред, причиненный общественным отношениям совершением правонарушения. Это и понятно. Право охраняет социалистические общественные отношения от причинения им ущерба. Причинение ущерба социалистическим общественным отношениям, естественно, вызывает соответствующую оценку, соответствующую реакцию со стороны советской общественности и социалистического государства в лице его органов.

Объективное основание правовой ответственности и следует искать в ответе на вопрос о том, на чем основывается отрицательная оценка правонарушения, чем она вызвана, ибо здесь оценка ориентирована на объективное, на воплощение правонарушения во внешнем мире, на причиненный социалистическим общественным отношениям ущерб.

Объективное основание ответственности в советском социалистическом праве — это оценка ущерба, нанесенного совершением правонарушения социалистическим общественным отношениям, как несовместимого с интересами построения коммунистического общества.

С другой стороны, так как вред социалистическим общественным отношениям нанесен виновным и правонарушение вменяется

ему в вину, то само собой разумеется, что поведение виновного, его личность становятся предметом оценки со стороны советской общественности и органов Советского государства.

В вопросе о том, на чем основывается эта оценка, в частности, чем вызвано юридическое и морально-политическое осуждение виновного, следует искать ответа на вопрос о субъективном основании правовой ответственности, ибо здесь оценка ориентирована на субъективное, на правонарушителя, на его психику и волю.

Субъективным основанием ответственности в советском социалистическом праве является юридическое и морально-политическое осуждение виновного в правонарушении, вызванное тем, что виновный руководил или имел возможность руководить своими действиями, тем, что он сознавал или имел возможность сознавать общественно-политическое значение своего поведения.

Судить о правонарушении можно только на основании всех вменяемых правонарушителю в вину обстоятельств в их совокупности, ибо в общественно-вредном результате находит выражение вся совокупность этих обстоятельств. Поэтому и оценка вреда, нанесенного совершением правонарушения социалистическим общественным отношениям, простирается на всю совокупность объективных и субъективных обстоятельств, характеризующих деяние и деятеля.

С другой стороны, и о правонарушителе можно судить только по правонарушению, на основании всех объективных и субъективных обстоятельств, вменяемых правонарушителю в вину, в том числе и по его психическому отношению к общественно-вредному поведению и общественно-вредному результату. Ограничить предмет оценки одним только психическим отношением правонарушителя нет никаких оснований.

«. действие, — указывает В. И. Ленин, — не содержит вообще ничего, что не содержалось бы в причине и наоборот». ¹² Поэтому и в случае совершения правонарушения причина (психическое и физическое «я» правонарушителя) переходит в действие (в правонарушение), а это действие является ничем иным как проявлением причины, есть в сущности сама причина. Именно потому, что причина («я» правонарушителя) переходит в действие (в правонарушение), вся совокупность объективных и субъективных обстоятельств, вменяемых в вину правонарушителю, вызывает его морально-политическое осуждение. «. по каким признакам, — указывает В. И. Ленин, — судить нам о реальных «помыслах и чувствах» реальных личностей? Понятно, что такой признак может быть лишь один: действия этих личностей. — а так как речь идет только об общественных «помыслах и чув-

¹² В. И. Ленин, Философские тетради, 1938, стр. 155.

ствах», то следует добавить еще: общественные действия и личности, т. е. социальные факты». ¹³

Как в случае оценки правонарушения, так и правонарушителя предмет оценки — совокупность всех обстоятельств, вменяемых правонарушителю в вину, — одинаковый, оцененный лишь с двух различных аспектов. Однако результат этой оценки не тождественен. В одном случае он служит объективным, в другом — субъективным основанием ответственности.

Объективное и субъективное основание ответственности образуют диалектическое единство. Только вместе, в их неразрывной связи они являются основанием для того личного упрека, при наличии которого к виновному в правонарушении органами социалистического государства применяется юридическая санкция. Ни то, ни другое, взятые в отдельности, недостаточны для обоснования обоих элементов правовой ответственности.

То обстоятельство, что правовая ответственность имеет и объективное и субъективное основание, приобретает первостепенную важность потому, что при обосновании правовой ответственности речь идет не просто об оценке происшедшего, а об оценке с целью реагирования на последствия правонарушения, об обосновании целеустремленной, практической деятельности Советского социалистического государства.

Действительно, само по себе было бы возможно, усматривая основание правовой ответственности в юридическом и морально-политическом осуждении виновного, в том, что он подчинил свое решение пережиткам капитализма или влиянию капиталистического окружения, подразумевать под таким решением не только определенный психический акт виновного, но и сам акт поведения, несущий печать его воли. Однако, отправляясь от осуждения этого решения, нельзя исключить объективное основание ответственности. Если исходным является это решение, то ущерб, нанесенный социалистическим общественным отношениям, отнесается на совершенно второстепенное место. Это означало бы признание в принципе ответственности и за процессы, происходящие в психике виновного. Роль правовой ответственности исчерпывалась бы выражением одного только осуждения виновному.

С другой стороны, если бы основанием ответственности служило одно только объективное ее основание, то механизм правовой ответственности был бы весьма неполон и ограничен в своем действии. Правовая ответственность — это не только средство охраны социалистических общественных отношений, но и воздействие на самого правонарушителя.

VIII. В результате юридического и морально-политического осуждения виновного и отрицательной оценки ущерба, нанесенного противоправным посягательством социалистическим общественным отношениям, к виновному в правонарушении относится

¹³ В. И. Ленин, Сочинения, т. I, стр. 385.

личный упрек. В то же время оценка правонарушения и правонарушителя органами Советского социалистического государства выражается не только в отнесении к виновному личного упрека, но и в применении к нему юридической санкции.

Отнесение к виновному личного упрека, имеющее субъективное основание, влечет за собой применение к виновному в правонарушении юридической санкции, как выражение осуждения последнего в практической деятельности Советского социалистического государства. Объективное же основание отнесения к виновному личного упрека служит основанием для целеустремленной реакции на последствия правонарушения, для приведения в действие принудительного аппарата государства, как одного из средств охраны социалистических общественных отношений.

Следовательно, личный упрек, относимый к виновному в правонарушении в результате его морально-политического осуждения и отрицательной оценки правонарушения, выполняет в механизме правовой ответственности важную функцию. Через него осуждение как правонарушения, так и правонарушителя, так сказать, транслируется в юридическую санкцию. Личность правонарушителя является тем каналом, по которому проявляется воздействие, оказываемое правовым механизмом на социалистические общественные отношения. Как воздействие вообще, оказываемое правовым механизмом на социалистические общественные отношения, и воздействие, оказываемое применением юридической санкции, возможно в одной единственной форме, в форме воздействия на человека.

IX. Само учение об основаниях правовой ответственности не решает вопроса о том, какова должна быть реакция, вызванная совершением правонарушения, какие конкретные формы этой реакции могут быть целеустремленными и эффективными. Рассмотрение этого вопроса входит в учение о целях применения юридической санкции. Поэтому с вопросом об основаниях правовой ответственности непосредственно связан вопрос о целях применения юридической санкции. Отправляясь от учения об основаниях правовой ответственности и основываясь на нем, учение о целях применения юридической санкции является дальнейшим развитием и завершением учения об основаниях правовой ответственности.

Цели применения юридической санкции вытекают из отрицательной оценки правонарушения и правонарушителя, которой вызывается необходимость соответствующей государственной реакции. Юридические санкции применяются с целью оказать воздействие как на социалистические общественные отношения, которым нанесен ущерб, так и на самого правонарушителя, в результате виновного поведения которого причинен этот ущерб. Они ставят себе целью заглаживание общественно-вредного результата правонарушения и коммунистическое воспитание, в частности предупреждение новых правонарушений.

Заглаживание общественно-вредного результата правонарушения достигается посредством справедливой кары или возмещения убытков. Это поднимает приниженную общественную значимость социалистических правоотношений, усиливает эффективность регулирующего воздействия, оказываемого правовым механизмом, короче: снимает общественно-вредный результат правонарушения. В то же время применение юридической санкции служит перевоспитанию человека, укреплению и развитию ценных качеств советского человека, как сознательного творца коммунизма. В результате применения юридической санкции открывается возможность оказать усиленное воздействие на социалистические общественные отношения. Применение юридических санкций, с одной стороны, так сказать, мобилизует, организует общественные (правовые) отношения, с другой стороны, — поведение советских людей. В обоих случаях Советское социалистическое государство сознательно пользуется рычагом права с целью укрепления и стимулирования коммунистического строительства, охраны и дальнейшего развития социалистических общественных отношений. Сознательно используя взаимодействие и взаимозависимость различных сил, средств и рычагов, Советское социалистическое государство пользуется и всем сложным воздействием, оказываемым применением юридических санкций.

Х. Четкая постановка вопроса об основаниях правовой ответственности позволяет внести ясность в некоторые спорные вопросы теории советского социалистического права. К таким вопросам, в частности, следует отнести вопрос о различных видах мер государственного принуждения.

Принуждение является в Советском социалистическом государстве субсидиарным, вспомогательным средством правового регулирования. Оно может иметь место на различных стадиях процесса этого регулирования, если только оказывается, что основные средства правового регулирования являются в данном случае недостаточными, неподходящими или в силу тех или иных обстоятельств возникают препятствия реализации правовой нормы в жизни. Отнюдь не верно, что Советское государство применяет меры принуждения только в отношении нарушителей норм социалистического права.

При рассмотрении отдельных мер государственного принуждения применительно к отдельным стадиям правового регулирования в их последовательности первое место занимают меры социальной защиты, предупреждающие и пресекающие общественно-опасное посягательство. На последнее место с этой точки зрения должны быть отнесены юридические санкции, подлежащие применению уже после совершения правонарушения с целью снятия, заглаживания общественно-вредного результата. Промежуточное место занимает непосредственное принудительное осуществление права.

В механизме правового регулирования юридические санкции

и непосредственное принудительное осуществление права выполняют различные функции. Заглаживание последствий правонарушения, снятие общественно-вредного результата, с одной стороны, и непосредственное принудительное исполнение правовой обязанности, восстановление прежнего состояния, принудительное осуществление субъективного права, с другой стороны, — это две различные вещи.

Предпосылкой непосредственного принудительного осуществления права является правовая обязанность, которая еще существует, не прекращена и не выполнена, хотя и может и должна быть выполнена. При этом само по себе не имеет значения, почему правовая обязанность не выполнена, является ли ее неисполнение результатом противоправного и, следовательно, виновного поведения обязанного лица, или же оно вызвано другими обстоятельствами. Вина является неременной предпосылкой правовой ответственности, условием вменения в вину, но она не является предпосылкой непосредственного принудительного осуществления права.

При наличии вины на лицо возлагаются дополнительные обязанности по сравнению с уже существующей обязанностью, а именно обязанность брать на себя невыгодные последствия правонарушения. Поэтому, собственно говоря, правовая ответственность и нуждается в обосновании. В отличие от юридических санкций непосредственное принудительное осуществление права не может идти дальше того, что составляет содержание неисполненной обязанности. В случае непосредственного принудительного осуществления права содержание принуждения исчерпывается исполнением невыполненной обязанности органами государства вместо обязанного лица. Значение непосредственного принудительного осуществления права определяется значением точного и неуклонного исполнения обязанностей, возлагаемых на граждан Советского Союза нормами советского права.

Правовой обязанности соответствует субъективное право, как обеспеченная и закрепляемая за управомоченным лицом нормами объективного права фактическая возможность предпринять определенные действия.

Советское социалистическое право оттеняет положительное содержание субъективного права. Поэтому субъективное право может быть непосредственно принудительно осуществлено всегда, когда оно не нашло осуществления, т. е. когда на стороне управомоченного лица отсутствует фактическая возможность предпринять действия, закрепляемые за ним нормами объективного права.

Учение о непосредственном принудительном осуществлении права позволяет отказаться от теоретически неверной конструкции объективной противоправности и открывает возможность для стройного, последовательного развития учения об основаниях правовой ответственности.

Впрочем, анализ института непосредственного принудитель-

ного осуществления права представляет интерес и с точки зрения уяснения самого понятия принуждения в советском обществе. Действительно, если принуждение по своему характеру может и не идти дальше исполнения органами государства содержания правовой обязанности, установленной диспозицией правовой нормы, то оказывается, что принуждение характеризуется не «вторжением в сферу благ личности», а прежде всего тем, что государство при применении принуждения не прибегает к основному методу правового регулирования, к методу убеждения, к сознательности и воле обязанного лица, точнее: что в соответствующих случаях субсидиарные средства регулирования преобладают над основными. В самом том факте, что к гражданину Советского Союза применяется не основной, а субсидиарный метод правового регулирования, заключается момент определенного ограничения и лишения, присущий мерам государственного принуждения, как мерам принудительным. Однако этот вопрос выходит за рамки настоящей статьи и требует самостоятельного рассмотрения. Задачи настоящей статьи исчерпываются освещением вопросов, относящихся к постановке вопроса об основаниях правовой ответственности, и определением круга тех вопросов, которые с ним связаны.

ÕIGUSLIKU VASTUTUSE ALUSTE KÜSIMUSE ASETUSEST

Dotsent, juriid. tead. kand. I. Rebane

Kriminaalõiguse ja -protsessi kateeder

Resümee

1. Õigusliku vastutuse aluste küsimusel on nõukogude sotsialistlikus õigusteaduses väga suur poliitiline tähtsus. Selle küsimuse lahendamine peab tunnetamisele viima, et õiguslik vastutus Nõukogude sotsialistlikus riigis on vajalik, õiglane ja humaanne.

2. Kodanliku doktriini igandina esineva õigusteadusliku mõtte killustatuse tõttu nõukogude sotsialistlikus õigusteaduses õigusliku vastutuse aluste küsimuses ei nähtud õiguse teooria üldist küsimust. Selle küsimusega tegelesid kuni viimase ajani vaid kriminalistid.

Õigusliku vastutuse aluste küsimusele nõukogude õigusteaduses on lähenetud kahest aspektist.

Üks suund nõukogude õigusteaduses asendab õigusliku vastutuse aluste probleemi süüksarvamise probleemiga. Õigusliku vastutuse alustena käsitletakse süüd ja põhjuslikku seost kui õiguserikkumise koosseisu elemente. Viimasel ajal aga enamik selle probleemiga tegelnud nõukogude õigusteadlasi on asunud seisukohale, et õigusliku vastutuse aluseks on õiguserikkumise kogu koosseis.

Teine suund näeb õigusliku vastutuse aluseid õigusliku vastutuse filosoofilises põhistuses, selles, et determinism ei kõrvalda tahtevabadust. Sealjuures minnakse mööda õigusliku vastutuse objektiivsest alusest.

3. Õigusliku vastutuse küsimuse teaduslik läbitöötamine peab põhinema marksismi-leninismi klassikute töodes rajatud poliitilistele ja teoreetilistele alustele.

Õiguslik vastutus on nõukogude sotsialistliku õiguse järgi, esiteks, isiklik etteheide tavus süüdlasele õiguserikkumises sotsialistliku riigi ning nõukogude rahva poolt ja selle tagajärjel, teiseks, Nõukogude riigi organite poolt süüdlase suhtes juriidiliste sanktsioonide kohaldatavus.

4. Õigusliku vastutuse mõiste on tihedasti seotud õiguse rikkumise mõistega.

Õiguserikkumist iseloomustavad kolm tunnust: ühiskonnakahjulikkus, õigusevastasus ja õiguserikkumise koosseisu teostamine. Õiguserikkumise koosseis on tunnuste kogum, mis iseloomustavad õiguserikkumise objektiivset ja subjektiivset külge, objekti ja subjekti.

Seoses õigusliku vastutuse küsimusega omavad esmajärgulist tähtsust õiguserikkumise objekti ja süü küsimused.

Õigusevastane rünne on suunatud objekti, sotsialistlike ühiskondlike suhete vastu. Rünne mitte üksnes ei ohusta objekti, vaid tekitab talle otseselt kahju: rikub sotsialistlikku õiguskorda, kahjustab kommunistlikku ülesehitustööd. Ühtlasi kutsub õigusevastane rünne esile ebakindluse, rahulolematuse ja ebavastavuse tunde toimu ja selle vahel, mis pidi toimuma nõukogude rahva tahte kohaselt. Õiguserikkumisega astub sotsialistlikku ühiskonda laostumise element. Materiaalsete väärtuste sfääris avaldub õiguserikkumine varandusliku kahju näol.

Süü on õiguserikkumise koosseisu vajalikuks elemendiks. Et õigus ei ole suuteline reguleerima inimeste käitumist, kel pole tahet ja kes pole suutelised teadlikult käituma, siis ei saa kõnelda ka õiguserikkumisest isiku poolt, kes pole süüdi. Niinimetatud objektiivne õigusevastasus ei kujuta endast õiguserikkumist ja erineb kvalitatiivselt viimasest.

5. Konkreetse isiku õigusliku vastutuse eelduseks on süüksarvamine, s. o. subjekti tunnistamine antud õiguserikkumise „autoriks”

Süüksarvatavuse seisukohalt omavad erilist tähtsust põhjuslik seos ja süü. Kui põhjuslik seos mõnede õiguserikkumiste koosseisu elemendina ei tarvitse esineda, siis süü on iga õiguserikkumise koosseisu vajalikuks elemendiks. Neil juhtumel, kui õiguserikkumise koosseis ei nõua välistagajärge ja põhjuslikku seost, piisab süü tuvastamisest õiguserikkumise süüksarvamiseks subjektile.

Süü ei seisne hinnangus, mis antakse süüdlase kohta. Süüdlane ei ole süüdi mitte sellepärast, et tema käitumisele antakse eitav hinnang, vaid sellepärast, et õiguserikkumine on tema poolt toime pandud süüksarvatavuse tingimuste esinemisel.

Olles õigusliku vastutuse eelduseks, määrab süüksarvamine ühtlasi kindlaks ka õigusliku vastutuse piiri.

6. Õigusliku vastutuse aluste küsimus tuleb asetada materialismi parteilisuse, isiku tahte ja teadvuse aktiivse osa seisukohalt. Isiku tahte ja teadvuse aktiivsus on aluseks isiku sihipärasele tegutsemisele.

Ka ühiskondlike klasside teadvus on aktiivne.

Tahte ja teadvuse aktiivsuse juures isik ja klassid ei piirdu toimu tajumisega, konstateerimisega. Ülesanne seisab toiminule parteilise, klassilise hinnangu andmises. Viimane ongi aluseks sihipärasele tegutsemisele.

7. Õigusliku vastutuse aluste probleem otsib vastust küsimusele, milline õiguserikkujale süüksarvatavate asjaolude hinnangust tulenev sotsialistliku riigi reageerimine on sihipärane ja põhjendatud, miks selle hinnangu tulemusena tehakse süüdlasele etteheide ja kohaldatakse tema suhtes juriidilist sanktsiooni, lühidalt: miks süüdlane vastutab sotsialistliku riigi ja nõukogude rahva eest. temale süüksarvatava õiguserikkumise eest?

Õiguserikkujale süüksarvatavaid asjaolusid võib hinnata kahelt seisukohalt: kas lähtudes õiguserikkumisest ja sellega põhjustatud ühiskondlikust kahjust või siis lähtudes õiguserikkujast kui õiguserikkumise „autorist”. Esimesel juhtumil on hinnang orienteeritud objektiivsele, teisel juhtumil subjektiivsele. Vastavalt sellele tuleb eristada ka vastutuse subjektiivset ja objektiivset alust olenevalt sellest, millest see hinnang on ühel või teisel juhtumil tingitud.

Vastutuse objektiivseks aluseks nõukogude sotsialistliku õiguse järgi on õiguserikkumisega sotsialistlikele ühiskondlikele suhteile tekitatud kahju tunnistamine vastuolus olevaks kommunistliku ühiskonna ülesehitamise huvidega.

Vastutuse subjektiivseks aluseks on süüdlase ja õiguserikkumise juriidiline ja poliitilis-moraalne hukkamõist, mis on tingitud sellest, et süüdlane juhtis või omas võimalust juhtida oma käitumist, sellest, et ta tunnetas või omas võimalust tunnetada oma käitumise ühiskondlik-poliitilist tähendust.

Mõlemad vastutuse alused on dialektiliselt seotud ja võivad ainult üheskoos olla õigusliku vastutuse aluseks. Kui heita kõrvale vastutuse objektiivne alus, siis piirduks õiguslik vastutus ainult õiguserikkuja hukkamõistuga ja sotsialistlikele ühiskondlikele suhteile tekitatud kahju oleks jäetud tähele panemata. Sel juhtumil võiks vastutus järgneda ka süüdlases toimuvate psüühiliste protsesside eest. Kui heidetaks kõrvale vastutuse subjektiivne alus, siis oleks õigusliku vastutuse mehhanism äärmiselt puudulik ja piiratud oma toimes. Ta ei omaks tähtsust süüdlase mõjutamise seisukohalt.

8. Eitav hinnang õiguserikkumise ja õiguserikkuja kohta ei väljendu mitte ainult õiguserikkujale isikliku etteheite tegemises, vaid ka tema suhtes juriidilise sanktsiooni kohaldamises. Juriidilise sanktsiooni kohaldamine väljendab eitavat hinnangut õiguserikkuja ja õiguserikkumise suhtes sotsialistliku riigi praktilises tegevuses.

9. Õigusliku vastutuse alustest tulenevad juriidilise sanktsiooni kohaldamise eesmärgid. Nendeks eesmärkideks on tasa teha kahju, mis õiguserikkumisega on tekitatud sotsialistlikele ühiskondlikele suhteile, ja kommunistlik kasvatus, mis hõlmab ka õiguserikkumiste ennetamise eesmärgi.

10. Õigusliku vastutuse aluste küsimuse õige asetuse võimaldab vajaliku selgusega piiritleda riikliku sunni üksikuid liike.

Riiklik sund võib aset leida õiguse realiseerumise protsessi mitme-

sugustel staadiumidel, eeldades, et õiguse realiseerumine on mõningail põhjustel takistatud. Peale juriidiliste sanktsioonide, mida kohaldatakse juba pärast õiguserikkumise toimepanemist, on riikliku sunni teisteks liikideks: 1) sotsiaalse kaitse vahendid, mida kohaldatakse ühiskonnaohtliku ründe ennetamiseks või tõkestamiseks, ja 2) õiguse vahetu sunniviisiline teostamine.

Õiguse vahetu sunniviisilise teostamise eelduseks on õigusliku kohustuse olemasolu, mida kohustatud isik ise ei ole täitnud, kusjuures õiguse vahetu sunniviisilise teostamise eelduseks ei ole süü. Õiguse vahetu sunniviisiline teostamine on riigiorgani poolt kohustatud isiku asemel kohustuse täitmine, endise seisundi taastamine või subjektiivse õiguse sunniviisiline teostamine.

Õiguse vahetu sunniviisilise teostamise konstruktsioon võimaldab loobuda teoreetiliselt ebaõigest objektiivse õigusevastasuse konstruktsioonist.

Et õiguse vahetul sunniviisilisel teostamisel ei minda kaugemale juba olemasoleva kohustuse täitmisest, siis sunni mõiste Nõukogude riigis pole iseloomustav „isiku õiguslike hüvede valdkonda tungimine”, vaid asjaolu, et isiku suhtes veenmismeetodi kui põhimeetodi asemel kohaldatakse õigusliku reguleerimise subsidiaarseid vahendeid.

TINGIMISI SÜÜDIMÕISTMINE NÕUKOGUDE KRIMINAAL- ÕIGUSES

Prof. H. Kadari

Kriminaalõiguse ja -protsessi kateeder

I

Tingimisi süüdimõistmist iseloomustab tunnuste rohkus, mis seejuures tingivad tema sarnasuse mitme teise nõukogude kriminaalõiguse instituudiga. Sellega on teataval määral seletatav ka ühtsuse puudumine tingimisi süüdimõistmise juriidilise loomuse küsimuses. Selles küsimuses, mille nii või teisiti lahendamisest sõltub suurel määral terve rea tingimisi süüdimõistmise rakendamisse puutuvate üksikküsimuste lahendamine, võib nõukogude kriminaalõiguslikus kirjanduses eristada põhiliselt kaht seisukohta: esimese järgi on tingimisi süüdimõistmine karistus, selle kergemaid liike¹ teise järgi seda ei käsitata karistusena, vaid kas süüdimõistva otsuse tingimisi täitmata jätmisena² või karistuse edasilükkamise eri vormina ning ühtaegu kasvatusliku mõjutamise vahendina jms.³ NSV Liidu Ülemkohtu Pleenumi ja kolleegiumide määrustest nähtub, et kohtupraktika mõistab tingimisi süüdimõistmist sageli karistusena, resp. karistuse kergendamisenä,⁴ teinekord aga eristab tingimisi süüdimõistmist ja karistust.⁵

¹ Nii näiteks М. Гельфер, Условное осуждение в СССР, «Проблемы социалистического права», 1939, nr. 2, lk. 42; М. М. Якубович, О правовой природе института условного осуждения, «Советское государство и право», 1946, nr. 11—12, lk. 54 jj.

² А. Трайнин, В. Меньшагин, З. Вышинская, Уголовный кодекс РСФСР, Комментарии, Москва 1946, art. 54, § 2.

³ Vt. näit. М. М. Исаев в VI JuN'i õpikus Уголовное право, Общая часть, Москва 1948, lk. 551; А. А. Герцензон, Уголовное право, Часть общая, Москва 1948, lk. 480—481.

⁴ Vt. näit. NSV Liidu Ülemkohtu 31. augusti 1936. a. direktiivkiri nr. 43 «О применении исправительно-трудовых работ в отношении учащихся, не совмещающих учебу со службой», Сборник действующих постановлений Пленума Верховного суда СССР 1924—1951 гг., Москва 1952, lk. 62—63; NSV Liidu Ülemkohtu Pleenumi 17. veebruari 1948. a. juhendav määrus „О применении указов Президиума Верховного суда СССР», вып. III, Москва 1948, lk. 4—5.

⁵ Vt. näit. NSV Liidu Ülemkohtu Pleenumi 28. juuli 1950. a. juhendav määrus nr. 13/9/y „О судебном приговоре» või näit. praegu mittekehtiv Pleenumi

Alljärgnevalt vaadeldakse rida tingimisi süüdimõistmise rakendamisega seoses olevaid küsimusi, lähtudes selle instituudi käsitusest mitte karistusena, vaid karistusest tingimisi vabastamises seisneva puhtkasvatusliku vahendina. Mõistagi, et neis üksikküsimustes antavad lahendused peavad samal ajal näitama ka lähtekoha paikapidavust. Et artikli raamides ei ole võimalik anda tingimisi süüdimõistmise juriidilise loomuse igakülgset ja ammendavat käsitlust, siis piirdatakse järgnevas peamiselt lähtekontseptsiooni kõige olulisemate joonte äramärgkimisega.

Tingimisi süüdimõistmise kui kasvatusliku vahendi tähtsust rõhutatakse 1919. aastal vastuvõetud ÜK(b)P programmis. Tingimisi süüdimõistmise ja karistusest vabastamise teiste vormide ühiskondlik-kasvatuslikule tähtsusele nende rakendamise korral vastavates tingimustes ning teatavate nõuete järgimisel juhib korduvalt tähelepanu V. I. Lenin.⁶

Nõukogude kriminaalseadusandluses vaadeldi tingimisi süüdimõistmist karistusest vabastamise ühe vormina juba enne 1924. a. „NSV Liidu ja liiduvabariikide kriminaalseadusandluse põhialuste” kehtestamist. Erandi moodustavad vaid mõned seadusandlikud aktid. Nii ei ole ÜKTK 7 märtsi 1918. a. dekreedis „Kohtust” (Dekret nr. 2) ⁷ veel antud täiesti täpset käsitlust tingimisi süüdimõistmise juriidilisest loomusest. Dekreedi §-s 29 sätitakse, et „народные заседатели имеют право уменьшить положенное в законе наказание по своему убеждению вплоть до условного или полного освобождения обвиняемого от всякого наказания». Selle § vastandamisel §-ga 31, mille kohaselt kaebusi ei lubatud „на оправдательные приговоры, на смягчение наказания и на полное освобождение обвиняемого от всякого наказания», võib järeldada, et neis paragrahvides mõisteti tingimisi süüdimõistmist karistusena; kuid sama dekreedi §-s 32 mainitakse tingimisi süüdimõistmist kõrvuti ennetähtaegse vabastamise ja armuandmisega karistusest vabastamise ühe vormina. 1919. aasta „Juhtivais põhimõtteis” ⁸ käsitleti tingimisi süüdimõistmist mitte karistusena, vaid karistuse edasilükkamise ühe vormina, nagu see järeldeb „Juhtivate põhimõtete” § 26 formulatsioonist, mille järgi «суд может постановить о не приведении обвинительного приговора в исполнение до совершения осужденным тождественного или однородного с совершенным деяния». Tingimisi süüdimõistmise karistusena mittekäsitamisele „Juhtivais põhimõtteis” viitab ka asjaolu, et seda käsitleti selles aktis mitte karistuste loetelu sisaldavas, vaid omaette peatükis eri instituudina. Selgesti väljendatud kujul käsitleti tingimisi süüdimõistmist karistuse ühe liigina ainult VNFSV 1922. a. KrK:s, kus

15. augusti 1940. a. määrus nr. 29/16/y «О недостатках судебной практики по делам о хищениях социалистической собственности, о спекуляции, хулиганстве и корыстных должностных злоупотреблениях».

⁶ Ленинский сборник, т. VIII, lk. 55—56, т. XIII, lk. 85, т. XXXV, lk. 244—245.

⁷ СУ 1918, nr. 26.

⁸ СУ 1919, nr. 66.

see oli paigutatud karistuste süsteemi. Kuid teistes kriminaalseadusandlikes aktides ei vaadeldud tingimisi süüdimõistmist mitte karistusena või karistuse edasilükkamisena, vaid karistusest vabastamise eri vormina — kas kõrvuti täieliku (tingimusteta) karistusest vabastamisega⁹ või kõrvuti ennetähtaegse karistusest vabastamisega¹⁰ või võrrutatuna viimasega rakendamise tingimustelt.¹¹ 1920. aasta määruses rahvakohtu kohta¹² kõneldakse aga otseselt „süüaluse tingimisi vabastamisest karistusest”

1924. aasta „Põhialused” käsitlevad teatavasti tingimisi süüdimõistmist väljaspool karistuste süsteemi ja vaatlevad seda erilise, karistusest erineva instituudina, mille puhul peale muu on oluline, et vastavate eelduste esinemisel kohus määrab, et süüdimõistvat otsust ei viida täide tingimisel, kui süüdimõistetu ei pane kohtu poolt määratud aja jooksul toime uut, vähemalt niisama rasket kuritegu („Põhialuste” § 36) Sedasama leiame ka kehtivas KrK-s (§ 53)

Vaadeldes tingimisi süüdimõistmist mitte karistusena, vaid erilise, nõukogude kohtu poolt kohaldatava puhtkasvatusliku mõjutamise vahendina, me lähtume karistuse määramise ja karistuse enda täpsest eristamisest. Karistuse määramine, nagu karistuse ähvarduski, ei ole karistus. See on alles küsimuse lahendamine, missuguse karistusega tuleb süüdlast karistada, ja leiab oma juriidilise väljenduse süüdimõistvas kohtuotsuses.¹³ Rõhutades süüdimõistva otsuse nagu üldse kohtuotsuse suurt kasvatuslikku ja ühiskondlik-poliitilist tähtsust, tuleb samal ajal hoiduda süüdimõistva otsuse samastamisest karistuse endaga. Karistus nõukogude kriminaal- ja kriminaalprotsessiõiguse järgi eeldab seadusjõustunud süüdimõistvat kohtuotsust ja seisneb ise viimase teostamises, selles, mida tatavetakse nimetada karistuse täideviimiseks, resp. karistuse kandmiseks.¹⁴

Nii tingimisi süüdimõistmine kui ka karistus eeldavad nõukogude kriminaalõiguse järgi kohtualuse süüdi tunnistamist teatava kuriteo toimepanemises ja temale karistuse määramist selle kuriteo eest. Kuid tingimisi süüdimõistmise korral määratakse karistus tingimisi: süüdimõistva otsuse tegemisel, nagu nägime, määrab kohus, et otsust ei viida täide, see aga tähendab, et otsuses ettenähtud karistust ei viida täide, kui süüdimõistetu kohtu

⁹ Vt. ÜKTK 30. novembri 1918. a. dekreet „О народном суде Российской Социалистической Федеративной Советской Республики» § 23, СУ 1918, nr. 85.

¹⁰ Nii ÜKTK 20. novembri 1919. a. dekreet „Положение о революционных военных трибуналах” § 33 märkus, СУ 1919, nr. 58, ja Vabariigi Revolutsioonilis-Sõjalise Nõukogu 4. mai 1920. a. käskkirjas „О революционных военных трибуналах” § 27 märkus 2, СУ 1920, nr. 54.

¹¹ Nii RKN 10. juuli 1919. a. dekreet „Положение о полковых судах” § 103, СУ 1919, nr. 31—32.

¹² ÜKTK 21. oktoobri 1920. a. dekreet „Положение о народном суде” § 23, СУ 1920, nr. 83.

¹³ Vt. kehtiva KrPK § 320 p. 5, § 326 p. 1.

¹⁴ Vastava süüdimõistva otsuse jõustumist eeldab ka ühiskondlik laitus kui karistus.

poolt määratud aja jooksul käitub laitmatult. Seega näeb tingimisi süüdimõistev otsus ette, et vastava tingimuse täitmisel jääb süüdimõistetud karistamata. Sellest järeldub, et tingimisi süüdimõistmine on nõukogude kriminaalõiguse järgi kõigepealt karistusest vabastamise üks vorme — karistusest tingimisi vabastamine. Seejuures toob ülalnimetatud tingimuse täitmine endaga nõukogude kriminaalõiguse järgi kaasa mitte ainult süüdimõistvas otsuses ettenähtud karistusest vabanemise, vaid ka karistatuse kustumise.¹⁵

Kuid tingimisi süüdimõistmine ei ole mitte ainult karistusest tingimisi vabastamine. Ta on ühtlasi süüdimõistetud kasvatusliku mõjutamise vahendeid. Tõsine kasvatav toime on muidugi juba kohtualuse süüdi tunnistamisel ja temale karistuse määramisel toimepandud kuriteo eest. Kuid tingimisi süüdimõistmise kasvatava toime peamiseks ja meie arvates spetsiifiliseks teguriks on just see, et karistuse tingimisi määramisega antakse süüdimõistetule võimalus laitmatu käitumisega heaks teha oma süü ja saavutada sel teel vabanemine määratud karistusest ning karistatuse kustumine.

Muidugi avaldab teatavat distsiplineerivat toimet ka see, et süüdimõistetud asetatakse tingimisi määratud karistuse ähvarduse alla. Kuid oleks ebaõige näha selles tingimisi süüdimõistmise toime peamist või koguni ainsat tegurit.¹⁶ Meile näib, et sellega põhjendamatult suurendatakse nimetatud faktori tähtsust, sest preventiivset toimet avaldab süüdimõistetule mitte ainult ja mitte alati esmajärjekorras tingimisi määratud, vaid ka uue kuriteo eest seaduses ettenähtud karistuse ähvardus. Seejuures sõltuvalt nende karistuste raskusevahetusest ei tarvitse tingimisi määratud karistuse toime olla alati kuigi mõjus. Peale selle võib tingimisi süüdimõistmisele omase karistuse ähvarduse rõhutamine viia sisult ebaõigele järeldusele, nagu tuleks tingimisi süüdimõistmist rakendada ennekõike isikuile, kes vajavad eriti just heidutavat mõjutamist. Kuid meile näib, et tingimisi süüdimõistmist tuleb ennekõike kohaldada just isikuile, kellele neis säilinud moraalsete omaduste tõttu karistamata jäämine ja karistatuse kustumine ise kui niisugused on laitmatu elu veel küllaltki tugevateks stiimuliteks.

Eelnevat kokku võttes võibki tingimisi süüdimõistmist iseloomustada karistusest tingimisi vabastamises seisneva puhtkasvatusliku vahendina.¹⁷

¹⁵ Terminit погашение судимости oleks õigem tõlkida mitte „karistatuse kustumine” vaid „süüdimõistmise kustumine”, sest судимость hõlmab mitte ainult karistatuse, vaid ka süüditunnistamise fakti.

¹⁶ Vt. M. Gelfer, viidatud teos, lk. 42.

¹⁷ Siin esitatud seisukoht on põhiliselt sarnane Уголовный Кодекс РСФСР, Комментарий авторите omaga, kes tingimisi süüdimõistmist iseloomustavad järgmiselt: «Условное осуждение состоит прежде всего в том, что выносимый судом обвинительный приговор, присуждающий к тому или иному наказанию, не приводится в исполнение. Однако приговор при условном осуждении не приводится в исполнение лишь при соблюдении осужденным особого требования. При невыполнении условно-осужденным этого требования приговор теряет свой условный характер», А. Т р а й н и н, В. М е н ь ш а г и н, З. В ы

Süüdimõistetu parandamise ja ümberkasvatamise eesmärk on nõukogude kriminaalõiguse järgi ühine tingimisi süüdimõistmisele ja karistusele. Viimasest erineb tingimisi süüdimõistmine peamiselt sellega, et talle ei ole omane repressioon kui süüdimõistetult teatava hüve võtmine või selle piiramine. Ses mõttes on tingimisi süüdimõistmine puhtkasvatuslik vahend. Oma loomuselt ja ülesannetelt eeldab tingimisi süüdimõistmine süüdimõistetu jäämist vabadusse.

Katsed näha süüdimõistvale otsusele omases negatiivses hinnangus ning selle hinnangu läbi süüdimõistetule tekitatavas moraalses kannatuses elemente, mis iseloomustavad tingimisi süüdimõistmist karistusena, muudavad kriminaalkaristuseks juba süüdimõistva kohtuotsuse enda. See aga ei ole kooskõlas ei nõukogude kriminaalõigusega ega kohtuotsuse osa ja tähendusega nõukogude kriminaalprotsessiõiguse järgi. Ebaõige oleks ka tingimisi süüdimõistmise täitmises¹⁸ näha karistusele omast kannatuse tekitamist, sest peaks olema ilmne, et ei kannatus, mida võib tekitada hirm tingimisi määratud karistuse täideviimise võimaluse ees, ega „kannatused”, mida mõnele tingimisi süüdimõistetule võib tekitada otsusega seatud tingimuse täitmine, s. o. laitmatu eluviis, ei saa tingimisi süüdimõistmist muuta karistuseks nõukogude kriminaalõiguse seisukohalt.¹⁹

Rida autoreid näeb tingimisi süüdimõistmises karistuse edasilükkamise erilist vormi. Ka selle arvamusega ei saa nõustuda. Võib

шинская, viidatud teos, art. 53, § 2. Tekstis esitatud seisukoha erinevus seisneb selles, et temas 1) rõhutatakse karistusest tingimisi vabastamist, karistuse tingimisi täitmata jätmist, 2) tõstetakse teravalt esile tingimisi süüdimõistmist puhtkasvatusliku vahendina. Tingimisi süüdimõistmise sellele ülesandele viitavad „Комментарии” järgmised laused: «Для многих лиц, в особенности лиц, привлекаемых к уголовной ответственности впервые, условное осуждение весьма часто является воздействием, вполне достаточным для того, чтобы эти лица в дальнейшем не совершали новых преступлений. Более того, иногда самый факт привлечения к уголовной ответственности или предания суду уже настолько сильно действует на совершившего преступление, что этого оказывается вполне достаточным, чтобы это лицо в дальнейшем никогда не совершало преступлений» (art. 53, § 1).

¹⁸ Tingimisi süüdimõistmise täitmise all ei ole mõeldud tingimisi määratud karistuse täideviimist, vaid tingimisi süüdimõistva otsuse täitmist süüdimõistetu poolt.

¹⁹ Üheks teravamaks argumendiks, mille tingimisi süüdimõistmisse eitavalt suhtuvad kodanlikud teoreetikud ja praktikud esitasid selle instituudi vastu, oli teatavasti väide, et tingimisi süüdimõistmine ei ole ühendatav tasu printsiibiga, s. t. karistuse käsitusega nn. absoluutsete karistusteooriate mõttes. Seepärast selle instituudi pooldajad nii nn. klassikalise suuna ridadest (näit. Zucker, Noch ein Wort zur Frage der sogenannten bedingten Verurteilung, „Der Gerichtssaal” Bd. XLVII, 1892, lk. 255 jj.) kui ka sotsioloogilise suuna esindajaist (nii ennekõike Liszt 1890. a. avaldatud artiklis Die Reform der Freiheitsstrafe, vt. Liszt, Strafrechtliche Aufsätze und Vorträge, Erster Band, Berlin 1905, lk. 530), selleks et pareerida ülaltoodud argumenti, asusidki taktikalistel kaalutlustel iseloomustama tingimisi süüdimõistmist karistusena. — Vrd. А. Пионтковский, К методологии изучения действующего права, «Ученые записки ВЮИОН», вып. VI, Москва 1947, lk. 40.

ja tuleb öelda, et karistuse edasilükkamine on tingimisi süüdimõistmise üks vajalikke tunnuseid, kuid see on tunnus, mis ei määra ega väljenda selle instituudi juriidilist loomust. Tingimisi süüdimõistmine on paratamatult seotud karistuse edasilükkamisega seepärast, et selle tingimuse elemendiks, mille täitmisest sõltub süüdimõistetu vabanemine määratud karistusest, on nn. katseaeg. Järelikult ei määra karistuse edasilükkamine tingimisi süüdimõistmise juriidilist loomust, vaid on ise sellest tingitud. Peale selle võib tingimisi süüdimõistmise käsitlemine karistuse edasilükkamise eri vormina viia väärale arusaamisele, nagu oleks tingimisi süüdimõistmine suunatud karistuse teostamisele, nagu lükataks karistuse teostamine edasi seepärast, et pole veel selgunud ja et saaksid selguda kõik karistamist põhistavad andmed. Ent need andmed peavad olema juba kõik selgitatud ja tuvastatud, sest sellela poleks karistus määratav. Ja tingimisi süüdimõistmine ise pole oma olemuselt suunatud mitte karistuse teostamisele, vaid karistusest vabastamisele, selleks vajalike eelduste kujunemisele isikus. Hoopiski ebaõige on kõnelda edasilükkamise enda tingimuslikkusest,²⁰ sest tingimisi süüdimõistmise korral lükatakse karistus edasi tingimusteta, edasilükkamist ennast ei seata sõltuvusse mingi tingimuse täitmisest süüdimõistetu poolt.

Ei saa lõpuks nõustuda ka arvamusega, mille järgi tingimisi süüdimõistmine olevat karistuse ärakandmise, resp. otsuse täitmise eri kord.²¹ Tekib kõigepealt küsimus, mis on siin mõeldud karistustena, millele kandmise eri korraks olevat tingimisi süüdimõistmine? Kui nendena käsitleda kohtu poolt tingimisi määratud karistusi (vabadusekaotust, paranduslikke töid), siis on võimatu näha nende karistuste ärakandmise isegi eri korda selles, et otsus jääb täide viimata, kui süüdimõistetu teatava aja jooksul käitub laimatult: just nendest karistustest süüdimõistetu vabanebki, need just jäävadki üldse täitmata, üldse ära kandmata, kui süüdimõistetu täidab nimetatud tingimuse. Kui asetada rõhk otsuse täitmisele, siis tekib küsimus, mida mõista siin eri korras täidetava otsuse all. Kui sellena mõista tingimisi süüdimõistva otsuse seda osa, mis tunnistab isiku süüdi teatavas kuriteos ja talle määrab karistuse, siis saaks otsuse täitmise eri korda näha vaid selles, et otsus viiakse täide alles ja ainult siis, kui süüdimõistetu katseaja kestel paneb toime uue kuriteo, mitte aga selles, et otsust ei viidata täide, kui süüdimõistetu nimetatud aja jooksul käitub laimatult. Otsuse täitmisest viimases mõttes võime kõnelda küll siis, kui täidetava otsusena mõista tingimisi süüdimõistvat otsust ter-

²⁰ Ses mõttes iseloomustab tingimisi süüdimõistmist näiteks Юридический словарь, Москва 1935, lk. 727.

²¹ Nii М. Д. Шаргородский, Вопросы общей части уголовного права, Ленинград 1955, lk. 237: «Условное осуждение — это установленный в советском уголовном праве особый порядок отбывания наказания (исполнение приговора), заключающийся в том, что приговор не приводится в исполнение, если осужденный в течение определенного срока не совершит нового, не менее тяжкого преступления».

vikuna, kuid sel juhtumil ei ole alust kõnelda otsuse täitmise eri korrast. Lõpuks ka siis, kui tingimisi süüdimõistmise iseloomustamine karistuse kandmise või otsuse täitmise eri korrana olekski õige, ka sel puhul ei oleks selline iseloomustus vastuvõetav, sest ta ei ava selle instituudi loomust ega ülesandeid.

II

Nõukogude kriminaalseadusandlus piirab tingimisi süüdimõistmise rakendamist vaid väheste obligatoorse tingimustega.

„Põhialuste” § 36 ja liiduvabariikide kriminaalkoodeksite vastavate paragrahvide kohaselt on selliseks tingimuseks isiku poolt niisuguse kuriteo sooritamine, mille eest talle karistuseks määratakse vabadusekaotus või paranduslikud tööd.

Järelikult, kui isiku teos puuduvad kuriteo tunnused, näiteks ühiskonnaohtlikkus KrK § 6 märkuses ettenähtud asjaoludel, siis ei ole tingimisi süüdimõistmine lubatud.²² Lubamatu on ka vastu-pidine: isiku teos kuriteo tunnuste ekslik eitamine juhtumil, kui esinevad kõik alused tingimisi süüdimõistmise rakendamiseks.²³

Tingimisi süüdimõistmise rakendamine ei ole lubatud neil juhtumel, kui toimepandud kuriteo eest ei määrata mitte vabadusekaotust või paranduslikke töid, vaid mingi muu karistus. Kehtiva KrK § 34 lg. 3 kohaselt ei või tingimisi süüdimõistmisega ühendada õiguste kaotust, mida korduvalt on rõhutatud ka NSV Liidu Ülemkohtu praktikas.²⁴ Niisugust keeldu ei tunne aga 1924. aasta „Põhialused” Sellest lähtudes on üksikute autorite poolt väidetud, et niivõrd kui VNFSV KrK § 34 lg. 3 keelab õiguste kaotuse ühendamise tingimisi süüdimõistmisega, on ta vastuolus „Põhialuste” kui üleliidulise seadusega ega ole seepärast selles osas rakendatav.²⁵ Tuleb märkida, et seisukoht, nagu oleks KrK § 34 lg. 3 vastuolus „Põhialustega”, võib olla vaieldav, sest „Põhialuste” § 37 lg. 2 näeb teatavasti ette, et tingimisi süüdimõistmise rakendamise tingimused ja kord sätitakse liiduvabariikide seadusandlusega. Meile näib, et kõnesolev küsimus peaks olema lahendatav järgmiselt. Tingi-

²² Seda laadi alusetu süüdimõistmine esineb näiteks ühe raudtee-liinikohtu otsuses, mis NSV Liidu Ülemkohtu Raudteekolleegiumi 24. juunil 1953. aastal Getia ja Salamberidze asjas tehtud määrusega tühistati, Судебная практика Верховного суда СССР, 1953, nr. 6, lk. 19–20.

²³ Sellised ekslikud õigeksmõistmised on tingitud tavaliselt sellest, et tingimisi süüdimõistmist õigustavais asjaoludes nähakse alust kuriteo tunnuste eitamiseks teos. Vt. näit. NSV Liidu Ülemkohtu KrKK 21. mai 1952. a. määrus Abdrahmanovi asjas, Судебная практика Верховного суда СССР, 1952, nr. 9, lk. 21.

²⁴ Vt. näit. NSV Liidu Ülemkohtu Pleenumi 4. V 1945. a. määrus Juzvovitši asjas, Судебная практика Верховного суда СССР 1945, вып. V (XXI), Москва 1946, lk. 3.

²⁵ Н. Д. Дурманов teoses А. А. Герцензон и др., История советского уголовного права, Москва 1948, lk. 338–339; М. Д. Шаргородский, viidatud teos, lk. 204/205 ja *nota* 3 lk. 204.

misi süüdimõistmise kui eespool kirjeldatud kasvatusliku vahendi loomuse ja ülesannetega ei oleks iseendast mingis vastuolus õiguste kaotuse määramine koos peakaristusega tingimisi, s. t. karistusena, mis tuleks täitmisele alles ja ainult siis, kui süüdimõistetu ei täida temale kohtuotsusega seatud tingimust. Kuid ilmses vastuolus tingimisi süüdimõistmise kui puhtkasvatusliku vahendiga oleks õiguste kaotuse kui karistusliku lisavahendi ühendamine tingimisi süüdimõistmise täitmise, s. t. õiguste võtmine juba katseajaks. Meile näib, et selliselt tuleks mõista ka KrK § 34 lg. 3 sisalduvat keeldu õiguste kaotuse ühendamise kohta tingimisi süüdimõistmisega. Eelnevast tuleneb ühtlasi, et tingimisi süüdimõistmine ei ole rakendatav siis, kui konkreetsel juhtumil osutub vältimatuks õiguste kaotuse kohene rakendamine. Kuid see ei tarvitse alati vajalik olla. Ja neil juhtumel, kus selle või teise õiguse kohene võtmine ei ole vajalik, ei peaks olema mingeid takistusi õiguste kaotuse määramiseks tingimisi.

Kuid tuleb tähendada, et tingimisi süüdimõistmise loomusele ja ülesannetele ei vasta KrK § 53 märkuses sisalduv säte, mille kohaselt ka tingimisi määratud vabadusekaotusega või paranduslike töödega lisakaristusena ühendatud rahaline või varaline sissenõudmine täidetakse üldistel alustel, sest tingimisi süüdimõistmise kui puhtkasvatusliku vahendiga ei ole õige siduda mingisuguseid karistuslikke kitsendusi lisavahendina. Seepärast on põhjendatud NSV Liidu Ülemkohtu Pleenumi juhend, «что в случае условного осуждения назначение конфискации имущества в качестве дополнительного наказания является, как правило, нецелесообразным».²⁶

Eelkirjeldatud piirides on tingimisi süüdimõistmise rakendamise aluseks süüdimõistetu isiksus, tema ühiskonnaohtlikkuse aste. Sellega seoses tuleb märkida, et neil erandlikel juhtumel, kus kuriteo sooritanud isikut ei saa enam asja arutamise ajal kohtu arvates tunnistada ühiskonnaohtlikuks, tuleb tema suhtes rakendada mitte karistusest tingimisi, vaid karistusest tingimusteta vabastamist KrK § 8 ja KrPK § 326 p. 2 alusel.

Nõnda siis on tingimisi süüdimõistmiseks nõutav, et esineksid kõik karistuse rakendamise eeldused: nii kuritegu ühiskonnaohtliku teona kui ka kuriteo sooritanud isiku ühiskonnaohtlikkus; on nõutav ka teatava karistuse määramine, juhindudes nõukogude kriminaalseadusandluses ettenähtud karistuse määramise printsiipidest ning arvestades kõiki konkreetsesse kuriteosse ja kurjategijasse puutuvaid ja karistuse määramise seisukohalt olulisi asjaolusid. Ent samal ajal on vajalik, et süüdimõistetu ühiskonnaohtlikkuse aste oleks selline, mille puhul ei ole tingimata tarvilik määratud karistuse täideviimine („Põhialuste” § 36, KrK § 53), s. t. on nõutav selliste süüdimõistetu isikut iseloomustavate faktide olemasolu,

²⁶ Vt. NSV Liidu Ülemkohtu Pleenumi 29. IX 1953. aasta juhendav määrus «О судебной практике по применению конфискации имущества», Судебная практика Верховного суда СССР, 1953, nr. 6, lk. 1 jj.

milledest kohus võib järeldada, et eesmärk — ära hoida uute kuritegude toimepanek süüdimõistetu poolt — võib olla saavutatav tingimisi süüdimõistmise kui karistusest tingimisi vabastamises seisneva kasvatusliku vahendiga.²⁷

NSV Liidu Ülemkohtu praktikas on korduvalt rõhutatud, et süüdimõistetu ühiskonnaohtlikkuse astme tunnistamine kohtu poolt selliseks, mis ei nõua karistuse tingimatut täideviimist, peab olema põhistatud konkreetsete andmetega.²⁸

Kõrvuti andmetega süüdimõistetu isiku kohta kuriteo toimepaneku ajal²⁹ omavad olulist tähtsust andmed ja faktid tema minevikust,³⁰ samuti tema käitumisest nii enne kui ka pärast kuriteo toimepanekut.³¹

Süüdimõistetu ühiskonnaohtlikkust iseloomustava faktina omavad erilist tähtsust tema poolt toimepandud kuritegu, selle iseloom ja ohtlikkuse aste.³² Seejuures järgib NSV Liidu Ülemkohtu praktika kõrvalekaldumatult printsiipi, et faktina, mis iseloomustab süüdimõistetu ohtlikkuse astet, ei tule arvestada mitte ainult toimepandud kuriteo liiki ja määratud karistust, vaid ka kuriteo sooritamise kõiki konkreetseid asjaolusid ja erisusi (motiiv, eesmärk, teoviis, tekitatud või võimaliku kahju suurus, raskete isiklike ja perekondlike sündmuste kokkusattumine jne.)³³

Oleks mitte ainult võimatu, vaid ka ebaõige koostada tingimisi süüdimõistmist õigustavate, resp. takistavate andmete ja faktide mingisugust nomenklatuuri. See tähendaks teatud faktide, nagu näiteks esmakordse karistatuse käsitamist sellistena, mis iseendast ikka ja alati peaksid õigustama tingimisi süüdimõistmist, resp. kõrvaldama selle rakendamise võimaluse. Sellise mehhanistliku suhtumise ekslikkust on korduvalt rõhutatud NSV Liidu Ülemkohtu praktikas. Nii märgitakse KrKK ühes määruses otseselt, et „первая судимость сама по себе не может служить основанием для применения условного осуждения при совершении такого общественно-

²⁷ Kui arvestada ainult eripreventsiooni ülesannet, siis on prof. A. A. Gert senzonil õigus, kui ta ütleb, et «в советском уголовном праве применение наказания осуществляется лишь в тех случаях, когда у суда имеются основания полагать, что иным способом он не может воздействовать на лицо, совершившее преступление», vt. viidatud teos, lk. 480—481.

²⁸ Vt. näit. Raudteekolleegeiumi 30. mai 1944. aasta määrus Jarošenko asjas, Сборник постановлений пленума и определений коллегий Верховного суда СССР 1944 г., Москва 1948, lk. 150.

²⁹ Eluiga, perekonnaseis, tervislik seisund jne.

³⁰ Andmed selle kohta, kas on varem süüdi mõistetud või ei ole, kas on distsiplinaarselt karistatud, suhtumise kohta tööülesannete täitmisse, perekonnasse jne.

³¹ Andmed kuriteoks ettevalmistamise kohta, suhtumisest kannatanusse, tegev kahetsus jm.

³² Vrd. näiteks В. Д. Меньшагин, З. А. Вышинская, Советское уголовное право, Москва 1950, lk. 196.

³³ Vt. näiteks пленуми 1. augusti 1952. aasta määrus Tsõganko asjas, Судебная практика Верховного суда СССР, 1952, nr. 11, lk. 4, ja Transpordikolleegeiumi 18. novembri 1953. a. määrus Limarenko asjas, Судебная практика Верховного суда СССР, 1954, nr. 1, lk. 21.

опасного преступления, каким является растрата».³⁴ Ainult konkreetsete faktide uurimisel ja hindamisel nende kogumis ja seoses antud kohtualusega faktidena, mis väljendavad tema isiksuse eripära, võib teha põhjendatud järeldusi tingimisi süüdimõistmise rakendamise subjektiivse aluse kohta.

Tekib küsimus, missugustele nõuetele peab vastama isik, kelle kohta võib öelda, et tema ühiskonnaohtlikkuse aste ei nõua määratud karistuse tingimatut teostamist?

On selge, et arusaamine neist nõudeist peab erinema sõltuvalt sellest, kas näha tingimisi süüdimõistmises karistust, selle üht kergemat liiki või karistusest tingimisi vabastamises seisnevat erilist kasvatuslikku vahendit. Esimesel juhtumil seisab kohus kahe karistusliigi valiku ees, jäädes seejuures ikkagi karistuse määramise raamidesse; teisel juhtumil tuleb kohtul lõpptulemuses lahendada süüdlase vabastamise võimaluse küsimus määratud karistusest. Ühtlasi on selge, et teine neist on kohtule erakordselt vastutusrikas ülesanne ning nõuab temalt äärmiselt hoolikat faktide uurimist ning süüdimõistetu isiksuse hindamist.

Tingimisi süüdimõistmise käsitamisel mitte karistusena, vaid erilise puhtkasvatusliku vahendina peaks süüdimõistetu isiksuse hindamise tähtsaimaks, kuid mitte ainsaks kriteeriumiks olema järgmine nõue: süüdimõistetu peab olema inimene, kellele temas säilinud moraalseste omaduste tõttu karistamata jäämine ja karistatuse kustumine kui niisugused on veel laimatu käitumise tugevateks stiimuliteks, kellel selle tõttu on kindel tahe õigustada nõukogude kohtu poolt osutatud usaldust ja laimatu käitumisega heaks teha oma süü ning tõendada oma võimelisust ausaks töökaks eluks sotsialistliku ühiskonna liikmena.

Varem karistatuse puudumine ei ole nõukogude kriminaalseadusandluse järgi tingimisi süüdimõistmise *obligatoorseks* eelduseks. Kuid eespool tingimisi süüdimõistetava isiksuse kohta öeldust järeldub, et isikusse puutuvate andmete hulgas omab varem karistatuse puudumine siiski väga olulist tähtsust. Ja nagu näitab kohtupraktika, nende konkreetsete faktide hulgas, mis oma kogumis iseloomustavad süüdimõistetut isikuna, kelle suhtes võib rakendada tingimisi süüdimõistmist, on varem karistatuse puudumine üks sagedamini esinevaid asjaolusid. Erandeid varem karistatuse puudumise nõudest võiks teha vaid siis, kui varem toimepandud kuriteo eest oli süüdimõistetut karistatud rahaträhviga või mingi muu kergema karistusega, samuti siis, kui isik ühel või teisel põhjusel oli karistusest vabastatud või kui viimane ja varem toimepandud kuritegu erinevad olulisel viisil liigilt (näit. esimeseks kuriteoks oli kehavigastamine, teiseks — ametialane lohakus) ja on üksteisest eraldatud pikema ajavahemikuga.

Kõigest eespool toodust nähtub, et tingimisi süüdimõistmise

³⁴ NSV Liidu Ülemkohtu KrKK 6. septembri 1940. aasta määrus Galitsõni asjas. Сборник постановлений пленума и определений коллегий Верховного суда СССР 1940, Москва 1941, lk. 126.

instituut, nõukogude kriminaalõiguses teenib oma olemuselt eri preventtsiooni ülesannet. Muidugi avaldab ta teataval määral ka üldpreventiivset toimet³⁵ — vähem ebakindlate, vähem mahajäänud ühiskonnaliikmete suhtes. Kuid on selge, et ka viimaste suhtes ei saa puhtkasvatusliku vahendi rakendamine omada seesugust üldpreventiivset jõudu kui karistuse teostamine. Juba süüdimõistev otsus, millega karistus määratakse tingimisi, ei või omada niisugust üldpreventiivset toimet, nagu on omane tavalisele süüdimõistvale otsusele. Järelikult, kui tingimisi süüdimõistmise rakendamine eripreventtsiooni ülesande seisukohalt ongi konkreetsel juhtumil õigustatud, siis üldpreventtsiooni nõuded võivad samal ajal kõrvaldada tema rakendamise võimaluse.³⁶

Üldpreventtsiooni ülesande silmaspidamise vajadusele tingimisi süüdimõistmise küsimuse lahendamisel juhib tähelepanu reas määrustes ka NSV Liidu Ülemkohus.³⁷

Ülalöeldust järeldub ühtlasi, et tingimisi süüdimõistmise rakendamise küsimuse lahendamisel tuleb toimepandud kuritegu hinnata mitte ainult süüdimõistetu ühiskonnaohtlikkuse astet iseloomustava faktina, vaid seda kuritegu tuleb arvestada ja hinnata ka üldpreventtsiooni seisukohalt.³⁸

III

Tingimuseks, mille täitmisest süüdimõistetu poolt sõltub tema vabastamine määratud karistusest ja karistatuse kustumine, on laitmatu käitumine nn. katseaja jooksul.³⁹ Selle tingimuse täitmine peab ühtlasi avaldama kasvavat toimet süüdimõistetule. Vastavalt tingimisi süüdimõistmise loomusele ja eesmärgile eeldab selle tingimuse täitmine süüdimõistetu viibimist vabaduses.

Nõutava laitmatu käitumise iseloomu suhtes ei ole täielikku arvamuste ühtsust nõukogude kriminaalõiguslikus kirjanduses. Ühtede järgi tähendab laitmatu käitumine uue, vähemalt niisama

³⁵ Vrd. M. M. Issajev, viidatud teos, lk. 552.

³⁶ Ei saa nõustuda M. Jakuboviči väitega, et tingimisi süüdimõistmine «полностью обеспечивает выполнение целей наказания; суд, приговаривая лицо к условному наказанию, обеспечивает задачи как специального, так и общего предупреждения.»

³⁷ Näit. KrKK 4. jaanuaril 1950. a. määrus Rudoi asjas, Судебная практика Верховного суда СССР, 1950, nr. 3, lk. 21.

³⁸ Vt. Уголовное право, Учебник для юридических школ, Москва 1947, lk. 150.

³⁹ Peale ülalnimetatu ei sea kehtiv õigus süüdimõistetule mingisuguseid muid puhtkasvatuslikke tingimusi ega ülesandeid. Vajalik oleks selliste lisatingimuste seadmine alaealiste kurjategijate suhtes. Nõukogude kohtupraktika näitab sellesuunalist arengutendentsi. NSV Liidu Ülemkohtu pleenumi 17. veebruaril 1948. a. juhendavas määruses nr. 4/2/y „NSVL Ülemnõukogu Presiidiumi 4. juuni 1947 a. seadluste kohaldamisest alaealistele” juhendatakse, et kohtul tuleb otsuses või erimäärusega kohustada rahvahariduse organeid, hoolekande organeid või vanemaid teostama igapäevast järelevalvet tingimisi süüdimõistatud alaealiste käitumise ja kasvatamise üle.

raske kuriteo mittesooritamist, teiste järgi — ükskõik millise uu kuriteo mittesooritamist. See arvamuste lahkuminek on tingitud diskuteeritava küsimuse erinevast lahendamisest mitte ainult lii duvabariikide kriminaalkoodeksites, vaid ka „Põhialustes” „Põhi aluste” §-s 36 määratletakse seda käitumist uue, vähemalt niisama raske kuriteo mittesooritamisenä, kuid § 10¹ punktis „b”, millis. §-ga „Põhialuseid” täiendati 1927 aastal,⁴⁰ ja § 37 1929. aasta redaktsioonis⁴¹ — uue, millise tahes kuriteo mittesooritamisenä. Kohtupraktikas lahendatakse seda küsimust tavaliselt uue, vähe- malt niisama raske kuriteo mõttes. Lähtudes sellest, et „Põhialuste” § 10¹ p. „b” ja § 37 praegune redaktsioon on ajaliseltil hiljem kehtes- tatud kui § 36 redaktsioon, samuti sellest, et § 10¹ p. „b” ja § 37 sätiivad spetsiaalselt tingimisi süüdimõistmisele olulise tingimuse täitmise, resp. mittetäitmise tulemusi, tuleb tunnistada õigemaks neis sätteis antud kriteeriumi. See järeldus on kooskõlas ka tingimisi süüdimõistmise kui puhtkasvatusliku vahendi olemusega, sest tingimisi süüdimõistmise kui erilise kasvatusliku vahendi rakendamise ebaotstarbekohasust konkreetsel juhtumil tõendab millise tahes ja mitte ainult teatavas raskuses kuriteo sooritamine süüdimõistetu poolt.⁴²

Tingimisi määratud karistusest vabanemiseks ja karistuse kus- tumiseks on nõutav, et süüdimõistetu ei sooritaks uut kuritegu kohtu poolt määratud aja, nn. katseaja jooksul, mis „Põhialuste” § 36 ja kehtiva KrK § 53 kohaselt, samuti ka enamiku teiste liidu- vabariikide kriminaalkoodeksite järgi ei või olla alla ühe ega üle kümne aasta. Nõukogude kriminaalõiguslikus kirjanduses on põh- jendatult näidatud, ja seda kinnitab ka kohtupraktika, et 10 aas- tat katseaja ülempiirina on liiga pikk. Kuid täiesti õige on katseaja kestuse määramine seaduses mitte absoluutselt, vaid relatiivselt. Formaalne ja tingimisi süüdimõistmise olemusega vastuolus oleks katseaja kestuse määramine seaduse enda poolt kõigi juhtumite jaoks ühtse absoluutse suurusena või tingimisi määratud karistuse aja tunnistamine ühtaegu ka katseaja kestuseks või katseaja kes- tuse mingisugusesse muusse sõltuvusse seadmine tingimisi mää- ratud karistuse liigist ja määrast.⁴³ Sellised meetodid ei võimal- daks määrata katseaja kestust vastavalt konkreetse juhtumi eri- päräle. Seoses sellega tuleb märkida, et juhtumil, kui kohus kõiki asjaolusid arvesse võttes leiab, et tingimisi süüdimõistmine on põhjendatud, tuleb tal katseaja kestuse määramisel juhinduda üks- nes kasvatamise ülesandest ning määrata katseaja kestus vastavalt

⁴⁰ Vt. NSVL KTK 25. veebruari 1927. aasta määrus „Об изменении основных начал уголовного законодательства СССР и союзных республик», p. 4, СЗ 1927, nr. 12.

⁴¹ Vt. NSVL KTK ja RKN 13. novembri 1929. aasta määrus „Об изменении и дополнении основных начал уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик», p. 6.

⁴² Vrd. A. A. Gertsenzon, viidatud teos, lk. 482. Samale järeldusele tuleb ka M. Jakubovitš, kes käsitleb tingimisi süüdimõistmist karistusena.

⁴³ Vt. M. Jakubovitš, sealsamas, lk. 34.

sellele, kui pikaks ajaks on antud konkreetsel juhtumil süüdimõistetut tarvis allutada tingimisi süüdimõistmise kasvatavale toimele.

Praktilist tähtsust omab ka küsimus, missugusest momendist algab tingimisi süüdimõistmise täitmine, s. t. katseaja kulgemine, kas süüdimõistva otsuse tegemisest või tema seadusjõusse astumisest. Katseaja kulgemise alguseks tuleb pidada süüdimõistva otsuse tegemist, sest tingimisi süüdimõistmise kui karistusest tingimisi vabastamises seisneva kasvatusliku vahendi toime algab paratamatult tingimisi süüdimõistva otsuse avaldamise momendiga. Katseaja alguse edasilükkamine kuni otsuse seadusjõustumiseni oleks vastuolus tingimisi süüdimõistmise olemusega. Ent kui käsitada tingimisi süüdimõistmist karistusena, siis on selline edasilükkamine obligatoorne, sest KrPK § 342 kohaselt täidetakse otsus, millega kohtualusele on määratud karistus, pärast selle jõustumist. Katseaja alguse edasilükkamise paikapidamatus ilmneb ka siis, kui tingimisi süüdimõistetu sooritab uue kuriteo enne tingimisi süüdimõistva otsuse seadusjõustumist. Sellisel juhtumil tuleb uus kuritegu tunnistada sooritatuks väljaspool katseaega, mistõttu selle sooritamise fakt ei saa tingida eelmise kuriteo eest tingimisi määratud karistuse täideviimist, s. t. ei saa tingida üldkaristuse määramist vastavalt „Põhialuste” § 37 (KrK § 54) printsiipidele. Jääks üle teine võimalus — üldkaristuse määramine kahe süüdimõistva otsuse järgi. Sel juhtumil tuleks ühe komponendina, karistusena, arvestada tingimisi süüdimõistmist ennast. Ent tingimisi süüdimõistmise (tingimisi määratud karistuse) kui karistuse liigi liitmine nn. tingimusetu (või, nagu teinekord kõneldakse ja kirjutatakse, „reaalse”) karistusega ei ole ju võimalik. Neelamisprintsiibi kasutamine osutuks aga väga kunstlikuks viisiks niihästi sel puhul, kui möönda „reaalse” karistuse neelamise võimalust raskema karistusena käsitletava tingimisi süüdimõistmise (näit. paranduslike tööde neelamist tingimisi määratud vabadusekaotuse) poolt, kui ka sel puhul, kui tunnistada tingimisi süüdimõistmise neelamise võimalust selle või teise „reaalse” karistusliigi poolt.

Pealegi ei käsita kehtiv nõukogude kriminaalseadusandlus tingimisi süüdimõistmist karistusena ega tunne seepärast ei karistuste liigitust „tingimusetu” või „reaalseteks” ja „tingimisi” karistusteks ega ka tingimisi süüdimõistmise raskuse määramist üksikute karistusliikide (nn. „reaalsete” karistuste) suhtes. Ja kas üldse on võimalikki sisuliselt määrata tingimisi süüdimõistmise raskust karistuse liikide (resp. määrade) suhtes, mis erinevad tingimisi määratud karistuse liigist (resp. määrast)? Võiks muidugi väita, et üks aasta vabadusekaotust on raskem kui üks aasta tingimisi määratud vabadusekaotust, ent missuguste kriteeriumide alusel otsustada, milline on näiteks tingimisi määratud üheaastase vabadusekaotuse kui võimalikkuse raskus ühe aasta paranduslike tööde kui tegelikkuse suhtes.

Uue kuriteo sooritamine enne tingimisi süüdimõistva otsuse seadusjäostumist on tegelikult selle tingimuse mittetäitmine, mille täitmisest on seatud sõltuvusse vabanemine määratud karistusest. Seepärast, sisuliselt vaadelduna, peab uue kuriteo sooritamine ka sel juhtumil kaasa tooma katseaja kulgemise lõppemise ja tingimisi määratud karistuse täideviimise. Ent see on võimalik üksnes sel eeldusel, kui katseaja alguseks tunnistatakse mitte tingimisi süüdimõistva otsuse jõustumise, vaid tema avaldamise aeg, mis omakorda on kooskõlas tingimisi süüdimõistmise käsitlemisega erilise puhtkasvatusliku vahendina.

Ülalkirjeldatuile analoogilised raskused tekivad ka siis, kui isik katseaja kestel mõistetakse süüdi teise kuriteo eest, mille ta oli sooritanud enne tingimisi süüdimõistva otsuse tegemist. Muidugi need, kes näevad tingimisi süüdimõistmises karistust, võivad viidata KrPK §-le 465, mille kohaselt juhtumeil, kus on vaja teha otsus kuritegude kogumis (KrK § 49) isiku suhtes, kelle kohta on tehtud mitu otsust, teeb koostusotsuse hilisema otsuse teinud kohus, „kusjuures juhul, kui eelneva jõustunud otsusega oli määratud raskem karistus, loetakse hilisem otsus eelneva otsusega kaetuks”. Kuid katsudes rakendada kõnesoleval puhul seda paragrahvi, tekiksidki needsamad raskused, mida puudutati ülal seoses neelamisprintsibi rakendamise võimalusega, s. t. seoses küsimusega, missugune on tingimisi süüdimõistmise raskuse vahetkord nõukogude kriminaalseadusandluses ettenähtud karistusliikidega. Tingimisi süüdimõistmise käsitlemisel erilise puhtkasvatusliku vahendina ei oleks KrPK § 465 rakendatav seepärast, et see paragrahv eeldab ühe karistuse neelamist teise, raskema karistuse poolt. Ent ebarahuldavaks lahendusviisiks oleks vaadeldaval juhtumil ka tingimisi süüdimõistva otsuse seadusjõusse jätmine; tingimisi süüdimõistmine kui eriline kasvatustlik vahend, mis oma olemuse ja ülesannete tõttu eeldab süüdimõistetu viibimist vabaduses, on täidetav paralleelselt küll niisuguse karistusega nagu seda on näiteks paranduslikud tööd, ta ei ole aga täidetav üheaegselt vabaduse kaotusega. Peale selle oleks küsimuse selline lahendamine formaalne (eriti neil juhtumeil, kui teine kuritegu on toime pandud enne seda kuritegu, mille eest rakendati tingimisi süüdimõistmist), sest et otsus tingimisi süüdimõistmise kohta on tehtud arvestamata teise kuriteo toimepanemise fakti kohtualuse poolt. Kõige selle tõttu on tarvis tingimisi süüdimõistva otsuse tühistamist selleks, et tingimisi süüdimõistmise rakendamise küsimus lahendataks seoses teise kuriteo toimepanemise fakti arvestamisega.

Katseaja kestel uue kuriteo sooritamise korral tekib küsimus, missugusest ajast tuleb lugeda eelmise kuriteo puhul tehtud tingimisi süüdimõistva otsuse aegumise tähtaega: kas selle otsuse tegemise ajast või temaga määratud katseaja lõppemise ajast. Et tingimisi süüdimõistmine toob katseaja määramise tõttu kaasa otsuse täideviimise edasilükkamise tingimisi määratud karistuse osas ja see omakorda katkestab selles osas otsuse aegumise kulge-

mise, siis tuleb õigeks pidada tingimisi süüdimõistva otsuse aegumistähtaaja arvutamist katseaja lõppemise päevast.

Seoses eelnevaga kerkib küsimus, missugusest momendist lõpeb tingimisi süüdimõistmise rakendamine ja sellega ühtlasi katseaja kulgemine: kas uue kuriteo sooritamise päevaga või uue kuriteo suhtes tehtud süüdimõistva otsuse seadusjõustumisega. Tuleb pidada õigeks esimest lahendamisvõimalust, sest katseaja pikendamine uue kuriteo toimepanekust kuni selle kuriteo kohta tehtud otsuse seadusjõustumiseni oleks jällegi vastuolus tingimisi süüdimõistmise olemusega: juba uue kuriteo toimepaneku faktiga on tingimisi süüdimõistetu näidanud, et ta pole suuteline täitma temale seatud tingimust. Seepärast: kuritegu, mis sooritatakse pärast esimest uut (veel katseajal toimepandud) kuritegu, tuleb lugeda sooritatuks juba pärast katseaja lõppemist.

Kehtiva nõukogude kriminaalõiguse järgi ei saa kohtu poolt määratava katseaja kestus ületada süüdimõistva kohtuotsuse aegumise aega, sest et seaduses ettenähtud katseaja ülemmäär langeb ühte süüdimõistva otsuse aegumisajaga (10 aastat). Ent juhul, kui seadusandluses süüdimõistva otsuse aegumisaega diferentseeritaks kohtu poolt määratud karistuse raskuse järgi, on võimalik, et vähemrasketes kuritegudes süüdimõistva otsuse aegumise aeg osutub lühemaks katseaja seaduses ettenähtud ülemmäärast. Sel puhul võib tekkida küsimus, kas võib tingimisi süüdimõistmise korral määrata katseaeg kestusega, mis ületab sama otsuse aegumisaja (näit. kuriteo puhul, mille süüdimõistva otsuse aegumisaajaks on 2 aastat, määrata katseajaks 3 aastat). Vastus sellele küsimusele peaks olema jaatav. Ka see tuleneb sellest, et tingimisi süüdimõistmine ei ole karistus, vaid karistusest tingimisi vabastamises seisnev kasvatuslik vahend. Raskusi tingimisi määratud karistuse täideviimisega sel puhul, kui katseajal (toodud näite puhul katseaja kolmandal aastal) pannakse toime uus kuritegu, ei saa tekkida, sest, nagu eespool juba märgitud, tuleb niisugusel korral tingimisi süüdimõistva otsuse aegumise tähtaaja arvutamist alata mitte otsuse tegemise ajast, vaid uue kuriteo sooritamise päevast.

Lõpuks peatume lühidalt uue kriminaalseaduse tagasiulatuva jõu küsimusel seoses tingimisi süüdimõistmise rakendamisega. Nõukogude kriminaalõiguses kehtib teatavasti põhimõte, et teo kuritegelikkus ja karistatavus määratakse kuriteo toimepaneku ajal kehtinud kriminaalseaduse alusel. Kuid erandina sellest põhimõttest omavad tagasiulatuvat jõudu seadused, mis kõrvaldavad toimepandud teo kuritegelikkust või kergendavad karistatavust (KrPK § 2, lg. 1). Tingimisi süüdimõistmise kui puhtkasvatusliku, karistuse represseerivset iseloomu mitteomava vahendi suhtes on neil printsiipidel tähtsust vaid niivõrd, kui tingimisi süüdimõistmine on seotud tingimisi määratud karistuse täideviimise võimalusega. Näiteks seadus, mis kõrvaldab teo kuritegelikkuse ja karistatavuse, kõrvaldab sellega ühtlasi ka tingimisi süüdimõistmise

rakendamise võimaluse tegude suhtes, mis pandi toime enne selle seaduse jõustumist. Mis puutub aga uutesse seadustesse, mis uuel viisil reguleerivad üksnes tingimisi süüdimõistmise rakendamise eeldusi ja ulatust, siis need seadused peavad ilma erandita omama tagasiulatuvat jõudu, sest nende seadustega tehtavad muudatused ei tähenda karistuse raskendamist või kergendamist, vaid need on muudatused, millede eesmärgiks on viia teatava puhtkasvatusliku vahendi rakendamine vastavusse kuritegudega võitlemise nõuetega sotsialistliku ühiskonna arenemise uutes tingimustes. Seepärast peab omama tagasiulatuvat jõudu mitte ainult seadus, mis näiteks vähendab katseaja alampiiri, vaid ka seadus, mis seda kõrgendab.

УСЛОВНОЕ ОСУЖДЕНИЕ В СОВЕТСКОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

Проф. Х. Кадари

Кафедра уголовного права и процесса

Резюме

В статье делается попытка осветить и разрешить ряд вопросов, относящихся к применению условного осуждения по советскому уголовному праву, исходя из понимания этого института как состоящего в условном освобождении от наказания особого средства воспитательного воздействия.

В первой части статьи рассматривается вопрос о юридической природе условного осуждения и дается характеристика, в основных чертах, условного осуждения как особого, применяемого советским судом средства воспитательного воздействия, показывается отличие этой концепции от других взглядов относительно юридической природы условного осуждения, а также основания неприемлемости последних (концепции условного осуждения как наказания, как одной из форм отсрочки наказания, как особого порядка отбытия наказания). В той же части статьи дается краткий обзор исторического развития института условного осуждения в советском уголовном законодательстве.

Во второй части статьи рассматриваются предпосылки и критерии применения условного осуждения в качестве состоящего в условном освобождении от наказания особого средства воспитательного воздействия.

По дискуссионному вопросу о возможности соединения поражения прав с условным осуждением (ч. 3 ст. 34 УК РСФСР) предлагается следующее решение вопроса. Назначение поражения прав условно не противоречит само по себе природе условного осуждения как особой меры воспитательного воздействия. Природе этого института, а также смыслу ч. 3 ст. 34 УК противоречило бы приведение в исполнение поражения прав во время испытательного срока. Вместе с тем из сказанного следует, что применение условного осуждения недопустимо в тех случаях, когда в силу конкретных обстоятельств необходимо немедленное приведение в исполнение поражения прав. В тех же случаях, где

нет такой необходимости, нет и препятствий для назначения поражения прав условно. В связи с тем подчеркивается, что вполне обоснованным является указание Верховного суда СССР о том, «что в случае условного осуждения назначение конфискации имущества в качестве дополнительного наказания является, как правило, нецелесообразным».

В статье подчеркивается, что признание судом степени общественной опасности подсудимого таковой, которая оправдывает применение условного осуждения в отношении его, должно быть обосновано конкретными данными. Лишь путем изучения и оценки конкретных фактов в их совокупности и в связи с данным подсудимым, как фактов, выражающих особенности его личности, можно прийти к обоснованному выводу относительно наличия или отсутствия субъективного основания применения условного осуждения. В связи с этим затрагивается вопрос о тех критериях, которыми суд должен руководствоваться при изучении и оценке данных, характеризующих личность подсудимого. Указывается, что при обсуждении вопроса о применении условного осуждения решается не вопрос о смягчении наказания, а в конечном счете вопрос о возможности освобождения осужденного от назначенного наказания. Не единственным, но наиболее существенным критерием оценки личности подсудимого должен быть следующий: осужденный должен быть человеком, который в силу своих моральных качеств может оправдать оказанное ему советским судом доверие, хочет и может искупить безупречным поведением свою вину и вернуться на честный трудовой путь члена социалистического общества. В статье подчеркивается, что решение вопроса о применении условного осуждения является для суда чрезвычайно ответственной задачей, требующей тщательного изучения и оценки, как конкретных фактов, так и личности осужденного.

В статье отстаивается точка зрения, что условное осуждение служит в основном цели специального предупреждения. Поэтому, если в конкретных условиях места и времени следует особо учитывать требования общего предупреждения, условное осуждение не может быть применено. Из этого следует, что при решении вопроса о применении условного осуждения совершенное подсудимым преступление должно быть оценено не только в качестве факта, характеризующего степень опасности подсудимого, но и с точки зрения задач общего предупреждения.

Исходя из понимания условного осуждения в качестве особой меры воспитательного воздействия, в третьей части статьи рассматривается ряд вопросов, связанных с выполнением условия, которое ставится судом условно осужденному и выполнение которого имеет своим последствием освобождение осужденного от назначенного наказания и погашение судимости. В статье отстаивается точка зрения, что безупречное поведение в течение испытательного срока должно быть понимаемо в смысле несвершения какого бы то ни было преступления, так как нецелесообразность применения

в конкретном случае условного осуждения как особой воспитательной меры доказывается совершением любого, а не только «не менее тяжкого» преступления. Несоответствующим природе условного осуждения было бы определение законом продолжительности испытательного срока в виде единой абсолютной величины для всех случаев применения этой меры, а также в той или иной зависимости от срока назначенного условно наказания. При определении длительности срока суд должен руководствоваться, в случае, если налицо все основания применения условного осуждения, задачей исправления осужденного и определить длительность этого срока в соответствии с указанной задачей.

Далее в статье обосновывается мнение, что началом течения испытательного срока следует считать момент вынесения приговора, а не вступления его в законную силу, так как действие условного осуждения, как состоящего в условном освобождении от наказания особой меры воспитательного воздействия, с необходимостью начнется с момента вынесения приговора.

В соответствии с этим вопрос о значении совершения нового преступления еще до вступления в законную силу приговора об условном осуждении решается в том смысле, что новое преступление должно быть рассматриваемо как совершенное во время испытательного срока и имеющее своим последствием прекращение течения этого срока. В связи с тем в статье показывается, что в отношении условного осуждения, как чисто воспитательного средства, не могут быть применены ни принципы поглощения, ни принципы сложения наказаний.

Далее в статье обосновывается положение, что в случаях, когда лицо во время испытательного срока будет осуждено за другое преступление, совершенное им до вынесения приговора об условном осуждении, целесообразным является отмена этого приговора с тем, чтобы вопрос о применении условного осуждения мог быть разрешен с учетом факта совершения и другого преступления.

Поскольку с назначением испытательного срока отсрочивается приведение в исполнение назначенного условно наказания, исчисление срока давности приговора условного осуждения должно, в случае совершения осужденным во время испытательного срока нового преступления, начаться со дня прекращения испытательного срока. Вопрос о том, прекращается ли течение испытательного срока с совершением нового преступления или же со вступлением в законную силу приговора по новому преступлению, решается в смысле первой альтернативы.

Наконец, в статье рассматриваются некоторые вопросы применения условного осуждения, возникающие в связи с изданием новых уголовных законов.

EKSPERDILE JURIIDILISTE KÜSIMUSTE ESITAMISE LUBAMATUSEST

Juriid. tead. kand. O. Püssa

Kriminaalõiguse ja -protsessi kateeder

Eksperti arvamuse kui ühe kohtuliku tõendi kvaliteet oleneb muude asjaolude kõrval olulisel määral ka ekspertile esitatavate küsimuste sisulisest õigsusest ja formuleeringulisest täpsusest.

Ekspertile esitatavate küsimuste sisu ja vormi suhtes on meie protsessiteoorias püstitatud rida mitmesuguseid nõudeid, milledest käesolevas artiklis peatume ainult ühel, nimelt juriidilise sisuga küsimuste esitamise keelul. Selle nõude rikkumist kohtame kaas-aegses uurimis- ja kohtupraktikas suhteliselt sagedamini kui ekspertile esitatavate küsimuste sisu ja formuleeringu kohta püstitatud teiste nõuete mittejärgimist. Oma osa süüd on taolise olukorra kujunemises ka meie protsessiteoreetikuil, kes seni pole pööranud juriidiliste küsimuste probleemi läbitöötamisele vajalikku tähelepanu. Poleks muidugi õige väita, et ekspertile esitatavate küsimuste kohta üldse ja juriidiliste küsimuste esitamise keelu kohta eriti oleks meie protsessialases kirjanduses vähe sõna võetud. Juriidiliste küsimuste esitamise lubamatusest on vägagi palju kirjutatud.¹ Sellest hoolimata esineb sellelaadiliste küsimuste esitamist meie uurimis- ja kohtupraktikas.

Kui analüüsida seni ilmunud sellealaseid käsitlusi, tuleb nende kõigi juures tunnistada analoogilisi puudusi. Kõik nad algavad üldsõnalise deklaratsiooniga juriidiliste küsimuste lubamatusest ning lõpevad näidetega juriidilist iseloomu omavaist küsimustest mitmesuguseis ekspertiisi liikides. Selline käsitlus ei suuda aga küllaldaselt abistada ekspertiisi määrajat küsimuste formuleerimisel. Et juriidilise iseloomuga küsimusi ei tohi ekspertile esitada, on selge küll igale uurijale ja kohtunikule. Viimaseil on aga raskusi just selle lahendamisel, kas nende poolt esitatav konkreetne küsi-

¹ Vt. näiteks Р. Д. Рахунов, Теория и практика экспертизы в советском уголовном процессе, Москва 1953, lk. 16 jj.; М. А. Чельцов, Н. В. Чельцова, Проведение экспертизы в советском уголовном процессе, Москва 1954, lk. 108 jj.; М. С. Строгович, Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе, Москва 1955, lk. 328 jj.

mus on juriidiline või mitte. Võib vist väita, et valdaval osal juhtumist ei esitata juriidilisi küsimusi mitte seepärast, et uurija või kohtunik poleks teadlik olnud juriidiliste küsimuste esitamise lubamatusest, vaid just sel põhjusel, et nad ei teadnud, et nende poolt esitatav konkreetne küsimus on sisult juriidiline. Kui juriidilise sisuga küsimusi iseloomustada ainult üksikute näidetega, siis on selline käsitlus kasuistlik ja seetõttu äärmiselt puudulik. Kõiki uurimis- ja kohtuorganite poolt eksperdile esitatavaid küsimusi ei ole ju võimalik ette kindlaks määrata ega neid nende juriidilisuse seisukohalt analüüsida. Senistes ekspertiisialastes käsitlustes ei ole aga küllaldaselt teostatud juriidilise küsimuse üldistavat vaatlust ega ole püütud anda tema mõistet.

Käesolev artikkel on suunatud selle lünga mõningale vähendamisele, pretendeerimata käsitletava probleemi ammendavale analüüsile. Lühikeses käsitluses ei ole võimalik peatuda kaugeltki kõigil juriidiliste küsimustega seotud probleemidel, siin esitatud seisukohad vajavad aga kaheldamatult veel edasist läbitöötamist ja väljaarendamist.

*

Kuritegude uurimisel, niihästi ennekohtulikul menetlusel kui ka kohtus, tuleb uurimis- ja kohtuorganil kokku puutuda paljude asjaolude tuvastamisega. Neid sisult väga erinevaid asjaolusid võib liigitada mitmeti. Arvestades meie ees seisvat eesmärki, nimelt eksperdile esitatavate juriidilise iseloomuga küsimuste olemuse selgitamist, on otstarbekas jagada kuritegude uurimisel tuvastatavad asjaolud kahte gruppi: juriidilisteks ja mittejuriidilisteks asjaoludeks.

Juriidiliste asjaolude tuvastamine saab olla ainuüksi uurimis- ja kohtuorganite ülesandeks. Nende asjaolude selgitamiseks ei või uurimis- ega kohtuorganid protsessuaalses vormis taotleda kelleltki abi. Mittejuriidiliste asjaolude tuvastamiseks võivad aga nimetatud organid appi kutsuda mitmesuguseid uurimis- ja kohtuorganite koosseisu mittekuuluvaid isikuid.

Teiste hulgas võidakse selliste mittejuriidiliste asjaolude tuvastamiseks taotleda abi ka ekspertidelt, esitades neile sel otstarbel mittejuriidilist iseloomu omavaid küsimusi. Eksperte ei tohi aga appi kutsuda juriidiliste asjaolude selgitamiseks ega esitada neile juriidilise sisuga küsimusi.

Millised kuritegude uurimisel tuvastamisele kuuluvad asjaolud on juriidilised, millised mitte? Selle küsimuse võime väljendada ka teisiti ja nimelt: milliste asjaolude selgitamine on ainuüksi uurimis- ja kohtuorganite ülesandeks ning milliste asjaoludega seoses võidakse taotleda protsessuaalses korras kõrvalist abi?

Kuritegude uurimisel peavad nii uurimis- kui ka kohtuorganid sooritama rea mitmesuguseid toiminguid. Viimaste hulgas tuleb omistada eriline tähtsus neile toimingutele, mis on seoses kuriteolise käitumise kvalifitseerimise ülesandega. Kuritegude kvalifitseerimise all tuleb mõista vastavuse tuvastamist konkreetsele kuri-

teolisele käitumisele omaste tunnuste ja seaduses kirjeldatud kuriteo koosseisu tunnuste vahel. Kuriteo kvalifitseerimine tähendab seega selle kindlaksmääramist, kas tegelikkuses asetleidnud teole on omased nõukogude kriminaalseaduses ettenähtud kuriteo tunnused.

Et nimetatud vastavus kindlaks määrata, s. t. kuritegu kvalifitseerida, on vaja eelnevalt eraldi tuvastada need asjaolud, mille vahelist vastavust tahetakse selgitada. Kuriteo kvalifitseerimiseks on seega vajalik: esiteks, täpselt tuvastada tegelikkuses asetleidnud konkreetne käitumine, teiseks, avada vastava kriminaalseaduse täpne sisu ja mõte, s. o. selgitada temas sisalduva kuriteo koosseisu tunnused, ja kolmandaks, tuvastada vastavus objektiivses tegelikkuses asetleidnud konkreetsele käitumisele omaste tunnuste ja seaduses abstraktsel kujul kirjeldatud kuriteo koosseisu tunnuste vahel.

Objektiivses tegelikkuses asetleidnud kuriteolisele käitumisele omaste tunnuste igakülgne ja põhjalik selgitamine, kuriteolise käitumise tunnetamine on uurimis- ja kohtuorganite ülesandeks. Igasugune tunnetus võib teatavasti toimuda kas vahetu meelelise tajumise kujul või vahendlikult, tõendite kaudu. Tõendada pole tarvis neid otsustusi, mille tõesust kinnitame vahetult oma meeleorganitega. Kuritegu on uurija või kohtuniku seisukohalt alati selline minevikus asetleidnud sündmus, mida nad kumbki pole vahetult meeleliselt tajunud. Kui uurija või kohtunik ise oleksid olnud kuriteolise käitumise vahetuiks tajujaiks, ei saakski nad selles asjas olla uurijaks ega kohtunikuks. Uurija ja kohtunik saavad kuriteolist käitumist seega tunnetada ainult vahendlikult, tõendite abil. Tõendamine on seega vahendlik tunnetus. Järelikult on kohtulik tõend see, mis seob uurija või kohtuniku teadvuse tõendatavate faktidega, s. o. kuriteolist käitumist moodustavate ja sellega seoses olevate asjaoludega. Kuriteolise käitumise tõendamist ei saa uurimis- ja kohtuorganid läbi viia ilma nende organite endi koosseisu mittekuuluvate isikute kaastegevuseta. Nii võidakse kohtuliku tõendi allikadena ära kasutada süüalust ja tunnistajat, kuid samuti ka eksperti. Kõik nad annavad omalt poolt uurimis- või kohtuorganite käsutusse mõne uue fakti ja aitavad sel viisil tuvastada kuriteolise käitumise üksikasju.

Ekspert saab kriminaalprotsessis esineda seega mõne objektiivses tegelikkuses asetleidnud kuriteolise asjaolu tuvastajana, s. o. kohtuliku tõendi allikana. Järelikult saab eksperdile esitada küsimusi objektiivses tegelikkuses esinenud konkreetse käitumise mõne üksikfakti selgitamiseks. Eksperti ei tohi aga kasutada asjas seni kogutud tõendite hindajana. Kohtulike tõendite hindamine on ja jääb alati uurimis- ja kohtuorganite ainuülesandeks.

Mis puutub kriminaalseaduses kirjeldatud kuriteo koosseisu tunnuste tuvastamisse, siis on see algusest lõpuni uurimis- ja kohtuorganite ülesandeks. Kriminaalseaduses on seaduseandja ette näinud igale kuriteole iseloomustavad tunnused, mis moodustavad selle

kuriteo koosseisu. Seaduseandja poolt fikseeritud kuriteo tunnused, s. o. seaduses kirjeldatud kuriteo koosseis on oma olemuselt abstraktne, vastandina objektiivses tegelikkuses asetleidvale konkreetsele kuriteolisele käitumisele. Et see konkreetne käitumine kvalifitseerida, on muidugi vaja omada täpset ülevaadet seaduses sisalduvaist kuriteo koosseisu tunnustest, kriminaalseaduse sisust ja mõttest. Seaduse tõelise mõtte ja sisu selgitamine toimub tema tõlgendamise näol. Tõlgendamist peab aga teostama uurimis- või kohtuorgan kui kriminaalseaduse rakendaja. Nimetatud organid ei tohi protsessuaalses vormis taotleda kelleltki abi kriminaalõigusliku normi tõlgendamisel. Seepärast pole ühelgi tingimusel võimalik esitada eksperdile küsimusi kriminaalseaduses sisalduva kuriteo koosseisu tunnuste selgitamiseks. Nii ei saa eksperdilt küsida, mida tuleb mõista salakaubaesemete varjamiseks eriti kohandatud ruumide, küünilise huligaansuse, valekooperatiivi, riisumise teistkordsuse, vara pillamise jne. all. Taolised küsimused, olles oma olemuselt juriidilised, saavad kuuluda ainult uurimis- ja kohtuorganite kompetentsi.

Põhiliseks uurimis- ja kohtuorganite ees seisvaks ülesandeks on, nagu eespool märkisime, kuriteolise käitumise kvalifitseerimine. Kui on tuvastatud tegelikkuses toimepandud kuriteoline käitumine ja selgitatud kriminaalõigusliku normi tõeline sisu ja mõte, on uurimis- ja kohtuorganite järgmiseks ülesandeks vastavuse tuvastamine konkreetsele kuriteolisele käitumisele omaste tunnuste ja seaduses abstraktsel kujul väljendatud kuriteo koosseisu tunnuste vahel.

Nii võivad uurija ja kohtunik, olles ühelt poolt selgitanud kohtulike tõendite kaasabil selle, et konkreetse teoga on kahjustatud isiklikku omandit, ja teiselt poolt vahetult selle, et versioonina valitud kuriteo koosseisu objektiks on samuti isiklik omand, väita, et antud juhtumil esineb objekti osas kokkulangevus. Samuti tuleb uurijal ja kohtunikul kõrvutada ka konkreetsele teole ja kuriteo koosseisule omaseid teisi tunnuseid. On vaja vaadelda, kas teo toimepaneku viis langeb oma tunnuste poolest kokku kuriteo koosseisus sisalduva teo toimepaneku viisiga, selgitada, kas konkreetse teo sooritaja psüühiline suhtumine teosse ja selle tagajärge on kokkulangev süü vormiga, mida kirjeldatakse seaduseandja poolt vastavas kuriteo koosseisus jne. jne.

Selles staadiumis ei või uurimis- ega kohtuorganid kasutada protsessuaalses vormis mingisugust võõrast abi. Ei saa kõne allagi tulla eksperdile küsimuste esitamine teo mõne üksiku tunnuse ja koosseisu tunnuse kokkulangemise või isegi kogu teo kvalifitseerimise seisukohalt. Nii ei saa näiteks eksperdilt küsida, kas antud konkreetset juhtumil on tegu suunatud isikliku omandi vastu, kas konkreetne huligaanlik käitumine seisneb märatsemises, kas tapmine on toime pandud tahtlikult, milliseid töökaitse eeskirju on isiku poolt rikutud või kas altkäemaksu võtja poolt on kasutatud väljapressimist.

Kõigest eelkäsitletust ei tule muidugi aru saada nii, et objek-

tiivses tegelikkuses asetleidnud teo tunnuste, seaduseandja poolt fikseeritud kuriteo koosseisu tunnuste ja nende mõlemate vahelise vastavuse tuvastamine oleksid kolm üksteisest ajaliselt eraldatud tegevust. Ei tule asja kujutleda nii, et uurimis- ja kohtuorganitel tuleb ajaliselt enne tuvastada tegelikkuses esineva kuriteo tunnused ja seaduses sisalduv kuriteo koosseis ning siis lõpuks selgitada nende tunnuste omavaheline vastavus ning teo lõplik kvalifikatsioon.

Need sisult erilaadsed toimingud on ajaliselt omavahel tihedasti põimunud. Peale asjas esialgsete tõendite kogumist määravad uurimisorganid kindlaks asjas esineda võivad kvalifikatsioonid versioonidena. Seejärel toimub paralleelselt kohtulike tõendite edasine kogumine ja nende alusel tegelikkuses asetleidnud käitumise üksikfaktide kindlakstegemine ning viimaste kõrvutamine nende kuriteo koosseisude tunnustega, mille järgi uurimis- ja kohtuorganid on käitumist versioonidena kvalifitseerinud. Sellise tunnuste kõrvutamise alusel langevad ära mõned algul versioonidena püstitatud kvalifikatsioonid ja jääb lõpuks tõendatuna püsima üksainus versioon ning koos sellega kujuneb käitumise lõplik kvalifikatsioon.

Tehes eelkäsitletust kokkuvõtet võime väita, et eksperdi abi saab kasutada ainult objektiivses tegelikkuses asetleidnud kuriteolisele käitumisele omaste tunnuste selgitamisel. Arvesse ei saa eksperdi abi tulla kohtulike tõendite hindamisel, seaduses kirjeldatud kuriteo koosseisu tunnuste tuvastamisel ega kuriteo kvalifitseerimisel. Järelikult võidakse eksperdile esitada küsimusi ainult seoses konkreetsele kuriteolisele käitumisele omaste üksikfaktide tuvastamisega. Kui eksperdile esitatavate küsimuste sisuks on tõendite hindamine, normi tõlgendamine või teo kvalifitseerimine, on tegemist juba juriidilist iseloomu omavate küsimustega, millele vastamine peab jääma uurimis- ja kohtuorganite ainufunktsiooniks. Kui nende ülesannete täitmise delegeeriksime eksperdile, ei saaks me neil juhtumel rääkida enam eksperdi arvamusest kui kohtulikust tõendist. Ka ekspert poleks neil juhtumel enam kohtuliku tõendi allikas, vaid muutuks ühel või teisel määral juba uurijaks või kohtunikuks. Selline arusaamine oleks aga risti vastu käiv eksperdi arvamus juriidilise olemuse mõistmisele niihästi meie protsessiteoorias kui ka kehtivas õiguses.

Eksperti arvamus kui kohtuliku tõendi puhul on üheks iseloomulikuks tunnuseks eksperdi poolt eriteadmiste alusel teostatav uurimistegevus. Olenevalt uurimisobjektide ja selgitatavate asjaolude iseloomust võib ekspertiisi teostamisel osutada vajalikuks väga mitmesuguste eriteadmiste rakendamine. Eksperti poolt kasutatavad eriteadmised võivad kuuluda väga mitmesuguste teaduste valdkondadesse. Ainult juriidiliste eriteadmiste osas peavad uurimis- ja kohtuorganid olema ise spetsialistid. Sel viisil saab võimalikuks eranditult kõigi teadusharude kaasatõmbamine kuritegude uurimisse. Juriidiliste eriteadmiste osas toimub see vahetult uurimis- ja

kohtuorganite endi poolt, kõiki mittejuriidilisi eriteadmisi võidakse kasutada aga ekspertide vahendusel.

On ka muidugi selge, et kõigi eespool mainitud juriidilise sisuga asjaolude tuvastamisel on uurijal ja kohtunikul ühel või teisel määral vaja omada ka mittejuriidilisi eriteadmisi. Nii on tõendite hindamisel vaja orienteeruda tõendite sisuks olevais faktides, mis sagedasti eeldab mitmesuguste mittejuriidilist laadi eriteadmiste olemasolu. Uurimis- ja kohtuorganitel eeldab mittejuriidilisi eriteadmisi muidugi ka kuriteolise käitumise kvalifitseerimine.

Neid juriidilise sisuga asjaolude tuvastamisel vajaminevaid mittejuriidilise iseloomuga eriteadmisi peavad uurimis- ja kohtuorganid omama ise. Selleks ei tohi nad taotleda kõrvalist abi. On loomulik, et uurimis- ja kohtuorganeilt ei saa nõuda ega nõutagi vastavate eriteadmiste eriti sügavat omamist. Neilt nõutakse mittejuriidiliste eriteadmiste omamist ainult niivõrd, kuivõrd neid on vaja juriidilise iseloomuga asjaolude üksikasjaliseks ja põhjalikuks tuvastamiseks, nimelt tõendite hindamiseks, õigusnormi tõlgendamiseks ja kuriteolise käitumise õigeks kvalifitseerimiseks. Mittejuriidiliste eriteadmiste sellises ulatuses omamist peab uurimis- ja kohtuorganitel kindlustama ka juristide ettevalmistamise programm kõrgemais õppeasutustes. Juristidele õpetatakse nimelt puhtjuriidiliste ainete kõrval küllaltki ulatuslikult kohtumeditiini, kohtupsühiaatriat, raamatupidamise aluseid ja kriminalistikat. Nimetatud ainete õpetamine peab looma omalt poolt eeldused selleks, et uurimis- ja kohtuorganid võiksid ilma kõrvalabita lahendada kõik kuritegude uurimisel ja otsustamisel üleskerkivad juriidilised küsimused.

Muidugi ei ammendu kuritegude uurimisel juriidilise iseloomuga asjaolud ainult mainitud kolme asjaolude grupiga. Kohtuorganite ülesanded ei saa ju lõppeda kuriteolise käitumise kvalifitseerimisega. Nende organite ülesandesse peab tingimata kuuluma veel isikule karistuse määramisega seotud küsimuste lahendamine. Muidugi on ka nende puhtjuriidiliste asjaolude puhul eksperdi abi kasutamine täiesti lubamatu.²

Käesolevas artiklis pole viimati nimetatud juriidilistel asjaoludel pikemalt peatunud ainuüksi seepärast, et meile teadaolevalt pole nende asjaolude puhul meie kohtupraktikas ekspertiise määratud. Tõenäoliselt on see tingitud sellest, et nende asjaolude juriidiline sisu on väga ilmne.³

² Võib muidugi esineda olukordi, kus ka karistuse määramine eeldab mõne objektiivses tegelikkuses esineva mittejuriidilise asjaolu eelnevat tuvastamist (näiteks naisisiku raseduse fakti kindlaksmääramist). Enesestmõistetavalt võidakse selliseil juhtumel kohtu poolt määrata ekspertiis.

³ Küll aga on teada kohtupraktikast juhtumeid, kus eksperdid on ise asunud lahendama isiku vastutuse küsimust, ilma et ekspertiisi määraja oleks neilt seda taotlenud. Vähe erineb kohtuotsusest alljärgnev eksperdi arvamus ühes ohutustehnika rikkumise asjas. Arvamuses on öeldud: „Kohtuistungil käigus on kinnitust leidnud, et õnnetusjuhtumi peapõhjuseks oli tehase „Borets” juhtkonna otsus kambri ehitamise kohta ilma projekteerimisorganisatsiooni loata selleks mitte ettenähtud kohale, seoses tehnoloogilise protsessi rikkumisega. Ohutustehni-

Arvestades meie poolt eespool esitatud juriidilise küsimuse mõiste käsitlest peaks olema kergem igal juhtumil otsustada, kas üks või teine lahendust nõudev küsimus on juriidilise või mitte-juriidilise sisuga.

Laskumata siinkohal kogu meie uurimispraktika analüüsimisele, peatume lõpuks ainult mõnedel ekspertiisi praktikas sagedamini esinevaid juriidiliste küsimuste liikidel.

Autotranspordi-alastes avariiasjades esitatakse eksperdile tihti ekslikult küsimus selle kohta, millist liikluseeskirja on konkreetsel juhtumil autojuht rikkunud. Ekspertdilt nõutakse sel puhul autojuhi käitumise ja liikluseeskirja nõuete vastavuse tuvastamist, s. o. autojuhi käitumise kvalifitseerimist. Sellise sisult täiesti juriidilise asjaolu tuvastamine saab aga kuuluda ainuüksi uurimis- ja kohtuorganite funktsioonidesse. Antud korral on aga eksperdile antud uurimis- ja kohtuorganite ülesandeid veelgi laiemas ulatuses. Nimelt on autojuhi käitumise kvalifitseerimiseks vaja eelnevalt tuvastada autojuhi faktiline tegevus. Autojuhi tegevuse üksikasjad sisalduvad toimikus leiduvais kohtulikes tõendites, peamiselt sündmuspaiga vaatluse protokollis ning süüaluste ja tunnistajate ütlustes. Neis mitmesuguseis tõendeis esinevad faktid on sageli omavahel vastu-rääkivad. Et nende vastuoluliste tõendite alusel selgitada autojuhi käitumist sellisena, nagu see leidis aset objektiivses tegelikkuses, peaks ekspert tema käsutusse antud kohtulikke tõendeid kontrollima ja hindama. Tõendite hindamine kuulub aga uurimis- ja kohtuorganite, mitte enam eksperti ülesannetesse. Teiselt poolt eeldab autojuhi käitumise kvalifitseerimine ka liikluseeskirja täpse mõtte ja sisu tuvastamist, s. o. vastava normi tõlgendamist. See on jällegi ülesanne, mis jagamatult kuulub mitte eksperti, vaid uurimis- ja kohtuorganite funktsioonidesse.

Esitatud analüüsist võime teha järelduse blanketsete dispositsioonide kohta üldse. Viimaste puhul teatavasti seaduseandja ei iseloomusta vastavas kriminaalseaduses kuriteolist käitumist otse-selt, vaid viitab mõnele teisele õigusnormile, mille poole on kriminaalseaduse rakendajal vaja pöörduda. Blanketne dispositsioon kujutab endast ainult teatavat seadustehnilist võtet. Nende eeskirjade mõtte ja sisu avamine, millele viidatakse blanketsetes dispositsioonis, kui ka konkreetse isiku käitumise mittevastavuse tuvastamine nendele eeskirjadele on juriidilise sisuga asjaolud, mis kuuluvad vaieldamatult uurimis- ja kohtuorganite ülesannete hulka.

kat juhtis insener Z., kes temale määratud tööga ei tegelnud. On hädavajalik ette panna ministeeriumile, et ta hoiataks tehase juhtkonda kambri töö uuesti kontrollimise vajadusest ja teeks sellest oma järeldused. Arvestades seda, et Z. juba kandis karistust administratiivkorras, on otstarbekas piirduda minimaalse karistusega. Arvestades seda, et tsehhi ülem insener S. on hea töötaja, kellel autoriteet tööliste seas ja kes on osutunud arenevaks spetsialistiks, on otstarbekas ta vabastada karistusest. Kraana-juhi V. suhtes, kes kraanal töötas juhuslikult, on otstarbekas piirduda tingimisi määratud karistusega. Tehniline insener T.” (Minu sõrendused — O. P.) (Osundatud teose järgi Р. Д. Рахунов, Теория и практика экспертизы в советском уголовном процессе, lk. 22.)

Lõpuks peatume veel ühel juriidilisel küsimusel, mida esitatakse väga sageli kohtupsühhiaatria-alasele eksperdile. Nimelt küsitakse eksperdilt, kas teatav kodanik on süüdiv talle inkrimineeritavas kuriteos. VNFSV KrK § 11 loetleb süüdimatuse tunnused. Eksperdi ülesandeks on kindlaks määrata isiku psüühiline seisund konkreetse teo sooritamise ajal. Psüühilisele seisundile omaste tunnuste ja VNFSV KrK §-s 11 antud süüdimatuse tunnuste vastavuse tuvastamine, s. o. isiku süüdivuse või süüdimatuse kindlaksmääramine, on aga juba uurimis- ning kohtuorganite ülesandeks.⁴

Kokkuvõttes võime väita, et eksperdi abi võib kasutada ainult objektiivses tegelikkuses aset leidnud käitumise üksikfaktide kindlakstegemiseks juhtumil, kui selleks on vaja rakendada mõnesuguseid mittejuriidilisi eriteadmisi. Siit kaugemale ei tohi ekspert enam minna. Nendest faktidest juriidilisi järeldusi tohivad teha ainult uurimis- ja kohtuorganid. Ekspert peab seega jääma ainult kohtuliku tõendi allikaks. Eksperdile ei tohi esitada küsimusi, millele vastamiseks ta peab kasutama juriidilisi eriteadmisi. Eksperdile esitatavate küsimuste sisuks ei tohi olla tõendite hindamine, seaduses kirjeldatud kuriteo koosseisu tunnuste kindlakstegemine ega vastavuse tuvastamine objektiivses tegelikkuses toimepandud teo tunnuste ja seaduses kirjeldatud kuriteo koosseisu tunnuste vahel. Eksperdile ei saa muidugi esitada küsimusi ka seoses isikule karistuse määramisega.

⁴ Süüdimatuse kui juriidilise iseloomuga küsimuse kohta vaata lähemalt М. А. Чельцов, Н. В. Чельцова, Проведение экспертизы в советском уголовном процессе, lk. 115 jj.

О НЕДОПУСТИМОСТИ ПОСТАНОВКИ ПЕРЕД ЭКСПЕРТОМ ВОПРОСОВ ЮРИДИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА

Канд. юрид. наук О. Пюсса

Кафедра уголовного права и процесса

Р е з ю м е

Относительно содержания и формы предлагаемых эксперту вопросов в нашей уголовно-процессуальной теории был выдвинут ряд различных требований, из которых автор настоящей статьи останавливается лишь на одном, а именно на недопустимости постановки перед экспертом вопросов юридического характера. Хотя на эту тему немало написано в специальной литературе, ни в одной из работ, посвященных экспертизе, не было дано обобщающего рассмотрения сущности юридического вопроса, не было сделано попыток определить это понятие.

При расследовании преступлений судебно-следственным органам приходится устанавливать весьма различные по содержанию обстоятельства. Так, они должны, во-первых, в точности установить имевшее место в действительности конкретное деяние, во-вторых, раскрыть точное содержание и смысл уголовного закона, т. е. выяснить содержащиеся в нем признаки состава преступления, и, в-третьих, квалифицировать данное деяние, т. е. установить соответствие между признаками, свойственными этому конкретному деянию, имевшему место в объективной действительности, и предусмотренными в уголовном законе признаками состава преступления. Обстоятельства, указанные нами в первом случае, не носят юридического характера, тогда как обстоятельства, указанные во втором и третьем случаях, являются юридическими.

Установление юридических обстоятельств предполагает наличие специальных юридических знаний и в силу этого может быть задачей только судебно-следственных органов. Для выяснения этих обстоятельств ни судебные, ни следственные органы не могут в процессуальной форме требовать чьей-либо помощи. Только для установления неюридических обстоятельств они вправе обращаться за помощью к различным лицам, не входящим в состав судебно-следственных органов, в том числе и к экспертам.

Следует, разумеется, отметить, что для установления обстоятельств юридического характера как следователь, так и судья должны в известной мере пользоваться и неюридическими специальными знаниями. Однако, для получения последних судебно-следственные органы все же не вправе обращаться за помощью к экспертам, но должны сами обладать ими в соответствующей мере.

Следовательно, помощь эксперта может быть использована лишь для установления отдельных фактов деяния, имевшего место в объективной действительности, в том случае, когда для этого необходимо применить какие-либо неюридические специальные знания. Идти далее этого эксперт не имеет права. Юридические выводы из установленных фактов вправе делать лишь судебно-следственные органы. Эксперт должен, таким образом, оставаться лишь источником судебного доказательства. Ему нельзя предъявлять вопросов, для ответа на которые он должен опираться на специальные юридические знания. Содержанием предлагаемых эксперту вопросов не могут быть ни оценка доказательств, ни выяснение предусмотренных в законе признаков состава преступления, ни установление соответствия между признаками совершенного в объективной действительности деяния и предусмотренными в законе признаками состава преступления. Перед экспертом нельзя, конечно, ставить и вопросов, связанных с наказанием подсудимого.

В работе приводятся некоторые случаи постановки перед экспертами вопросов, которые являются юридическими и не подлежат их компетенции. Так, в делах об авариях в автотранспорте нельзя ставить перед экспертом вопрос о том, какое именно предписание правил движения нарушено шофером в конкретном случае. Равным образом судебно-психиатрическому эксперту нельзя предлагать вопрос о вменяемости данного лица.

SISUKORD ОГЛАВЛЕНИЕ

Ю. Егоров. Акты, устанавливающие правовой режим Панамского канала	3
J. Jegorov. Aktid, mis määravad Panama kanali õigusliku režiimi. <i>Resümee</i>	17
А. Уусталь. Уголовная юрисдикция прибрежного государства в отношении находящихся в его портах иностранных торговых судов	18
A. Uustal. Kaldariigi kriminaaljurisdiktsioon tema sadamas asuvate välisriikide kaubalaevade suhtes. <i>Resümee</i>	37
Ю. Егоров. «Балтийская антанта» — орудие империалистической политики в Прибалтике (1934—1940 гг.)	39
J. Jegorov. „Balti Liit” imperialistliku poliitika tööriistana Baltimaades (1934—1940). <i>Resümee</i>	61
R. Auling. Eesti NSV arenemise peafaasid	63
P. Аулинг. Главные фазы развития Эстонской ССР <i>Резюме</i>	72
V. Kelder. Kolhoosnikute materiaalne vastutus kolhooslikule omandile töödistsipliini rikkumisega tekitatud kahjude eest	75
В. Кельдер. Материальная ответственность колхозников за ущерб, причиненный колхозному имуществу нарушением трудовой дисциплины. <i>Резюме</i>	88
K. Püss. Kohalike Tööraha Saadikute Nõukogude istungjärgulisest töövormist	90
К. Пюсс. О сессионной форме работы Местных Советов депутатов трудящихся. <i>Резюме</i>	113
Ж. Ананьева. Особенности правоотношения по воспитанию детей	116
J. Ananjeva. Laste kasvatamise õigussuhete erisusi. <i>Resümee</i>	132
Э. Лаасик. Защита права личной собственности	135
E. Laasik. Isikliku omandiõiguse kaitse. <i>Resümee</i>	152
И. Ребане. К постановке вопроса об основаниях правовой ответственности	155
I. Rebane. Õigusliku vastutuse aluste küsimuse asetusest. <i>Resümee</i>	173
H. Kadari. Tingimisi süüdimõistmine nõukogude kriminaalõiguses	177
Х. Кадари. Условное осуждение в советском уголовном праве. <i>Резюме</i>	193
O. Püssa. Eksperdile juriidiliste küsimuste esitamise lubamatusest	196
О. Пюсса. О недопустимости постановки перед экспертом вопросов юридического характера. <i>Резюме</i>	204

ТРУДЫ ЮРИДИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА

На эстонском и русском языках

Эстонское Государственное Издательство

Таллин, Пярну маантээ 10

*

Toimetaja Rich. Kress

Tehniline toimetaja H. Kohu

Korrektorid A. Kalberg ja I. Roots

Ladumisele antud 28. V 1956. Trükkimisele antud
19. IX 1956. Paber 60×92, 1/16. Trükipoognaid 13. Arvu-
tuspoognaid 14,22. Trükiarv 700. MB-06779. Tellimise
nr. 1673. Hans Heidemanni nimeline trükikoda, Tartu,
Vallikraavi 4.

Hind rbl. 10.50